

И.С.КОРЕНКОВ

**НЕ СТАВШИЕ
НА КОЛЕНИ**

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР
1987

Рецензенты — Н. П. Макаров, В. Д. Проценко

4702010200-045
К 572(62)-87 51-87

© Издательство ДОСААФ СССР, 1987

1

Стояла безоблачная, удивительно тихая мирная погода. На полях окрест Брянска и Бежицы густо колосились поднявшиеся в рост человека рожь и пшеница, а над ними звонкими колокольчиками заливались жаворонки. В Десне, Болве и их извилистых притоках с черемушными берегами купалась, ловила удочками, сачками, лукошками и снятыми с себя рубашками рыбу и раков городская и деревенская ребятня. На лугах звенели косы колхозных косарей, звучали то грустные, то задорно-веселые песни девчат, ворошащих валки скошенной травы и сгребаящих сено в копны. А на заводах пролетарской Бежицы привычно гудело пламя в мартеновских печах и вагранках, кипел в них расплавленный металл, тяжело ухали мощные молоты, кующие заготовки, да скрежетали резцы и фрезы станков, врезааясь в тела поковок и отливок.

Казалось, ничто не предвещало военной беды. И даже когда она грянула, никто не предполагал, что немецко-фашистские захватчики так скоро смогут оказаться на берегах Десны и Болвы...

Суровым и хмурым выглядел город Бежица. Его площади и пригороды ощетинились стволами зенитных орудий и пулеметов. В воздухе появились красноезвездные «ястребки». По улицам шагали с винтовками и просто с охотничьими ружьями патрули.

Возле военкомата и военной комендатуры росли очереди добровольцев, среди которых выделялось немало стариков и подростков. Особенно шумно илюдно было у зданий горкома партии и горисполкома. Приходили и уходили руководители фабрик и заводов, учреждений и контор, приезжали конные посыльные из воинских частей и рабочих батальонов, занятых возведением оборонительных укреплений. Из открытых окон доносились телефонные

звонки и тревожные разговоры. Кто-то запрашивал сообщения с фронта, кто-то настоятельно требовал вагоны для эвакуации детей, на высоких тонах выяснял судьбу гуртов скота... И на все это надо было отвечать тут же, сейчас, без всякого промедления: враг подходил к Десне.

Бежица постепенно пустела. Более десяти тысяч горожан ушли на оборонительные работы, многие тысячи — на фронт; эвакуировались на восток предприятия и учреждения.

Трудящиеся города встретили войну, как огромное бедствие, требующее от них невероятного напряжения моральных и физических сил. Уходящих на фронт замещали женщины и возвратившиеся к станкам пенсионеры. На оставшихся пока на месте заводах и фабриках круглые сутки не прерывалась работа.

Многие цехи, быстро переоборудованные, производили ремонт военной техники и изготовляли гранаты. В одном из них, на заводе «Красный профинтерн», ремонтировали танки. Рабочие, инженеры и техники трудились самоотверженно, сутками не покидая предприятия. В один из дней приехал сюда из танковой части капитан с подвязанной раненой левой рукой. Походив, посмотрел и решил выступить перед людьми, попросить их ускорить ремонт боевых машин.

— Я хочу сказать несколько слов рабочим, — обратился он к парторгу цеха пожилому механику Дмитрию Антоновичу Францеву.

— Ну что же, говорите, это дело хорошее, — согласился тот, но рабочих собирать не торопился.

Капитан посмотрел на него удивленно и пожал плечами.

— Говорите, говорите. Только громче, чтобы все слышали, не отрываясь от работы, — поняв его недоумение, пояснил парторг. — У нас теперь так проводятся все беседы.

Танкист поднялся на тумбу, проклялся, обвел взглядом работающих. И вдруг понял, что просить их ни о чем не требуется, они и без агитации трудятся в поте лица, на пределе физических возможностей. Еще раз взгляделся в суровые лица ремонтников, и чувство собственной вины вдруг охватило его. Капитан стал говорить об обстановке на фронте, и каждому, кто слышал его, показалось, что раненый танкист словно оправдывается перед ним лично. Странно звучала для умудренного жизнью механика, опытного парторга эта исповедь только что явившегося с фрон-

та человека. Вместе с тем росло к нему глубокое уважение. А капитан отчитывался и отчитывался за каждый день, в котором участвовал, подробно объяснял, почему наша армия отстывает, уверял, что бойцы сражаются до последней капли крови...

— Нам бы продержаться месяца три-четыре, — дрожащим от волнения голосом говорил военный, — а там соберется с силами наша страна, подойдут новые дивизии с танками, орудиями и самолетами и грянет бой, да такой, какого мир не видывал, и сломаем мы хребет немецко-фашистскому разбойнику.

— Мы верим вам и надеемся на вас, — громко произнес пожилой слесарь, устало разгибая спину.

— Правильно! — поддержали его другие работающие. — А товарищам своим на фронте передайте, что мы тоже не подведем.

Спустился командир-танкист с тумбы и пошел от одного рабочего к другому, крепко пожимая им руки. Возвратился к задумавшемуся парторгу, пожал и ему руку.

— Вот такие дела, Дмитрий Антонович, — спокойно сказал он. — Выговорился перед народом, и на душе стало полегче. Эх, танков да самолетов нам бы побольше, а то давят гитлеровцы своим превосходством, прут напролом. Тяжко на фронте, чего скрывать, но я убежден, что отступаем временно, верю в нашу победу.

Этой верой сейчас живет и весь наш коллектив, — вмешался в разговор подошедший начальник цеха Александр Иванович Виноградов. — А говорили вы очень хорошо, я припоздал малость, но многое слышал. Армия и народ у нас действительно едины и живут одними интересами и пуждами.

— Война здорово преобразила людей, — заметил Дмитрий Антонович. — Каждый считает себя лично за все ответственным. Недавно один ваш слесарь, когда мы ему предложили после бесперывной двухсуточной работы пойти домой отдохнуть, заявил, что сейчас за положение дел в стране он отвечает не меньше наркома, и ни о каком отдыхе разговаривать не стал.

— Я собирался агитировать рабочих, — сказал капитан, — но, вижу, они все понимают не хуже меня и готовы на любые жертвы ради разгрома врага. Впрочем, и у нас в армии бойцы так же рассуждают. — Подумав, танкист добавил: — Знаете, что сразу же бросилось мне в глаза?

Отсутствие в вашем городе суматохи, суетливости и паники.

— Город наш пролетарский,— с гордостью произнес Дмитрий Антонович,— и этим все сказано.

Обстановка в Бежице усложнялась. Особенно тревожными стали ночи. Участились воздушные тревоги. Ревели гудки предприятий и паровозов, душераздирающе выли сирены. Доносился гул высоколетающих фашистских самолетов. Немецкие бомбардировщики сбрасывали зажигательные бомбы и подвешенные на парашютах осветительные ракеты, затем кидались в пике, сыпали фугасно-осколочные бомбы и обстреливали город из пушек и пулеметов. Не успевала закончиться одна бомбежка, как объявлялась новая тревога, снова ревели гудки и сирены, снова бежали люди в убежища. Зенитное прикрытие города было слабым, а авиационное — и того слабее. Вражеские самолеты иногда встречали лишь три-четыре наших истребителя. Но они смело вступали в воздушный бой и даже сбивали немецкие бомбардировщики.

Однажды в хмурый осенний день над городом завязалась яростная воздушная схватка.

Из-за кучевых облаков выпрыгнули два «мессершмитта» и стали беспечно кружить над Бежицей. И тут же, совершенно неожиданно, появилась паша «Чайка». Она бесстрашно кинулась в атаку. Немецкие летчики, чувствуя свое полное превосходство, приняли бой. В воздухе завертелась такая карусель, что с земли трудно было увидеть, где наш, а где вражеские самолеты. Люди вылезли из укрытий и взволнованно следили за происходящим в небе. «Чайка» ловко увертывалась и шла в лобовые атаки так смело, что немецкие летчики трусливо отворачивали в сторону.

— Милый, родной, уходи скорей, ну уходи, голубок, заклюют они тебя, проклятые ястребы,— слезно кричала пожилая женщина, прижимая к коленям рыдающую девочку.

— Что делает! Что делает! Смотрите, люди добрые,— хрипло, сдавленным голосом говорил седой старик, опирающийся на посох.— Это ли не русский богатырь! Вот отчаянная душа! Держись, сынок! Держись!..

Увернувшись от очередной огненной трассы «мессера», «Чайка» метнулась навстречу другому и ударила по нему

в упор пулеметной очередью. Немецкий самолет беснорочно закувыркался. А на земле вверх полетели платки, фуражки — люди ликовали, кричали «ура». Второй немецкий истребитель высоко взмыл и, как показалось, пустился паутек. Но нет. Он тут же камнем кинулся на «Чайку», но она вновь увернулась и, улучив момент, ударила по противнику. А потом произошло самое страшное. «Чайка» перестала отстреливаться и нацелилась на таран. Гитлеровский летчик сообразил, что у советского истребителя кончились боеприпасы, и стал бить по нему, не опасаясь ответного огня. «Чайка» задымила, и ее хозяин выбросился на парашюте. Немецкий истребитель развернулся и, бросившись на беззащитного пилота, расстрелял его...

Удивительно повысилась бдительность даже у детворы. Однажды летним утром группа ребятшек из поселка Радница-Крыловка отправилась в лес и устроила там игру в войну. Неожиданно они заметили незнакомого мужчину. Заподозрили неладное. Полетела мальчишеская эстафета в поселковый Совет. Остальные ребята, продолжая играть, незаметно окружили незнакомца плотным кольцом и начали, как могли, отвлекать его внимание. Ничего не подозревая, мужчина решил перехитрить детишек и узнать от них кое-что из нужных ему сведений. Мальчишки стали ему дружно врать. Потом он попытался отделаться от ребят, но не тут-то было — липнут к нему с разговорами, цепляются, как клещи... Незнакомый заволновался, шагнул в сторону и вдруг увидел перед собой группу бойцов. Оттолкнув мальчишек, он метнулся за куст, но там его встретила другая такая же группа. Бойцы сбили его с ног, скрутили за спиной руки. Быстро пришла машина и увезла задержанного.

Оказался он вражеским лазутчиком, сброшенным ночью с самолета. Потом нашли его парашют, запрятанные мины, ракетницу с ракетами и другие принадлежности диверсанта.

Город готовился к тяжелой борьбе с учетом возможных обстоятельств, о которых говорить вслух было больно.

Уже 26 июня 1941 года Орловский обком КПСС и обл. исполком приняли решение об организации истребитель-

ных батальонов во всех городах и районах области. В первой декаде июля во исполнение этого решения в Бежице были сформированы два таких батальона, состоявшие в основном из рабочих, инженерно-технических работников и служащих завода «Красный профинтер». В совхозе «Красный кооператор», поселках Бежицы, Радица-Крыловка и Городище появились отдельные истребительные роты.

Вскоре вышла специальная директива, согласно которой Бежицкий горком партии и горисполком провели большую организаторскую работу по формированию партизанских отрядов и диверсионных групп, подбору и расстановке в них командно-политического состава, обеспечению их вооружением, обмундированием и продовольствием. Созданные ранее два истребительных батальона были реорганизованы в отлиц, партизанский. Командиром его горком утвердил Александра Ивановича Виноградова, комиссаром — Петра Андреевича Рыжкова, начальником штаба — Василия Константиновича Смирнова. Командирами рот были назначены М. П. Коршунов, Г. Р. Климов, А. М. Обьеденников и автор этих строк, политруками рот — И. В. Локтюхин, А. И. Пузачев, С. Г. Демин и И. Б. Лукин. В короткий срок в роты подобрали опытных помощников командиров и старшин, хорошо знавших курсы подготовки молодого бойца и умевших обучать рядовых партизан. В партизанский батальон отбирали лучших бойцов и только на добровольных началах. Принцип «лучше меньше, да лучше» стал основным при комплектовании подразделений.

Теперь от командно-политического состава требовалось одно — напряженная работа по сплочению партизан в боевой коллектив, обучению их военному делу. Времени не хватало. Партийные и советские органы города приняли решение о переводе батальона на казарменное положение. Партизаны с раннего утра до позднего вечера проходили ускоренную военную подготовку. Люди уставали порой до изнеможения, но никто не жаловался.

Бойцы овладевали стрелковым оружием. Каждому предстояло научиться хорошо стрелять из винтовки, ручного и станкового пулеметов, метко бросать ручные гранаты и бутылки с самовоспламеняющейся смесью. Среди молодежи, а ее в батальоне Виноградова было много, обнаружались и ворошиловские стрелки, и значкисты «ГТО», и да-

же снайперы. Кстати, из местного Дома обороны батальону передали более десятка снайперских винтовок, все необходимые пособия, макеты и приспособления для стрелковой подготовки, а также списанные три станковых и десять ручных пулеметов. Каждая рота выделила своих лучших стрелков в группу снайперов.

Партизаны отработывали приемы штыкового боя, учились преодолевать препятствия и маскироваться. Несколько человек направили в Белые Берега для обучения подрывному делу.

Первостепенное значение придавалось политическому воспитанию. С будущими народными мстителями проводились политзанятия, политинформации, групповые и индивидуальные беседы.

В конце августа 1941 года началась организация партизанских баз в лесу. В батальоне Виноградова всей этой сложной работой руководили начальник штаба Смирнов, начальник хозяйственной части М. Д. Андреев и помощники командиров рот.

Враг надвигался неудержимой лавиной. Каждое сообщение Совинформбюро об оставленных нашими войсками городах и населенных пунктах порождало уйму недоуменных вопросов. По городу, случалось, проползали слухи о том мрачнее другого, так что порой правду от кривды отличить было не просто. Не все понимали в происходящих событиях и партизаны. На этот счет требовались квалифицированные разъяснения.

Секретарь парторганизации Иван Борисович Лукин вынес разговор об улучшении политико-воспитательной работы на обсуждение партийного собрания. В докладе, изложив конкретные задачи, он подверг критике тех коммунистов, которые в беседах с партизанами отделиваются общими фразами, уходят от острых вопросов.

Собрание осудило и перестраховщиков, проявляющих огульную подозрительность, подтвердило необходимость терпеливо и доброжелательно разъяснить партизанам возникающие проблемы, признало, что одних политинформаций для этого недостаточно, нужно максимально использовать все многообразие форм и методов политико-воспитательной работы.

— Мы собираемся на святое дело защиты Родины, — заявил Иван Борисович в заключение. — На нас возлага-

ется миссия народных мстителей. Между нами не должно быть никакого недоверия и подозрительности, это и обеспечивает нам самую высокую бдительность к пронкам врага.

Каждую ночь, при приближении немецких самолетов, в воздух влетали ракеты вражеских лазутчиков. Бойцы истребительного батальона круглосуточно находились на боевых постах — охраняли важнейшие объекты, патрулировали по городу, сидели в секретах и засадах.

Борьба с ракетчиками осложнялась в связи с эвакуацией предприятий и семей рабочих на восток. В городе оказалось очень много опустевших домов, где удобно было прятаться лазутчикам. Как-то при очередном налете вражеской авиации из многоэтажного дома по улице Бежицкой вдруг полетели ракеты в сторону железнодорожного вокзала. Бойцы обшарили весь дом, но ракетчик будто растворился в воздухе. А через день оттуда снова полетели ракеты, но и на этот раз поиски ничего не дали. Две ночи человек пятнадцать лежали в засаде вокруг дома, результат — тот же. На третью, как только прозвучал сигнал воздушной тревоги и послышался гул приближающихся самолетов, из слухового окна на чердаке этого дома вылетела ракета. Тотчас же по окну ударили из винтовок. Из дома никто не мог незаметно уйти, и с рассветом бойцы принялись за поиски. И снова никого не обнаружили. Однако больше отсюда ракеты не пускали. Оказывается, на чердаке этого дома был оборудован скрытый пост наблюдения. Обнаружили его только через несколько дней. Взломали дощатую крышу и увидели скрюченный труп мужчины лет пятидесяти, а рядом ракетницу, запас ракет, пистолет и небольшой запас продуктов питания. Выходит, тогда, при обстреле, вражеского лазутчика смертельно ранили в живот и грудь. Раненый, он уполз в тайник, да там и испустил дух.

В другой раз жители сообщили в истребительный батальон, что из сада, около стройки ТЭЦ, выпущено несколько ракет в сторону завода «Красный профинтерн». Вечером отделение бойцов истребительного батальона скрытно проникло в сад и затаилось. Часа в три ночи, после сигнала воздушной тревоги, донесся характерный гул моторов. И тут же из ближайшего дома вышел пожилой мужчина. Он тщательно осмотрелся, прислушался, потом подошел к одной из яблонь, около которой прятались два

наших бойца, достал из тайника ракетницу и стал заряжать ее. Бойцы скомандовали ему:

— Руки вверх!

Диверсант выстрелил в них ракетой, промахнулся и бросился бежать, но был сбит ударом приклада. Оказался он матерым агентом, завербованным еще в первую мировую войну, когда добровольно сдался в немецкий плен.

В августе в Бежице были созданы диверсионные группы под командованием Шакина, Петрова, Киреева, Родищева, Журавлева, Пузачева, Шпадарева, Кузнецова, Орешнипа и Алексева. В сентябре они успешно перешли линию фронта и полностью выполнили задания в тылу врага. Однако возвратились далеко не все. Линию фронта на обратном пути преодолевали с боем, неся большие потери. А группу Шакина, после взрыва ею склада боеприпасов, фашистам удалось окружить. Неравный бой длился почти весь день. Отважные партизаны уничтожили более полусотни гитлеровских солдат, но и сами все погибли. Такая же трагическая участь постигла и группу Орешнипа, которая взорвала важный объект, забросала гранатами штабные машины, но и сама была окружена и погибла в неравном бою.

В конце сентября 1941 года противник подтянул резервы и предпринял новое наступление на центральном направлении. Не сумев сломить сопротивление войск Брянского фронта, он обошел Брянск и Бежицу с юга, захватил Орел и повернул на север, к Москве. Одновременно левое крыло наступающих прорвало фронт южнее Вязьмы и устремилось к Москве с юго-запада. 7 октября враг оккупировал Вязьму, через неделю — Калугу. Пал и город Брянск. Брянский фронт оказался в тяжелом положении.

В первых числах октября партизаны батальона Виноградова сосредоточились у Первомайского моста, чтобы принять участие в обороне своей любимой Бежицы. К вечеру на городищенской горе показалось несколько вражеских танков. Молодежная рота Обьденникова, находясь в засаде за мостом, забросала противотанковыми гранатами головной танк противника и подорвала его. Остальные машины развернулись и ушли на шоссе Рославль — Брянск. Поздно вечером совместно с подъехавшими армей-

скими саперами партизаны взорвали Первомайский мост и подожгли временную, запасную, переправу через Десну. На рассвете 8 октября они оставили Бежицу, перешли вброд реку Болву и ушли в Карачиженско-Крыловский лес. В этот же день направились в леса и остальные бежицкие отряды и отдельные партизанские группы.

Города Брянск и Бежица, поселки Урицкий и Володарский были охвачены сплошными пожарами, дымом застлало весь небосвод. Улицы опустели. Люди затаились и с тревогой ждали прихода чего-то неотвратимо страшного.

Обстановку на фронтах партизаны толком не знали. Известно было, что оккупанты захватили областной центр Орел, и это казалось странным и непонятным.

Переход в лес проходил организованно. Где-то сзади, слева и справа ухала артиллерия. Волнами катились армады немецких бомбардировщиков, и тяжело стонала земля от разрывов авиабомб. По дорогам шли и ехали на чем попало бойцы армейских тыловых служб, целые подразделения, женщины и дети. Куда и зачем шли и ехали, понять было невозможно, иногда не знали этого и сами шедшие и ехавшие. Двигались в самых различных направлениях, часто навстречу друг другу, таща на себе и за собою свои пожитки. Куда-то гнали огромные стада скота, животные испуганно мычали и блеяли, металась во все стороны, словно предчувствуя смертельную опасность.

Что обо всем этом думали партизаны? Конечно, много было неясного, и эта неясность усиливала тревогу. Они, как говорится, сожгли за собой все мосты. Впереди — борьба не на жизнь, а на смерть. Нет-нет да и вздохнет иной тяжело и продолжительно от непомерной тяжести страшной беды, обрушившейся на родную землю...

— Иван Борисович, что же это творится на белом свете? Пели: «Броня крепка и танки наши быстры, пойдут машины в яростный поход», а Красная Армия отступает и отступает, — обратился партизан Скрементов к шагавшему рядом с ним политруку третьей роты, секретарю партийной организации батальона Лушину.

— Слушай, Жорж, уже не сдрейфил ли ты, случайно? — поддел товарища Евгений Колесников. — Или надеялся партизанить на персональном танке?

— Разве обо мне речь? — отозвался горячий на слово и дело Скрементов. — Не знаю, как ты, а я точно буду иметь на своем боевом счету персональный немецкий танк, да и воинский эшелон впридачу.

— Конечно, обидно уходить из родного города в леса. Но нет, оно и лучше было бы костыми лечь на Первомайском мосту Десны, защищая город, — задумавшись, произнес пожатой, степенный партизан А. Г. Михалкин. — Но вопрос решен, значит, в лесу мы нужнее. Можно и в лесу с оккупанту прикурить.

— Ничего, под Москвой этих непрошенных гостей встретят как полагаются, — вмешался старшина Н. И. Фетилов. — Еще как драпанут! А мы — тут как тут, устроим пробки на большаках и железных дорогах. Это им не по Европе шагать походным маршем!

— «Мы — не рабы! Рабы — не мы!» С какой гордостью, помню, произносила моя мама эти слова, возвращаясь из ликбега, — говорил Николай Зинов. — Потом я и сам любил декламировать: «Никогда, никогда коммунары не будут рабами!» А мама улыбалась, приговаривая: «Счастье-то какое, сынок: никаких тебе господ-мироедов! Трудовой люд стал настоящим хозяином всей своей жизни».

— Мама и у меня такая же, — мечтательно заметил Владимир Маевский. — А отец — боевой мужик. Не раз рассказывал, как они, разутые, раздетые и голодные, отбивались от четырнадцати империалистических держав. И отбили, отстаивали Советскую власть. Мы, следовательно, не имеем права терять завоеванное ими. Когда прощались, помог я ему залезть в вагон, уходящий на восток, обнял он меня и говорит: «Один ты у меня, боюсь за тебя, но что идешь в партизаны — хвалю. Запомни, сынок: лучше сложить голову, чем струсить, подвести товарищей или, того хуже, предаться врагу». Вот какой у меня батя!

Слушал Иван Борисович бесхитростные походные разговоры партизан и думал: «Пусть порассуждают сами. Это хорошая разрядка их душевному напряжению. А потом мне будет легче ответить на заданный Скрементовым вопрос».

И вот, воспользовавшись наступившей паузой, он стал подробно объяснять сущность дела и в заключение сказал:

— Очень много у нас заводов построено на Урале, с большим размахом, но они находились еще в стадии пуска и наладки производства, только-только начали набирать силу. Не успели мы, не хватило нам нескольких лет мирного строительства. Но ничего, будут у нас и самолеты, и танки, и погонит Красная Армия с нашей земли весь

этот фашистский сброд. А сейчас задача — сделать все, чтобы горела земля под ногами захватчиков.

— Русский народ и раньше никому не удавалось превратить в рабов, а теперь тем более, — вставил командир роты. — Советского человека фашистские палачи могут казнить, убить, сжечь заживо, но никогда и никакими средствами не смогут заставить рабски склонить голову и стать на колени. — Он остановился, окинул взглядом растянувшийся строй и зычным голосом подал команду: — Подтяни-и-ись!

И шагали партизаны, удаляясь все дальше и дальше от родного города...

Уходили, как думалось, на два-три месяца. Из этого расчета запасли продукты питания, а боеприпасов — и того менее, теплой же одежды и обуви совсем не взяли.

Однако эти два-три месяца превратились в два года тяжелой партизанской борьбы в тылу немецко-фашистских войск.

Кто тогда мог все предвидеть и предусмотреть...

3

Только-только набрал проектную мощность сооруженный в годы 2-й пятилетки Бежицкий сталелитейный завод. Остались позади трудные годы строительства, периоды организации производства, обучения кадров и отладки технологического процесса. Мартеновские печи задыхались во всю мощь дутьевых вентиляторов, забушевал в них огонь, заклокотали, плавясь, чугун и железо, в изложницы и земляные формы огненной рекой хлынула выплавленная добротная сталь. Сталевары, соревнуясь, объявляли вахты стахановскими и ставили рекорд за рекордом. Казалось, не будет предела достижениям молодого коллектива металлургов. Но грянувшая война оборвала их мирный труд. По решению правительства завод эвакуировался в глубокий тыл страны, оставались лишь человек восемьдесят для выполнения специального задания.

В один из дней группа рабочих этой команды пришла в опустевший партком. Здесь находились и что-то горячо обсуждали член парткома Павловский и представитель администрации завода Пуклин. Пришедшие поздоровались, расселись поудобнее и не торопясь принялись свертывать сигарки.

— Мы к вам по важному делу, — начал Архипов после

глубокой затяжки. — Если Красная Армия оставит город, то наша команда должна выполнить спецзадание. Тут все ясно. А что будем делать потом? В такую годину уходить на восток не позволяет рабочая совесть. Вот и надумали ребята создать партизанский отряд и сражаться в тылу врага на родной брянской земле.

— Ну и чудеса! — воскликнул Павловский. — Об этом же самом и мы сейчас толковали. Выходит, у всех одна дума-думушка. Осталось нашу идею согласовать с горкомом партии.

— Неужели там могут воспрепятствовать? — встревожился пожилой усатый рабочий.

— А вы, как представители парткома и дирекции завода и наши прямые начальники, направляйтесь в горком и добивайтесь, — солидно изрек Архипов.

— Да понастойчивей там нажимайте, мол, рабочий класс требует, — добавил Самойленко. — Я уже и свой грузовик подогнал, так что можно ехать хоть сейчас.

Пуклин и Павловский приехали в горком партии и еле пробившись к первому секретарю Луканову, у которого в эти дни шли непрерывные совещания. Гавриил Маркович внимательно выслушал ходяков, потер побаливающие от усталости виски.

— Так ведь это же очень здорово, — произнес он, — что сами рабочие подняли вопрос об организации партизанского отряда. Группу вашу знаем, но считали, что после выполнения особого задания вы можете с чувством исполненного долга уходить на восток. Ну а поскольку рабочая совесть зовет вас продолжать борьбу против ненавистного врага здесь, то возражать не будем. Вдумайтесь только, товарищи, — обратился Луканов к присутствующим работникам горкома партии, комсомола и горпарткома, — какой во всем этом глубочайший политический смысл заложен. Значит, быть партизанскому отряду Бежицкого сталелитейного завода!

Тут же командиром отряда утвердили Дмитрия Георгиевича Пуклина, политруком — Ивана Васильевича Павловского, помощником командира — Николая Филипповича Архипова.

Уже через два дня отряд был сформирован и вооружен. Помощник командира построил личный состав, осмотрел критическим взором подравнявшиеся шеренги и горчливо промолвил:

— Для строевых парадов не годимся. Нет должной воинской выправки. Вид, прямо скажем, не гвардейский.

— Ну это ты, Филиппыч, напрасно,— возразил политрук.— Мы как раз и есть рабочая гвардия. В партизанской жизни нам не маршировать, а сражаться придется. А выправка будет!

— Правильно! — одобрили партизаны.— Рабочие всегда шли в первых рядах трудового народа. Не подведем и мы. Так и доложите горкому.

— Что ж, и доложим,— сказал командир отряда.— Мол, не сомневайтесь — сталелитейщики, погасив пламя в мартеновских печах, сумеют разжечь иной огонь в тылу врага, так что у супостата будет под ногами гореть земля.

В сентябре партизаны занимались строительством баз в лесу, проводили учения и стрельбы, ходили небольшими диверсионными группами в тыл противника. Но в начале октября враг оказался у ворот города. Ночь на 8 октября ушла на выполнение спецзадания, лишь к рассвету отряд направился в Улемьский лес. Последняя группа партизан во главе с командиром отряда выехала из города на грузовой автомашине уже поздним утром. За поселком Чайковичи большак оказался весь искореженный гусеницами и колесами и изрытый воронками от взрывов авиабомб. Шофер нервничал, резко крутил баранку и переключал скорости. То одним, то другим колесом машина проваливалась в ямы и выбоины, кренчилась и трещала по всем швам. Партизан, разместившихся в кузове, бросало из стороны в сторону, и они проклинали и дорогу и водителя. Вдруг грузовик рухнул передними колесами в глубокую рытвину. Что-то гулко хрястнуло, и он остановился. Партизаны высыпали из кузова и стали осматривать колеса.

— Все, приехали! — махнул рукой шофер.— Передняя ось лопнула пополам.

— Какого же черта ты смотрел?! — ругались партизаны.— Что теперь делать, дурья твоя голова?

— Снимайте, хлопцы, вещи, придется топтать пенником,— решил командир.— А машину надобно сжечь.

— Как это — сжечь? — не понял шофер.— Я за нее головой отвечаю.

— Ничего, браток, не поделаешь, не оставлять же ее врагу.

— Да, нескладно все как-то получилось. Не вражескую, а свою автомашину сжигаем,— ворчали ребята.

— Не пашковать, за этот старенький драндулет развешивать каждому сжечь по автомашине оккупантов, желательно с боеприпасами,— пошутил Дмитрий Георгиевич.

Взвалив на себя вещи и оружие, группа двинулась в путь. Прошли километра полтора и встретили другую грузовую автомашину, на которой Самойленко ехал в Бежицу, надеясь прихватить дополнительно взрывчатку.

— Ты что, хочешь угодить прямо в лапы фашистов? — прикрикнул командир.— Мы уезжали последними, и там, браток, уже всюю стреляют. Разворачивай машину! Садись, ребята!

Партизаны быстро погрузились в кузов и без особых происшествий доехали до Шаховой пристани на реке Болве. Подошли к берегу, а проводников Кустарева и Ланина здесь нет. Сколько ни искали, те как в воду капусти.

— Вот разгильдяи! Куда же они запропастились? — недовольно переговаривались между собой приехавшие.

Не знали тогда партизаны, что Кустарев и Ланин на какой-то попутной машине выехали им навстречу, но поехали по другой дороге и разминулись с ними. В Бежице, не застав группу, они столкнулись с гитлеровцами и погибли в завязавшейся перестрелке.

— Самойленко, — позвал командир, — загоните машину в кустарник, замаскируйте и заминируйте! Ну все, товарищи, ждать больше некогда, нужно уходить.

Переправившись через Болву, они лесными тропами ушли в лагерь, где уже разместились основные силы отряда.

4

Партизанский отряд горотдела УНКВД был организован из группы сотрудников самого отдела и воензированной пожарной команды завода «Красный профинтерн». Командиром отряда назначили оперуполномоченного уголовного розыска, бывшего военнослужащего С. Т. Дешова.

При утверждении комиссара произошла заминка, так как Ф. П. Камнев, кандидатура которого предлагалась, был комсомольцем, а не коммунистом. Несмотря на это, горком партии считал возможным доверить ему политическое руководство отрядом, только назвали его не комиссаром, а политруком.

На рассвете 8 октября партизаны сожгли все архивные материалы горотдела УНКВД и ушли из горящего города.

— Смотрите, товарищи, и запомните, что несет нашему народу немецко-фашистская армия,— говорил Федор Петрович Каменев своим спутникам, указывая на пылающие Брянск и Бежицу.

По деревянному мосту отряд перешел на восточный берег Болвы. Там Денисов остановил партизан и объявил, что им приказано держать этот мост, пока будут уходить из Бежицы запоздавшие с эвакуацией советские организации, а потом сжечь его и уходить в лес.

— А теперь,— добавил он,— перед тем, как сжечь за собой этот последний мост — сжечь и в прямом и в переносном смысле, после чего назад ходу не будет уже никому — давайте поговорим вот о чем. Дело, на которое мы идем, смертельно опасное, и на него нужно идти только добровольно, с полным сознанием своего долга перед партией и народом. Все вы — люди прямые, честные, и мы с политруком уверены в каждом из вас. Но знайте: на партизанскую тропу надо или не ступать совсем, или, если уж оказались на ней, идти до конца не раздумывая. Может, кто-нибудь за последние дни передумал, почувствовал, что слаб здоровьем, что партизанская борьба ему не по плечу и хочет уйти из отряда? Еще не поздно...

— Как это — уйти? — вскочил помощник командира отряда Л. П. Журавлев.— Что вы такое говорите, Сергей Тимофеевич?! Это же будет дезертирство! Да я собственной рукой пристрелю такого!

— Не князись, Леопид Пантелеймонович,— остановил его Денисов.— Повторяю: идем на смертный бой, и не на один день. Если сейчас кто уйдет, нам будет, конечно, досадно, но никто его не обвинит в дезертирстве и не станет преследовать ни теперь, ни потом. Такова установка горкома партии. Вот и политрук может подтвердить.

— Конечно, подтверждаю, — проговорил Каменев. — И от себя добавлю, что от этого моста должны пойти в лес только те, кто готов отдать жизнь за свою Советскую Родину.

— Значит, так и договорились,— подвел черту Сергей Тимофеевич.— Через полчаса мы сделаем поверку, а сейчас отдыхайте и подумайте.

Через несколько минут к командиру подошел партизан

Сальников. Командир и политрук насторожились. Прислушались и остальные, кто находился рядом.

— Я, товарищ командир, вот что хочу сказать. В отряде я действительно самый малый ростом и на вид вроде хлипкий. Вот вы и можете подумать, что я слаб здоровьем, да еще сами решение примете... А я не слабее других, и силенок у меня хватит. А случится погибнуть, так что же — я как все. Прошу вас и вас, товарищ политрук, поверить мне.

— Ну, Иван Афанасьевич, ну, друг мой сердечный! — не удержался от эмоций Денисов.

Он сграбастал парня в охапку и по-мальчишески зарушился с ним.

— Товарищ командир! Разрешите доложить: из отряда никто не ушел! — по истечении срока, не скрывая радости, доложил Журавлев.

— Да мы с командиром иного и не ожидали,— спокойно отозвался политрук.— Можно сказать, Сальников за всех поставил точку.

В это время к отряду подбежал пожилой армейский лейтенант-сапер.

— Выручайте, товарищи, — обратился он, запыхавшись,— иначе нам одним не справиться.

— Пойдите, кто вы и какая вам пужна помощь? — спросил Сергей Тимофеевич.

— Нам приказано взорвать железнодорожный мост на этой реке. Вот приказ, прочитайте, если не верите,— стал объяснять лейтенант, охотно предъявив документы.— Взрывчатку уже привезли. Я с тремя минерами остался здесь, а наш политрук уехал за остальными бойцами. Выехал он сюда с саперами на грузовике, но палетели фашистские бомбардировщики и никого не осталось в живых... Прислали еще машину со взрывчаткой, но без людей. Что теперь делать, ума не приложу. Увидел вот вас...

— Ну что же, дело это наше общее, будем помогать,— успокоил лейтенанта Денисов.— Товарищ Журавлев, вы остаетесь здесь с пятью партизанами. В случае чего — идите самостоятельно на базу. Остальные — за мной. Веди, лейтенант.

В течение почти трех часов партизаны таскали пакеты со взрывчаткой на железнодорожный мост, а оттуда спускали вниз минерам, которые укладывали пакеты под мостки.

Наконец лейтенант командовал отойти всем от моста на расстояние не менее трехсот метров. Убедившись, что партизаны точно выполнили приказ, миныры подожгли бикфордовы шнуры и сами отбежали в укрытие.

Прогрело четыре мощных взрыва. Мост обрушился с двух сторон, балки, шпалы, рельсы и фермы оказались на дне реки. Скоро к партизанам подошел лейтенант со своими подчиненными, поблагодарил командира отряда за оказанную помощь.

— Куда же вы теперь? — спросил его Денисов. — Оставайтесь с нами партизанить, лейтенант. Нам подрывники во как нужны...

— Нет, товарищ партизанский командир, не имеем права. У нас есть еще задания. А вообще-то вы ребята надежные, с такими воевать можно.

Они тепло распрощались с партизанами, сели на выдвинутую впереди грузовую автомашину и уехали своей военной дорогой.

— Хотя и не мы, а армейские миныры взорвали эту громадину, но приятно сознавать, что и наше участие в этом есть, — проговорил политрук.

— Как, политрук, думаешь, не пора ли и нам поджигать свой мост и двигаться на партизанскую базу? — перевел разговор Денисов. — Минут двадцать назад прошла последняя машина.

— Да, пора, конечно, — ответила Федор Петрович. — Задерживаться дольше нужды нет, провили и проехали все, кто еще оставался в городе. Да и небезопасно... Как бы после этих взрывов не пожаловали автоматчики противника, а вступать с ними в бой нам пока ни к чему.

Денисов, Журавлев и еще четверо партизан взяли по бутылке с самовоспламеняющейся жидкостью и разошлись по мосту друг от друга метров на пятнадцать-двадцать. Первую бутылку метнул сам командир отряда, и всыхнул конец моста у западного берега Боявы. Затем партизаны метнули по очереди еще пять бутылок. Пламя охватило мост во всю его длину.

К вечеру отряд прибыл на подготовленную базу и оказался прямо-таки в шиковом положении. Землянки были полузатоплены грунтовыми водами, и пришлось почевать не в землянках, а около них. Утром осматрелись: кругом — болото, и выливать воду из землянок не было смысла. А еще хуже то, что все сооружения просматривались с большака.

— Да, — с досадой проговорил Денисов, — тут мы здорово оиростоволосились. Почему же вы не сообщили, что землянки залило водой? — напустился он на партизан, которые были в лесу и охраняли базу.

— Так только вчера вода стала выступать из-под пола, а то все было нормально, — оправдывались те.

— Делать нечего, придется менять базу. Я эти места знаю, пойдем ближе к Орловским Дворикам и там обоснуемся. Здесь оставаться все равно нельзя, противник быстро обнаружит. Скажи пожалуйста, — удивленно добавил командир, — всего месяц назад здесь, кажется, было совсем сухо, глухомань сплошная, да и большак не был выведен. Что значит — нет опыта...

Оставив охрану, двинулись искать новое место. Выбрали его примерно в километре от усадьбы Карачижско-Крыловского лесохозяйственного техникума.

Пока строили землянки, склады и кухню, перетаскивали продукты, имущество и боезапас, прошло трое суток. На четвертые послали небольшую группу под командованием Семена Григорьевича Рындина с задачей проверить, не осталось ли чего на старой базе. Приблизившись к землянкам, партизаны заметили около них каких-то людей. Было их несколько десятков. Присмотрелись — вражеские автоматчики! Вступать в бой пятерым партизанам с целым подразделением противника было бы глупо. К тому же можно привести за собой хвост на новую базу. Партизаны затаились и стали наблюдать. Гитлеровцы походили, походили вокруг брошенных землянок и вдруг начали бесприцельно бить из автоматов и ручных пулеметов прямо по лесу. Минут пятнадцать стреляли, надеясь, вероятно, вызвать страху на «спрятавшихся» партизан, а заодно и самих себя подбодрить, потом ушли на большак и двинулись в сторону Жиздры.

Возвратившись в отряд, партизаны доложили командиру обо всем увиденном. Стало ясно, что если бы они не успели своевременно оставить старую базу, то сегодня пришлось бы держаться тяжелой бой и уходить в лес, потеряв все запасы.

— По нашим наблюдениям, это прошел батальон пехоты, — сказал Рындин. — Его боковой дозор и заметил землянки.

Политрук Каменев, выслушав доклад, повернулся к Денисову:

— Счита́й, командир, что на этот раз ты оказался хитрее оккупантов и выкрутились мы удачно. Но это еще цветочки, а ягодки будут впереди, так что давай думать, как и ребят вовремя уводить из-под ударов, и захватчиков бить ощутимее.

— Ничего, Федор Петрович,— ответил Денисов.— Базу мы замаскировали неплохо, а завтра устроим вылазку на большак, подадим от базы, и при удобном случае пустим в ход гранаты и бутылки.

5

В Радице-Крыловке из рабочих и служащих заводов и других предприятий Бежицы и поселков Урицкого и Володарского была создана отдельная истребительная рота. Оперативно ее подчинили штабу Бежицкого истребительного батальона, во всех остальных вопросах она действовала самостоятельно.

На своем вооружении рота имела два ручных пулемета, винтовки, ручные гранаты и бутылки с самовоспламеняющейся жидкостью. Командовал ею старший контрольный мастер одного из цехов завода «Красный профинтерн» Михаил Матвеевич Кошелев, человек честный и добросовестный, но страдавший туберкулезом легких и, что не менее печально, недостаточной твердостью характера. Политруком роты утвердили Петра Семеновича Глебова, заведующего поселковым клубом, инвалида с тяжелым старым ранением в левую ногу. Образование он имел невысокое, но, окончив курсы культработников, с делом справлялся неплохо.

Получив указание горкома партии об организации партизанского отряда из бойцов и командиров этой роты, Кошелев и Глебов собрали личный состав, разъяснили поставленную перед ними задачу и спросили каждого о его намерениях. Желающих стать партизанами оказалось много, но выбор пал только на тех, кто наилучшим образом подходил к условиям вооруженной борьбы в тылу врага. Всего в отряд зачислили 34 человека, из них 8 коммунистов и 12 комсомольцев. Среди партизан было 6 женщин.

Отряд разместился в здании школы и перешел на казарменное положение. Началось ускоренное обучение людей методам и формам партизанской борьбы. Одновременно строили лесную базу. Кошелев кренился как мог, пы-

тался скрыть от товарищей тяжелое состояние своего здоровья, опасаясь, что это могут воспринять как проявление трусости. В тех условиях ему бы следовало сказать в горкоме партии, что он очень болен и поэтому не может принять участие в партизанской борьбе, а тем более возглавить отряд. Но не сказал...

Так прошел сентябрь.

Однажды командир и политрук, возвратившись с очередного совещания в горкоме партии, объявили товарищам, что Орел захвачен противником, Брянск и Бежица оказались в окружении. На другой день послали группу партизан во главе с Духаниным с задачей разведать подходы и выяснить возможности минирования и взрыва Черного моста через Десну. На подступах к объекту группу обстреляли вражеские солдаты, успевшие захватить мост. Партизаны залегли, затем стали отходить и возвратились без потерь. Побывавшие в Бежице связные сообщили, что командир Бежицкого истребительного батальона Виноградов приказал отряду уходить в лес.

8 октября на рассвете партизаны покинули поселок.

Аналогично складывалось положение и в городищенской истребительной роте, которая была организована из рабочих и служащих завода «Красный профинтерн», проживающих в поселке Городище, административно входившем в состав Бежицы. Ее командиром горком партии утвердил директора Городищенского клуба культуры завода «Красный профинтерн» Григория Аркадьевича Мирошкина, а политруком — директора поселковой семилетней школы Николая Ивановича Сорокина. Скоро эта рота также была преобразована в партизанскую группу, и в конце сентября по указанию горкома партии она перешла в поселок Бежичи. Через некоторое время туда перевели и отряд совхоза «Красный кооператор». Командиром этого своеобразного партизанского гарнизона стал Андрей Сергеевич Горбачев.

В первых числах октября на совещании в горкоме партии Александр Иванович Виноградов поставил вопрос о создании в лесу запасной, строго засекреченной продовольственной базы на случай разгрома противником основных баз отрядов. Кое-какие продукты и мука в запасе имелись, но мясо уже было отправлено по назначению, так что требовалось решить и «мясной» вопрос. Горбачев

сообщил, что на одной из свиноферм совхоза «Красный кооператор» осталось около двадцати подсвинков, куда по четыре каждый, по дороге туда уже заминирована. Сотрудник НКВД города Костин, ведавший партизанскими формированиями Бежицы, обязался лично организовать доставку этих свиней в лес.

— Давай, Александр Иванович, — обратился он к Виноградову, — твоего Гудакова с грузовой машиной. Тут нужен именно он со своим «вездеходом».

— У меня есть шофер Савкин, который даст любому водителю десять очков вперед, — заявил Горбачев, считавший, что у него в «Красном кооператоре» все — самые лучшие.

— Нет, Андрей Сергеевич, тут нужен именно Михаил Гудаков. Я с ним уже поездил по лесным партизанским базам. Это и шофер, и следопыт, и цирковой трюкач. Он на своей машине куда хочешь проедет, если потребуется, то проведет ее и по минному полю. Ты лучше давай мне в помощь Мирошкина. Он тоже в этой операции личность незаменимая.

— Ну а Мирошкин, собственно, тебе зачем? — поинтересовался секретарь горкома партии по военным вопросам Крылов.

— А вы знаете, кто такой Григорий Мирошкин? — вопросом на вопрос ответил Костин. — Григорий Аркадьевич Мирошкин — кадровый рабочий, член партии, образование среднее, хорошо работает на культурном фронте. Ну да это вы, конечно, знаете. А слышали, как он поет? Не слышали? Значит, не знаете, что у нас есть свой шляпникский бас. А видели, как он играет гитангой? Не видели? Значит, не видели настоящего русского богатыря. Этот человек обладает феноменальной силой и ловкостью.

— Так он арии будет петь, что ли? — улыбнулся начальник милиции Бородавкин.

— Арии он будет петь потом, после войны, а вначале поможет грузить на машину поросят. Кроме того, — серьезно добавил Костин, — дорогу-то минировал он, Мирошкин.

Вызванный по телефону Гудаков минут через пятнадцать подкатил на своем «вездеходе» к зданию горкома. Сели в машину Костин и Горбачев, быстро доехали до Бежицы. Там Горбачев сошел и его место занял Мирошкин. Через полчаса проскочили заминированный участок дороги и подъехали к свиноферме. Быстро отыскивали старика бригадира и начали погрузку животных в кузов авто-

машины. Посмотрел Мирошкин, как Костин и Гудаков с помощью бригадира тапнут подсвинка в кузов машины, и отступил от досады.

— А ну, отойдите! Что вы устроили французскую борьбу со свиньей?

Он расправил плечи, левой рукой ухватил за заднюю ногу подсвинка весом не менее четырех пудов, приподнял и правой подтолкнул его снизу между передних ног. Тот описал дугу, плюхнулся через борт в кузов машины, подхватился и затрусил к кабине. Костин и Гудаков от удивления заморгали глазами. А подсвинки в мощных руках Мирошкина один за другим взлетали в воздух, перелетали через борт, мягко падали в кузов и с испуганным хрюканьем прижимались друг к другу. Когда последний, шестнадцатый, оказался там же, Мирошкин глубоко вздохнул, вытер пот с лица и произнес:

— Вот и вся морока. Можно ехать обратно.

— Да, всего я от тебя ожидал, — проговорил удивленный Костин, — я и сам спортсмен-перворазрядник, по такое мне даже и во сне не снилось.

— Прожил я, ребяташки, на своем веку шестьдесят девять годков, насмотрелся всяких чудес, а такого не видел, — уважительно подтвердил и бригадир. — Давай вам бог удачи, а мы, старики, как заверили своего Андрея Сергеевича, так все и выполним тютелька в тютельку.

Распрощались партизаны с бригадиром и двинули в обратный путь. Подъехали к заминированному участку дороги, попетляли зигзагами по своему следу между мин и благополучно его проскочили. В Бежицах высадили Мирошкина и уехали в Бежицу.

На следующий день Гудаков отвез в лес бочки с соленой свиной.

6 октября Горбачев поручил Мирошкину съездить в Бежицу и выяснить, есть там немцы или нет. Телефонная и прочая связь с этим городом уже не действовала, никаких сведений оттуда не поступало. Григорий Аркадьевич ехал с собой молодого партизана Анатолия Глазунова. Сели они в легкую дрожки, в которые была запряжена самая красивая лошадь. Приехали в Городище — и не узнали своего родного поселка: окна и двери заколочены, на улицах пусто, жители попрятались. Около школы встретили знакомую женщину, которая испуганно замахала руками:

— Григорий Аркадьевич, Григорий Аркадьевич! Куда же вы едете?! Туда нельзя. Там немцы. О боже мой, боже мой, что теперь с нами будет? — вдруг расплакалась она и поспешно убежала во двор.

Мишовав Городище, партизаны встретили армейского старшину. Он подтвердил, что гитлеровцы уже вошли в Брянск, он видел это собственными глазами. Старшина сообщил также, что сейчас они с группой бойцов подождут последние ангары на аэродроме и поедут догонять свою часть. Мирошкин решил было возвратиться, но поборол в себе это желание, и они с Глазуновым поехали дальше, затем оставили лошадь и осторожно стали пробираться к Верхнему Судку. На Ямской улице неожиданно столкнулись с медленно двигавшимся немецким тапком, за которым шла группа автоматчиков. Мирошкин потянул к себе Глазунова, и они успели заскочить во двор ближайшего дома. Танк и автоматчики миновали партизан и скрылись в конце улицы. Разведчики благополучно возвратились к оставленной лошади и вернулись в Бежичи.

7 октября Мирошкин получил указание горкома партии влиться в партизанский батальон Виноградова и действовать в его составе. На рассвете следующего дня Григорий Аркадьевич увел свою городищенскую партизанскую группу в Карачижско-Крыловский лес на заранее построенную базу...

В конце июля 1941 года директор совхоза «Красный кооператор» Андрей Сергеевич Горбачев и секретарь организации Алексей Андреевич Тресиков созвали партийно-хозяйственный актив. Обсудив первоочередные меры по завершению сенокоса и началу уборки хлебов, перешли к рассмотрению особого вопроса.

— Нам поручено организовать отдельную истребительную роту, которая при угрозе захвата противником нашей территории должна превратиться в партизанский отряд, — сообщил Горбачев собравшимся. — Командиром отряда горком утвердил меня, а комиссаром — Тресикова. Алексей Андреевич, огласи, кого мы предварительно наметили в партизаны.

Секретарь парторганизации зачитал список и добавил, что дело это — добровольное, каждый должен глубоко обдумать и решить, вступать ли ему в партизанский отряд или эвакуироваться на восток.

— Кто примет решение стать партизаном, — сказал он, — тот сегодня же к шести вечера должен прибыть в клуб, сдать свои документы, а у Василия Фроловича Родичева, который назначен помощником командира, получить оружие.

Вечером возле клуба собралось много народу. Родичев, бывший старшина роты, словно попал в родную стихию. Он весь преобразился, неузнаваемо подтянулся, звонким голосом четко подавал команды.

Только стали в строй и подравнялись будущие партизаны, как вдруг из толпы выбежали Паша Левая и Женья Суцая. Выбежали — и примкнули к строю.

— А вы куда, девчата? — удивился Родичев. — Ну-ка марш домой! И чтобы духу вашего не было!

— Как — куда? Мы решили идти партизанить, — бойко ответила Паша.

— Кто вам будет готовить пищу? Стирать белье? — подхватила Женья. — А мы еще и сандружинницы, и стрелять из винтовок умеем. Да вы без нас совсем пропадете!

— Принимай, принимай, Василий Фролович, — вмешался Горбачев. — Эти бойкие девушки уже успели убедить и меня и комиссара. Нам и впрямь без них будет трудно.

Созданный таким образом партизанский отряд выполнял функции истребительного подразделения, участвовал в уборке зерновых культур, фруктов и овощей и готовился к переходу в леса на боевое партизанское положение.

В сентябре фронт придвинулся вплотную к территории совхоза «Красный кооператор», расположенного у шоссе в начале в поселок Бежичи, а потом уже в лес. Прибыв на место, Горбачев отправил на грузовой автомашине группу партизан снова в Бежичи, чтобы забрать последний груз, а заодно разведать, как далеко находится противник. Партизаны быстро доехали до Бородовичей, пересекли железную дорогу Бежича—Жуковка и по лугам направилась к временной переправе через Десну. Стоя в кузове автомашины, Матюшин заметил на берегу реки гитлеровцев.

— Немцы на переправе! — закричал он и забарабанил кулаком по кабине.

Шофер Николай Савкин стал круто разворачивать автомашину, и в это время их заметили. С того берега началась автоматико-пулеметная стрельба. Савкин был смелый

парень и лихой водитель. Развернув автомобиль, он дал полный газ и начал так крутить руль, что машина заметалась из стороны в сторону, с неистовым ревом все больше набирая скорость. Как грузовик не перевернулся вверх колесами, Николай и сам понять не мог. Пули изрешетили борта кузова, а две из них прошили заднюю стенку кабины и пробили смотровое стекло. Только подумали партизаны, что вроде бы опасность миновала, как наперерез им бросилось из-за стогов сена отделение немецких автоматчиков. Матюшин и Горбунов стали отстреливаться из винтовок.

Не думали партизаны, что еще миг — и один из них рухнет убитым, а другой будет ранен. Вокруг машины стали рваться мины. Одна угодила под передние колеса. Капот машины рвануло в воздух, колеса покорежило, и грузовик беспомощно замер. Дробышевский выскочил из кабины, но тут же был скошен автоматной очередью. Савкин выпрыгнул через левую дверь и закричал:

— Прыгайте через левый борт! Прикрывайтесь машиной! За мной!

Партизаны мигом покинули кузов и пустились бежать. Одна из мин взорвалась недалеко от Матюшина. Он упал, но тут же подхватился и снова побежал. Левая рука его висела как плеть.

Добрался до поселка Октябрьского, в котором еще не было гитлеровцев, перевязали Матюшину раненую руку и направились через железную дорогу в лагерь. Только ночью, окончательно выбившись из сил, прибыли на место.

6

Сложный и трудный путь прошла еще до начала партизанской борьбы специальная диверсионная группа, созданная из рабочих и служащих завода «Красный профинтерп».

Получив задание горкома партии по ее организации, в парткоме завода вспомнили, что в чугулитейном цехе работает мастером участник войны против белофиннов орденосец Тихон Федорович Шпадарев. Его и рекомендовали командиром группы. Политруком группы попросили горкомовцев назначить молодого коммуниста, комсорга энергоцехов завода Ивана Григорьевича Борисенко.

Вызвали того и другого в горком, посмотрел на них первый секретарь Лукапов и ошарашил вопросом:

— Готовы ли вы, товарищи, умереть за свободу и независимость своей Родины?

Пересплюнулись оба недоуменно. Первым пришел в себя уже повидавший смерть своими глазами Шпадарев.

— Люди мы вроде нормальные, — сказал он, — и жизнь пока еще не наскучила. Но если обстановка потребует, то сумеем и умереть за Родину, не дрогнем. Была бы только польза от нашей смерти...

— Да, я, кажется, пересолил, извините, — смущенно проговорил Лукапов. — Умирать не обязательно, даже наоборот, нужно обязательно выжить и людей сберечь. Но задание вам даем такое, что опаснее и не придумаешь. Твой ответ, Тихон Федорович, лучше моего вопроса. А тебе, политрук, я помню — и как в партию принимали, и на работе твоей комсоргом. Так что обе ваши кандидатуры рекомендованы очень удачно. Считайте себя утвержденными. Документы получите у моего помощника.

Собрал Шпадарев свою диверсионную группу, внимательно выслушали они с политруком каждого, назначили командиров взводов и организовали боевую подготовку.

А вскоре группа была переброшена за линию фронта и там успешно выполнила ответственное задание. Когда возвращались, немцы долго преследовали ее, пытались окружить и уничтожить, однако все обошлось благополучно.

А потом была еще одна вылазка в тыл врага. Намечалась и третья, но противник начал наступление по всему фронту и поломал все планы. Бойцы диверсионной группы несколько дней отходили с армейскими частями на восток, а затем расположились в лесах севернее Бежицы. Шпадарев и Борисенко знали, что бежицкие партизанские отряды должны были выходить в Карачижско-Крылевский лес, и повели группу туда. По пути они встретили бежицан, возглавляемых Гавриличевым и Готовым, которые выполняли в Бежице специальное задание, но не успели проскочить через линию фронта и теперь искали партизан, чтобы соединиться с ними. Бойцы Шпадарева знали их хорошо и охотно приняли в свою боевую семью. Вся группа Тихона Федоровича была принята в батальон Вишegradова и разместилась в землянке, подготовленной для медсанчасти и оказавшейся пока свободной.

Бежицкие партизанские отряды (кроме отряда сталелитейного завода, ушедшего в Улемльский лес) расположились лагерем в Карачижско-Крыловском лесу, между Болвой с запада, большаком Урицкий — Жиздра с востока, на расстоянии пяти километров от Бежицы. Площадь леса была невелика, так что некоторые отряды разместились совсем рядом с большаком. Здесь стояла непривычная для горожан тишина.

Остаток дня и вечер ушли на размещение, организацию питания, обороны лагеря и охраны объектов. Ночь прошла без особых происшествий.

9 октября сюда прибыли работники Бежицкого горкома партии во главе с секретарями Фоминым и Крыловым и председателем горисполкома Батуровым. После короткого свидания с командиром батальона Виноградовым и комиссаром Рязковым они уехали на грузовых автомашинах с намерением пробыть за линией фронта. Связь потом прервалась, и что произошло с ними, остался ли кто-нибудь из них в живых, партизаны не знали.

Через несколько дней после прихода в лес состоялось совещание командно-политического состава всех отрядов и групп, расположенных в лагере. На совещании командир и комиссар — теперь уже не истребительного, а партизанского батальона — объявили, что горком партии и горисполком уполномочили их, Виноградова и Рязкова, объединить действия всех отрядов и отдельных партизанских (диверсионных) групп города и поселков. В связи с этим командиры, комиссары и политруки указанных отрядов и групп с сего числа оперативно подчиняются штабу батальона.

Александр Иванович Виноградов дополнил, сказав, что в части оперативного объединения и оперативной подчиненности одному штабу всех отрядов, рот и групп двух мнений вообще быть не может.

— Мы начинаем трудную партизанскую борьбу, — заявил он, — и если будем действовать разобщенно, кому как вздумается, то нас захватчики быстро уничтожат по частям. Помните, как в одной детской книжке умный мужик на примере простого венка учил своих сыновей действовать сообща, как не смогли они сломать венок, а потом легко переломали по пруттику, когда отец развязал и рассыпал его. Кто должен объединить? Давайте разберем-

ся. Партизанский батальон состоит из четырех рот, каждая из которых равна по численности или даже больше любого из остальных отрядов. Далее, группы Шпадарева и Мирошкина — это работники завода «Красный профинтер», и они уже присоединились к батальону. Рота Смертина, кстати, наполовину военная, тоже вошла в батальон. Это уже семь подразделений. Отдельные же отряды, которые мы вовсе не лишаем административной самостоятельности, как, например, ваш, Андрей Сергеевич, — обратился Виноградов к Горбачеву, — по двадцать — тридцать человек и в своем составе никаких подразделений не имеют. Ну как бы вы поступили на месте горкома и горисполкома?

— Вообще-то это правильно, — согласился Горбачев, — оперативно подчиняться единому центру необходимо. И насчет венка здорово подходит. Бить надо кулаком, а не растопыренными пальцами.

— Наконец еще одна деталь, — продолжал Виноградов. — Бывший истребительный батальон становится хотя и самым крупным, но не единственным, а одним из пяти партизанских отрядов нашего города. Значит, следует дать ему партизанское имя. Учитывая, что он состоит процентов на девяносто из рабочих, ИТР и служащих завода «Красный профинтер» — основного завода города, мы его и назовем партизанским батальоном завода «Красный профинтер», так будет справедливо. А то что же получается? Отряд сталелитейного завода есть, отряд совхоза «Красный кооператор» есть, а отряда такого гиганта Бежицы, как завод «Красный профинтер», вроде и не существует. Кстати, мы взяли с собой в лес знамя завода «Красный профинтер». Вот теперь батальон и будет сражаться под знаменем этого славного рабочего коллектива. Борьба за честь и славу рабочего класса — великая ответственность. Надеюсь, мы не подведем наш родной коллектив. Начальник штаба, разверните знамя, чтобы все его видели.

Предложение присвоить батальону имя коллектива прославленного завода и развернутое для общего обозрения знамя были встречены с восторгом.

— Таким образом, — продолжал Александр Иванович, — будем считать, что Бежицу в тылу врага представляют пять партизанских подразделений. А именно, — он вынул из кармана сложенный вчетверо лист, развернул его: — Партизанский батальон завода «Красный профин-

тери» (командир Александр Иванович Виноградов, комиссар Петр Андреевич Рыжков, начальник штаба бывший командир роты Михаил Петрович Коршунов, врач Иван Тихонович Батюнин), партизанский отряд сталелитейного завода (командир Дмитрий Георгиевич Пуклиц, политрук Иван Васильевич Павловский), партизанский отряд горотдела УНКВД (командир Сергей Тимофеевич Денисов, политрук Федор Петрович Каменев), партизанский отряд совхоза «Красный кооператор» (командир Андрей Сергеевич Горбачев, комиссар Алексей Андреевич Тресинов), партизанский отряд поселка Радица-Крыловка (командир Михаил Матвеевич Кошелев, политрук Петр Семенович Глебов). Батальон будет состоять из семи рот: первая рота — командир Михаил Григорьевич Гудаков, политрук Илья Васильевич Локтюхин, вторая рота — командир Георгий Родионович Климов, политрук Александр Иванович Пузачев, третья рота — командир Иван Сергеевич Коренков, политрук Иван Борисович Лунина, четвертая рота — командир Андрей Максимович Обыденников, политрук Семен Григорьевич Демиц, пятая рота — командир Тихон Федорович Шпадарев, политрук Иван Григорьевич Берсенко, шестая рота — командир Григорий Аркадьевич Мирошкин, политрук Николай Иванович Сорокин, седьмая рота — командир Петр Петрович Смертин, политрук Георгий Николаевич Ильюхин.

Виноградов оторвался от списка, окинул взглядом внимательно слушавших его партизан и продолжал:

— Моим первым заместителем назначается начальник штаба, а заместителем комиссара — политрук третьей роты Лунина. Кстати, вы у себя тоже назначьте соответствующих заместителей и объявите людям. У нас один врач и несколько медицинских сестер, а в других отрядах медиков нет совсем. Это очень плохо. В каждом отряде должен быть врач и несколько медсестер. Где их взять? Сам не знаю, но обзаводиться специалистами надо. И последнее. Охрана поставлена у нас очень плохо. На большак выходим бить фашистов — это хорошо, но нельзя же бить прямо против лагеря. Маскировки почти никакой. Думать надо, товарищи командиры и политработники, и делать все с умом, чтобы за собою не привести в лагерь оккупантов.

В те же дни была создана и партийная организация. В партком вошли П. А. Рыжков, А. И. Виноградов, М. Д. Андреев, А. Г. Михайлкин, И. Б. Лунина, Г. Г. Гавриличев и В. А. Корявченков. Секретарем избрали Ивана

Борисовича Лунина. Комитет комсомола возглавил Василий Корявченков.

Партком рассмотрел вопрос о целесообразной расстановке коммунистов и комсомольцев и принял постановление об усилении партийно-комсомольской прослойки в некоторых отрядах.

Все усилия парткома и комитета комсомола были направлены на обеспечение авангардной роли коммунистов и комсомольцев в отрядах, на сплочение вокруг них всех партизан. В решении этой задачи немалая роль принадлежала и политрукам отрядов и рот, несущим ленинские идеи, живое партийное слово непосредственно в массы.

Стояли теплые, сухие осенние дни. Лес и кустарники вначале хорошо скрывали партизанские землянки, но уже через несколько дней стала опадать листва. Все как-то сразу обнажилось и стало видно как на ладони. В просветах между деревьями просматривались большак и движущиеся по нему вражеские колонны. Машины ревели, казалось, совсем рядом, а иногда доносились крики, команды, чужая речь. Положение складывалось хуже некуда. В лагере был введен строжайший порядок — открыто не ходить, не шуметь, затаиться, не обнаруживать себя и никаких диверсионных акций не проводить, пока не пройдут воинские части противника.

Однако эти меры предосторожности не спасли отряды от нападения гитлеровцев. 11 октября, то есть на третий день пребывания партизан в лесу, немецкая воинская часть обнаружила землянки отряда Кошелева и попыталась их окружить. Партизаны, отстреливаясь, успели скрыться, но база была раскрыта и уничтожена.

На вылазку врага партизаны ответили ударом.

12 октября отряд Горбачева устроил засаду на большаке. Гитлеровцы, как обычно, сжали на машинах и подводах отдельными группами. Но вот показалось несколько танковых машин, которым все водители и ездовые уступали дорогу. По команде Горбачева в эти машины и полетели партизанские гранаты, а затем раздалась пулеметная очередь и винтовочные выстрелы.

Это был первый удар бежущих партизан по немецко-фашистским захватчикам. Были убиты командир полка, несколько штабных офицеров и их охрана, захвачено знамя полка и мешок с награжденными знаками «За взятие Моск-

вы» (немецкое командование так было уверено в скором падении советской столицы, что поторопилось заранее отштамповать специальные наградные знаки). Кроме того, партизаны захватили много немецкого обмундирования, а том числе и несколько офицерских мундиров.

В октябре командир отряда горотдела УНКВД С. Т. Денисов и политрук Каменев собрали своих партизан около землянок. Денисов рассказал о результатах вчерашней разведки жандармского большака южнее и севернее Орловских Двориков. По данным разведки выходило, что севернее Двориков тыловые подразделения противника передвигаются к фронту без усиленной охраны, так как подходы к большаку в тех местах оголены и подобраться к нему партизанам трудно.

— И все-таки, товарищи, мы решили организовать засаду именно там, подальше от партизанского лагеря, где противник не ждет удара,— говорил Сергей Тимофеевич.— Конечно, операция будет сложнее, поэтому сегодня ее предварительно отрепетируем здесь, а завтра на рассвете двинем на большак.

Отряд разделили на три группы. Первая под командованием Ромашина оставалась на базе для охраны и хозяйственных работ, а двум другим предстоял поход на большак. Одна из групп под непосредственным руководством самого Денисова должна была устроить засаду километрах в трех севернее Орловских Двориков. Другая, возглавляемая помощником командира отряда Журавлевым и политруком Каменевым, получила задачу готовить засаду южнее первой на расстоянии двухсот — двухсот пятидесяти метров. Этой группе вменялось в обязанность пропускать обозы, первой боя не начинать, а открывать огонь только по сигналу основной группы, отрезая пути отхода противнику.

Репетиция началась.

Группы вышли к просеке и расположились, как в настоящих засадах. Командир отряда со своим помощником и политруком обходили и придирчиво проверяли действия каждого партизана, а самое главное — знание им своей личной задачи.

При проверке выявили много ошибок.

— Где твой сектор обстрела? — спрашивали у партизана.

— Да вот от того до этого пня,— следовал ответ.

— Но против того пня залегли наши партизаны, ты же будешь стрелять по своим! — возмутился Денисов.

— Тыфу ты, дьявол! Как это я перепутал? Да вы не беспокойтесь, товарищ командир, на большаке будет все точно.

— На большаке,— сердито ворчал командир,— пней совсем нет. Там, брат, будут опытейшие враги с пулеметами и автоматами. Нет, такая подготовка не годится. Так мы перестреляем своих, а фашисты посмеются над нашей неопытностью. Собирайте партизан сюда, Леонид Пантелеймонович. Начнем все сначала.

Закончилась тренировка только к вечеру. Партизаны, уставшие и притихшие, обменивались впечатлениями, а кое-кто и сетовал на чрезмерную, как им казалось, придирчивость командира...

Перед рассветом 15 октября две группы отряда двинулись на большак. Там они заняли исходные позиции метрах в ста пятидесяти от обочины и тщательно замаскировались. Вскоре началось движение колонн. Необстрелянные партизаны от волнения вжались в землю. Оторопело смотрели они на лавину войск, которой, казалось, не будет конца. Минул час, другой, замешательство и растерянность постепенно исчезли. Поток вражеских автомашин начал редеть. Денисов подал знак подползти вплотную к большаку и приготовиться к нападению. Показалось несколько груженых автомашин, но шли они по противоположной обочине дороги и добросить до них гранаты и бутылки с самовоспламеняющейся жидкостью было невозможно. Денисов решил их пропустить. Но вот, словно по заказу, показался обоз из девяти нарочных подвод. Обширная колдобина, подводы прижимались к ближайшей от партизан обочине.

Сигналом прозвучала длинная очередь из ручного пулемета. Все вокруг загрохотало. Через две-три минуты на дороге уже валялись трупы лошадей и шестнадцать фашистов. Партизаны бросились к обозу и сгрудились около повозок.

— Охранение, назад! Занять свои позиции! — прогремел голос командира.— Не толпиться, делать все быстро и так, как тренировались!

Споровисто заработал партизанский «конвейер». Помощник командира отряда Журавлев вихрем носился от повозки к повозке, распоряжаясь, что забирать, а что ос-

тавлять и сжигать. Партизаны грузили друг на друга ноши и очень сокрушались, что все забрать невозможно.

В повозки с оставшимся грузом полетели бутылки с самовоспламеняющейся жидкостью.

Один партизан увидел, что его «снаряд» упал рядом с повозкой и не разбился. Забыв все наставления, он бросился на дорогу, схватил валяющуюся бутылку и замахнулся, чтобы разбить ее о повозку.

— Стой! — раздался резкий окрик Журавлева. Он подбежал к оторопевшему партизану и железной хваткой сжал поднятую руку. — Сгореть хочешь, дурья голова?! Как я тебя учил?

Оттащил растерявшегося партизана шагов на десять от повозки и отпустил его руку:

— Ну вот, теперь не торопись, прицелься и бросай.

Партизан метнул бутылку точно в повозку. Взметнулось пламя.

— Как это я забыл, ума не приложу. А вам большое спасибо! — произнес взволнованным голосом партизан.

Возвращались партизаны в приподнятом настроении, весело вспоминая скоротечный бой и свои переживания. Но не прошли и полутора километров, как на большаке поднялась стрельба. Это подъехавшие к месту происшествия гитлеровцы открыли огонь по кустарнику и лесу.

— Вот аппарат в белый свет как в копеечку, — проговорил кто-то из партизан. — Инди ветра в поле. Привыкайте, господа завоеватели, это только цветочки.

— Правильно, хлопцы, — поддерживал его политрук Каменев. — Борьба наша только начинается, и с каждым разом удары будут хитрее и сильнее. Сегодня получилось очень даже неплохо, бедаром мы вчера тренировались целый день. Опасения, что первый блин выйдет комом, не оправдались. А ведь кое-кто вчера, когда тренировались, ворчал на придирчивость командира. А?

— Было малость. Было! — отвечали партизаны.

— Кое-что получилось не так, как намечалось. Но в целом — молодцы, ребята, прошли боевое крещение, — проговорил командир, с удовольствием поглядывая на своих подчиненных.

8

По Варшавскому шоссе почти безостановочно двигались колонны войск противника. Они очень торопились к Москве, но все же то на одном участке дороги, то на

другом их танки и пехота вынуждены были останавливаться и разворачиваться для боя. Взрывались установленные на дороге мины, из придорожных кустов летели свистящие гранаты и бутылки с горючей жидкостью. А в иных местах по колошнам врага били пушки или на их пути вставали наши танки. И пусть не столь уж большой урон наносился наступающим, главное — выигрывалось время. Гитлеровцы выбивались из своего графика продвижения.

В числе таких сдерживающих врага групп находились и броне-танковые ремонтно-восстановительные мастерские. К дню прорыва немцев по Варшавскому шоссе ремонтники и танкисты успели восстановить покалеченные в минувших боях машины — один танк КВ, два БТ-7 и легкий броневичок, похожий на божью коровку. Эти четыре отремонтированные единицы, конечно, не могли остановить танковую колонну противника, но состязаться с фашистами в силе танкисты и не собирались. Зачем лезть на рожок, если можно проявить военную хитрость и споровку.

Прямое по направлению шоссе шло от Рославля на восток волнообразно, с горы на гору. Промежутки между возвышенными местами тянулись на километр, а где и более. Главные силы фашистов в основном катили по шоссе. С гор хорошо просматривалась глубина их колонн. Выбирай любую цель. Вот этой особенностью дороги и воспользовались советские бойцы. Выскочив из ложницы на гору, она выстреливали боевые машины и открывали беспощадный огонь. Фашистские танки останавливались, а некоторые с ходу вступали в дуэль. Но тщетно. Сделав по три — пять выстрелов, наши машины скрывались за кособоком. Иногда, если до нового взлобья горы было большое расстояние, гитлеровцев задерживал на какие-то минуты мощный, исклеванный снарядами КВ.

Так продолжалось до полудня. Боевые советские машины с девяти возвышенностей подбили четыре вражеских танка, а сами ушли невредимыми. А на десятой... Противнику удалось несколькими своими танками обойти засаду и выйти ей в тыл. Наши танки оказались в мешке. Танкисты обнаружили это, когда откатились на ровную гору. С двух сторон по ним ударили танковые пушки противника. Оба БТ-7 тут же сгорели. Броневичок решил укрыться в кустах. КВ начал было отстреливаться, но кончившись снарядами. Он свернул вправо, в лес, где виднелась старая грунтовая дорога. За ним неотступно, как жеребенок за матерью, бежал броневик. Километрах

в трех от шоссе вокруг них неожиданно загрохотали взрывы авиабомб, сброшенных немецкими самолетами. Броневичок опрокинуло взрывной волной, и он загорелся. Танк дважды сильно трянуло, мотор заглох, по броне побежали огненные языки.

Командир этой дерзкой танковой группки, участник боев у озера Хасан и реки Халхин-Гол, орденосеиц Владимир Копышин вылез через люк подожженного КВ и прыгнув на землю. Покинули танк и другие члены экипажа — Борис Могилевцев, Федор Тужиков, Сергей Лисичкин и Иван Письменный. Копышин достал из планшета потертую топографическую карту. Все склонилось над ней, словно там находились ответы на мучившие их вопросы. Наконец командир свернул карту, осмотрел свое малочисленное воинство и решительно проговорил:

— Танки искорежены, по мы-то живы! Будем пробиваться к своим.

Танкисты отошли в лесок, перевязали, кому требовалось, незначительные раны, пожевали сухарей и направились на восток.

Долго пробирались лесами и болотами. Кончились сухари. Совсем выбились из сил... И вдруг — окрик:

— Стой! Кто идет? Один — ко мне, остальные — на месте!

Это были бежицкие партизаны.

Выслушав танкистов и выяснив ряд необходимых уточняющих вопросов, Виноградов распорядился принять танкистов в отряд.

В это же время из остатков комендантской роты штаба Брянского фронта и группы бежицких партизан, посланной в этот штаб на связь, была организована партизанская рота. Ее командиром стал лейтенант Смертин, показавший себя смелым и опытным командиром, а политруком — Ильюхин.

Вначале попробовали пробиться из окружения через линию фронта, но после нескольких неудачных попыток решили идти на соединение с бежицкими партизанскими отрядами. Смертин и Ильюхин рассудили, что по пути лишние будет устроить несколько засад на шоссе, чтобы добыть побольше трофейного оружия.

Несколько суток длился их поход по тылам противника в сторону Карачижско-Крыловского леса.

На восемнадцатом километре шоссеиной магистрали Брянск — Орел рота устроила засаду. Вскоре к этому месту подошли три вражеские автомашины с солдатами и офицерами. По ним и ударили партизаны. Гитлеровцы, перемахнув через борта, бросились к лесу. Воодушевленные успехом партизаны с криками «ура» бросились к машинам. Однако фашисты, отбежав метров сто, залегли и открыли огонь. Завязалась перестрелка.

В этом бою партизаны захватили два ручных пулемета и пятнадцать противопехотных мин, уничтожили более двух десятков солдат противника. Но и сами потеряли убитыми двух человек.

К месту засады подходили другие машины, и рота снестно скрылась в лесу.

Переночевав в урочище, партизаны утром подошли к селу Большое Полпино. У самого входа в него навстречу им из-за поворота дороги выскочил мотоцикл, на котором сидели два человека. Один из них держал руки на гашетке турельного пулемета, готовый в любую секунду открыть огонь. Партизаны не растерялись и первыми же выстрелами уничтожили обоих гитлеровцев. Мотоцикл свалился в кювет.

Взяв пулемет, автомат и полевую сумку с топографическими картами, бойцы роты быстро скрылись в кустарнике. Удалившись от Большого Полпинна на несколько километров, они остановились на небольшой привал.

Пока варилась каша, разогревались мясные консервы и закипал чай, лейтенант Смертин сделал разбор засады и последующих действий.

— Я не собираюсь кого-либо упрекать, — говорил он. — Если уж кто заслуживает упрека и даже взыскания, то это я и политрук. Плохо все организовали. Напали на немецкие машины не так, как следует, потеряли двух товарищей. А могло быть и хуже... Нас почти сорок человек, и мы могли первым залпом скосить сорок немцев. Это в идеале, конечно. Первый залп, товарищи, должен быть прицельным, он решает почти все. А потом, когда машины остановились, положение для нас стало еще лучше. Прицеливайся и щелкай! Но большинство почему-то стреляло, не целясь. Винтовка — не автомат, из нее нужно бить прицельно. А я заметил, что кое-кто стрелял куда попало, лишь бы стрелять. И совсем уже скверно получилось с атакой, с неуместным «ура».

— Тут, признаюсь, я погорячился,— смущенно проговорил Ильюхин.— Как увидел, что немцы удирают, так и заорал...

— Но пуля-то быстрее догнала бы удирающих солдат,— продолжал Смертин.— Если бы мы били по ним прицельно, то им было бы не до отпора.

— Да,— вздохнул пожелтой, степенный боец Михаил Евтеев,— а мы уже стали себя считать чуть ли не героями. Выходит, первый блин и у нас получился комом.

— Ну, вы-то, Михаил Георгиевич, действовали отлично,— похвалил Смертин.— Били без промаха. Главное,— добавил он, обращаясь ко всем,— чтобы каждый сделал для себя правильные выводы. А еще скажу: хорошо, что никто не дрогнул, не убежал. Только надо учесть ошибки, не повторять их. Воевать надо учиться. А то шли вот к Большому Полгину и даже дозор вперед не выслали.— И после короткой паузы уточнил: — Я не выслал!

9

С момента прихода партизан в лес прошло всего восемь дней. Еще не успели как следует обжиться, разобраться в обстановке, как на них обрушился страшный удар. Оказавшийся среди партизан предатель навел на лагерь батальон карателей. 16 октября они подкралась к одной из землянок роты Климова. Ударом птыка в спину был убит часовой Вася Ашиканов. Часть партизан, находившихся около кухни без оружия, успела убежать в лес, а двенадцать человек оказались окруженными в землянке. Гитлеровцы потребовали, чтобы они сдались в плен, но те отбивались гранатами, отстреливались до последнего патрона. Возбешенные каратели подожгли землянку. Партизаны приняли мученическую смерть, но не сдались врагу. Вот имена отважных патриотов-виноградовцев: Г. Р. Климов, В. А. Басова, Е. П. Белугина, Д. Богатырев, В. А. Борисов, В. Н. Волков, Е. Н. Готальская, К. З. Макаренков, Н. З. Свиридов, Н. И. Симонов, В. В. Чебриков, Г. К. Чернов.

На другой день отряды заняли оборону, ожидая новой вылазки карателей. С утра до вечера над лесом сповали два немецких самолета-разведчика, но повторного нападения не последовало.

К вечеру, возвращаясь из засады, роты Шпадарева и Смертина вышли на жиздринский большак. Заметив две

приближающиеся немецкие автомашины, партизаны обстреляли их, а затем и подождли. Были убиты один офицер и более десяти солдат.

Командование стало ясно, что лагерь выбран неудачно, раскрыт противником и уязвим со всех сторон. Вечером того же дня состоялось совещание командно-политического состава. Александр Иванович Виноградов, техник по образованию, человек с мягким характером и высокой внутренней культурой, прошедший трудный путь от слесаря до начальника крупного цеха завода «Красный профинтерн», привыкший в трудные минуты советоваться с коллективом, и здесь открыл совещание словами:

— Давайте вместе подумаем, как нам быть. Я не военный человек, однако вижу, что местоположение нашего лагеря совсем не годится.

— И где мы только раньше были,— промолвил, ни к кому не обращаясь, Горбачев.

Всем стало неловко. Как порох вспыхнул комиссар Рыжков, но Виноградов, видимо, принял слова Горбачева на свой счет, спокойно объяснил, что «раньше» он, будучи начальником цеха, занимался эвакуацией оборудования завода и людей, в истребительный же батальон был назначен почти перед самым уходом в лес, так что выбирать место для лагеря пришлось по карте, находясь в городе, поэтому и допустил такую оплошность...

— Извини, Александр Иванович,— сконфуженно заметил Горбачев,— я ведь не конкретно тебя имею в виду. Тут и моя промашка немалая...

Все командиры и комиссары отдельных отрядов согласились, что нужно срочно менять место для лагеря.

18 октября 1941 года Виноградов с ротой Гудакова и целевой частью роты Климова ушел на поиски и подготовку нового места партизанского базирования в Соколовские леса, в район Круглого озера. Через четыре дня из Карачижеко-Крыловского леса ушли туда же и бойцы Шпадарева.

Пополнив роту Климова и назначив ее командиром Евгения Рудольфовича Бердта, а политруком, вместо тяжело раненого Пузачева,— Михаила Даниловича Андреева, Виноградов отправил ее в Улемьский лес, в котором располагался отряд Пуклина и Любохонский отряд Шатского.

19 октября из Орловских Двориков возвратились разведчики. Они доложили, что туда вечером прибыла большая колонна наших военнопленных, которую завтра по-

ведут в поселок Урицкий. Разведчики установили, что в колонне около 5000 красноармейцев, что немцы, окрыленные своими успехами на фронте, выделили для ее конвоирования менее роты солдат.

Утром следующего дня партизаны вышли на большак с целью устройства засад. Для непосредственного нападения и уничтожения вражеского конвоя был выделен отряд из состава рот Мирошкина и Смертина. Отряд укомплектовали снайперами из других подразделений.

Гитлеровцы бдительно охраняли пленных, но не ожидали удара из леса и поплатились за свою самоуверенность. Первым же прицельным залпом из стрелкового оружия был уничтожен почти весь конвой. Особенно отличились наши снайперы, стрелявшие по «кокардам», как они называли немецкий командный состав. Красноармейцы, оказавшись на свободе, ушли пробиваться через линию фронта.

Это была одна из самых смелых и важных по своей значимости операций, осуществленных партизанами. Среди гитлеровского командования поднялся настоящий переполох. Их спесивости здорово поубавилось.

22 октября столь же дерзко и отважно действовал отряд под командованием Андрея Сергеевича Горбачева. На виду у движущейся воинской части партизаны напали на обоз, разгромили его, захватили много различного военного имущества, в том числе посылки, приготовленные оккупантами для отправки домой, в Германию, подожгли три автомашины. Все это произошло настолько быстро, что гитлеровцы, следовавшие в основной колонне, ничего не успели предпринять, чтобы спасти свой обоз.

Не сидели без дела и партизаны, оставшиеся в Карачижско-Крыловском лесу. Через день после того, как рота Шпадарева ушла к Круглому озеру, они выдвинулись на большак Брянск — Жиздра и на рассвете заминировали его на шести участках. До самого вечера на дороге раздавался раскатистый грохот. На установленных минах подорвались девять автомобилей. Фашистское командование вынуждено было прекратить переброску грузов и боеприпасов по этому маршруту.

В Хвастовичах и Пиневичах захватчики подняли тревогу. Над местом расположения партизан третьей роты, которой командовал автор этих строк, стали кружить са-

молеты-разведчики, а потом прилетели еще три самолета и принялись обстреливать из пулеметов опушку леса. Скоро подошли автомашины. Солдаты быстро сбежали, развернулись к бою. Ясно, что немцы засекли расположение партизан и попытаются их уничтожить в открытой схватке либо при преследовании. Чтобы избежать возможных засад, партизаны направились ближе к Урицкому и Бежице. Марш был тяжелый. К ночи люди выбились из сил. Пришлось, выбрав рощицу погуще, расположиться на отдых, тем более, что преследователи, похоже, потеряли их след. Перекусив и приведя оружие в порядок, снова двинулись по лесу.

Рано утром пересекли железную дорогу Брянск — Москва, не забыв снять болты на нескольких стыках рельсов и заложить мину. При пересечении пути Брянск — Жиздра тоже разрушили несколько стыков (мин больше не было). Оставили позади и эту железную дорогу. Скоро боковой дозор сообщил, что к лесу на телеге подъехал мужчина. Командир решил сам поговорить с возницей и пошел к нему. Встретились на узкой грунтовке. Худощавый, согбенный старик настороженно рассматривал подошедшего.

— Из какой деревни, отец? — поздоровавшись, спросил командир.

Вместо ответа дед пожевал губами, а потом сам спросил:

— Ты что же, не из окруженцев ли будешь?

— Да, отец, из них.

— И, видать, из начальников. Да-а... Ну а куда же теперь тикаешь, а?

— Да вот, бреду и сам не знаю куда,— продолжал подыгрывать командир.

Такой ответ вывел деда из равновесия. Он впился в пришельца злыми глазами, затряс бороденкой, сплюнул и понес честить направо:

— Так, значит, тикаешь, или, как там, драпаешь? Отвоевался? Ищешь теперь нору, куда бы нырнуть, как тот премудрый пескариска, да? Что ж, мужик ты ладный, никакая-нито дуреха и примет на постой. Вот и будешь воевать на печке. Так никуда ты, малый, не спрячешься, а быть тебе лакеем, или, как там, холуем, у немецких господ офицеров, и будут они чистить тебя по рылу, как пса овчарки, да еще пятки лизать заставят...

Партизанский командир терпеливо молчал.

— Молодой ты, малый, зеленый,— продолжал издеваться дед.— Небось, как увидел немцев, так и задрожал от страха и дух от тебя шел тяжелый. Где уж там командовать бойцами! Эх, «комса», «комса» ты несчастная! Положились на вас, на дураков желторотых, а на поверку выходит, что батьками завоеванное удержать не можете. Ни стыда ни совести нет у вас, побросали баб, детишек да таких, как я, старых хрычей, а сами — тягу! Ну виданное ли это дело, чтобы русские богатыри по-заячьи удирали от пноземных супостатов!

Долго еще дед полоскал вдоль и поперек назвавшегося окруженцем партизана. Снова и снова возвращался к тому, что все, кто сдается оккупантам, превратятся в рабскую скотину, что на печи никто не отсидится, что если ты «комса», то стой насмерть. Вспомнил «Мамаю треклятого», опустошавшего Русь, пока ему не отбили башку русские богатыри. Вспомнил и французского «мусью-бонапартишку», тоже пытавшегося поработить Русь, но которого Кутузов «засунул за голенище». Постепенно меняя тон, он папужествовал:

— Ты вот что, мплок, поинци-ка добрых людей в лесу, так и Россию-матушку не осрамишь, и если уж погубишь, так не дурацкой смертью в немецком лагере, а как погибали за свою землю наши, да и ваши тоже, отцы.

Помолчав, старик заговорил еще мягче:

— Скажу прямо: напрасно вы запугались врага. На испуг он брать любит, но посмотришь, подавится он пашей земелькой, кашка тонка у их благородий немецких господчиков. Не думали, не гадали мы, что будут они топтать нашу землю. Да, видать, что-то у нас стряслось неладное. Никак не соберется с духом наша армия. Да и то сказать, прет он, окаянный, на танках да на машинах, и самолетов видимо-невидимо, где только набралось такой силы! Но не может того быть, чтобы наш рабочий люд не дал Красной Армии танков и самолетов. Это же не царские времена, когда нам на фронт вместо винтовок пконы слали. Получилась промашка — ладно, но все равно народ не даст себя поработить, вопрект захватчика. Я вот, можно сказать, уже не одной, а двумя ногами в могиле стою, а и то верю, что увижу, как дрепать будут гитлеры. Тогда, мвай человек, с каждого спросит: «А где был ты, что делал?» И с тебя спросится.

В это время из леса вышла группа вооруженных людей. Командир, взглянув на часы, торопливо прокричал:

Да, да, товарищи, сейчас двигаемся.

Старый возница недоуменно оглядел близко подошедших людей, потом перевел взгляд на «окруженца» и, все сморщив, расплылся в улыбке.

— Ну, сынок,— довольным тоном промолвил он,— и минутал же ты меня, старика, а я и раскудахтался. Вилку: партизанште, за то вам низкий поклон.

Дед подробно рассказал о ближайших селениях, где несколько фашистов, кто подался в полицию, кому можно верить как самому себе, а также сообщил, что на разъезде Пупка в тупике стоят цистерны с бензином.

Ценной информацией тотчас же воспользовались партизаны. Они незаметно проникли на указанный дедом разъезд, обнаружили и подожгли две цистерны с бензином и после этого двинулись на большак Урицкий — Жиздра, где устроили засаду.

Ждали часа два. Приближался вечер. Все кругом пустынно, безлюдно. Жалея потерянное время, командир уже собирался снять засаду, но вдруг послышался гул мотора. По дороге двигалась легковая машина. Не дойдя до места партизанской засады, она неожиданно остановилась. Водитель, озираясь по сторонам, вышел на дорогу, открыл капот и сунул под него голову. Вслед за ним появился офицер с автоматом на груди. Он, видимо, заметил кого-то из партизан, потому что резко, по-звериному бросился в сторону и дал длинную, какую-то испуганную очередь. Партизаны ответили на вызов. Водитель даже не успел высвободиться из-под капота. Офицер свалился в кювет. Это оказался лейтенант с двумя крестами и петлицами «С» на мундире. Машину тут же подожгли. У убитого офицера были найдены ценные документы и карта, из которых явствовало, что немецкому командованию известно расположение партизанского лагеря и оно готовит на него нападение.

Была удачной и вылазка роты Гудакова, обосновавшейся у Круглого озера. 3 ноября она в течение дня провела в засаде на дороге Бежица — Дятково. Вечером на ней наконец показались бронетранспортер и три грузовика немецкой полевой жандармерии. Как только машины поравнялись с партизанской засадой, Гудаков поднял команду на открытие огня и сам ударил по транспортеру. Первыми же бронебойно-зажигательными пулями были пробиты моторы и уничтожены все водители. В машины, набитые фашистами, полетели гранаты. Более двух

десятков захватчиков пашни свою смерть на брянской земле. Автоматы и три ручных пулемета партизаны забрали в качестве трофеев.

Прошел месяц пребывания виноградовцев в лесу. Спали не раздеваясь. В тяжелых походах и работах по обороне лагеря одежда людей пропитывалась потом, белье, наскоро и неумело выстиранное, приходилось надевать на немые тела...

Остро встал вопрос о бане. В лагере имелась одна большая брезентовая палатка, которую и решили приспособить под помещение для мытья людей. Развернули палатку, а впритык наскоро соорудили шалаш — «предбанник». На промерзшую землю набросали еловых веток. Рогожные мешки порезали на мочалки. Установили несколько железных бочек, наполнили их водой, развели под днищами огонь. Хочешь — парься, а нет — просто мойся, окатываясь нагретой водой. Многим так понравилось, что их из импровизированной бани приходилось вытаскивать едва ли не силой.

Старшины Анискин и Лавренов сбились с ног, наводя порядок.

— Эй, жеребцы! Чего ржете? — покрикивали они. — Поторапливайтесь, другим пора мыться! Вон девчата идут.

— А вы, товарищ старшина, сюда их присылайте. Мы им спинки мочалками потрем.

— Я вот тебе тоже потру — не рад будешь, — добродушно пригрозил Анискин.

К вечеру успели помыться все, в том числе и девчата. Правда, штабистам пришлось плескаться при свете фопарей, но их это мало огорчило.

Во второй половине дня 4 ноября 1941 года отряд Пучкина и рота Бердта, находившиеся в Улемльском лесу, вместе с Любохонским отрядом Шатского разгромили немецкую автоколонну на большаке, соединяющем Кленки и Огарь. Было сожжено семь автомашин. Оставшиеся в живых немецкие солдаты и офицеры пытались организовать оборону, но были смяты партизанами; части гитлеровцев удалось спастись бегством. В этом бою, перешедшем в рукопашную схватку, к сожалению, погибло мно-

го партизан, в том числе командир Любохонского отряда И. И. Шатский и комиссар И. В. Петров. Видимо, не стоило ввязываться в столь сложный и кровопролитный бой, достаточно было забросать автоколонну гранатами, дать ружейный залп и уходить. Ну, а тогда, в порыве наиболее обостренной ярости, хотелось крушить и крушить захватчиков, не считаясь с опасностью, не задумываясь о целесообразности риска, о необходимости перед вступлением в бой многое взвесить, рассчитать, обдумать...

После боя оставшиеся в живых партизаны Любохонского отряда влились в роту Бердта.

Утром 5 ноября каратели блокировали партизанский лагерь в Карачижско-Крыловском лесу и крупными силами атаковали роты Мирошкина и Смертина.

Основной удар приняли на себя партизаны Мирошкина. Они встретили гитлеровцев дружным и плотным огнем. Особую смелость и мастерство проявил пулеметчик Анохин, который подпустил атакующих поближе и смертоносными очередями основательно разредел вражескую цепь. Каратели стали пятиться, многие просто побежали назад. Партизаны бросились их преследовать. Немцы, сообразив, что партизан мало, опомнились и вновь перешли в атаку. Анохин, сменив позицию, яростно полоснул по ним. Те залегли и, подтянув силы, стали окружать роту Мирошкина, но на помощь ей подоспело подразделение Смертина, и бой разгорелся с новой силой. Когда Мирошкин был тяжело ранен, Смертин взял на себя руководство боем.

Еще одна группа карателей попыталась ворваться на территорию партизанского лагеря с фланга, но была встречена бойцами Андрея Обыденникова. Сильной контратакой они выбили врага за просеку, но при этом потеряли своего командира. Обыденников погиб, находясь в первых рядах контратакующих...

Внезапность удара противника была сорвана. Вскоре туда подошла третья рота батальона, затем отряд Горбачева.

Не знали партизаны, какими силами наступают флангисты, но и те не располагали сведениями о количестве и местах расположения всех партизанских подразделений.

Бой продолжался весь день, противник так и не сумел ворваться в партизанский лагерь. Ночью отряды вырвались из заблокированной базы. Штаб батальона и роты форсировали реку Болву и ушли в новый лагерь, расположенный в Соколовском лесу около Круглого озера. Бойцы Горбачева перебрались в район деревни Крапивни, а отряд Денисова, приняв всех тяжелораненых, остался неподалеку от Орловских Двориков.

Утром пошел мокрый снег и замел все партизанские следы. Это было на руку тем, кто направился к Круглому озеру. Правда, двигаться по снегу стало опасно — могли засечь вражеские самолеты. Неподалеку затаились в кустарнике за любохонской дорогой. День занимался солнечный, снег быстро растаял, и партизаны возобновили путь в направлении Соколовского леса.

6 ноября более двух часов авиация бомбила покинутый партизанами лагерь, затем его столько же времени обстреливала артиллерия врага, а потом на это скромное место цепь за цепью повалили каратели...

Куда исчезли обитатели лагеря, гитлеровцы так и не поняли. Все свое бешенство в связи с провалом карательной операции они перенесли на брошенные землянки... Позже жители Брянска и Бежицы оккупанты известили, что партизаны Карачижско-Крыловского леса уничтожены все, до единого человека.

А они, «уничтоженные», продолжали двигаться к намеченному пункту. Что и говорить, потеря базы — это потеря части продовольствия и боезапасов (на плечах всего не унесешь). Да и сам переход явился тяжелым испытанием физических сил людей.

Вечером достигли Круглого озера. От усталости партизаны валялись с ног. Здесь их встретили бойцы рот Гудакова и Шпадарева, накормили хорошим ужином. Затем состоялось торжественное собрание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Перед партизанами выступили комиссар батальона Рыжков и комбат Виноградов.

Назавтра партизанам удалось подобрать более десятка газет с докладом И. В. Сталина, сброшенным советским самолетом. С этими газетами группы агитаторов ушли в ближайшие населенные пункты.

В Соколовском лесу партизаны расположились западнее большого Бежица — Любохна, недалеко от Круглого озера. Ротные землянки разместили в 400—600 метрах друг от друга, каждая — с запасным выходом, с окопами вблизи для круговой обороны.

25—26 ноября сюда же прибыли отряды Горбачева и Денисова.

Обосновались, можно сказать, капитально. Были учтены все промахи, допущенные при организации первого лагеря. Но партизан подкарауливала другая беда — голод. Пока строились и обживались, кончились запасы продовольствия. Кроме того, люди не имели теплой одежды и обуви, а зима наступала неотвратимо. Положение создавалось критическое.

В один из дней секретарь парткома Иван Борисович Душин срочно провел партийно-комсомольское собрание.

— У нас нет оснований считать себя отрезанными от Большой земли, — горячо говорил он в своем коротком докладе. — Родина всегда с нами. Мы слышим голос ее, чуем ее сердцем. Помощь будет! Помощь Родины придет! А пока воспользуемся поддержкой трудящихся ближайших от нас сел и деревень. Я верю, что они не откажут нам ни в продовольствии, ни в одежде.

Участники собрания и после его окончания еще долго обсуждали столь жизненно важную и острую проблему.

— Прав секретарь парткома, с нашим народом мы не пропадем, — оптимистично утверждали одни.

— Так-то оно так, — сдержанно говорили другие, — но для этого надо вначале помочь селянам, облегчить им, насколько это возможно, ярмо фашистской оккупации, надо, чтобы они от нас тоже получили поддержку.

И партизаны все делали для того, чтобы советские люди, оказавшиеся под пятой оккупантов, не чувствовали себя одинокими и беспомощными в страшной беде. Они насаждали на вражеские гарнизоны, вершили суд над предателями всех мастей. В каждом селе были созданы явочные квартиры.

Для политической работы среди населения назначались специальные группы агитаторов из наиболее подготовленных коммунистов и комсомольцев. Очень сложно и опасно было проводить ее там, где располагались немецко-фашистские гарнизоны и крупные полицейские управы. Но ак-

тивисты скрытно проникали и в такие населенные пункты, разоблачали ложь оккупантов и их лакеев, раздавали жителям партизанские листовки.

Решительная борьба велась против «заготовительных» отрядов гитлеровцев. По сигналам постов партизанские отряды устраивали засады на путях возвращения «заготовителей» с награбленными продуктами: всевозможной живностью, одеждой. Жители сел сердечно благодарили партизан за заступничество и помощь, а у захватчиков побавилось уверенности в своей безнаказанности.

Активизировалась деятельность народных мстителей по минированию дорог. На них постоянно гремели взрывы, создавались пробки. Захватчики метались в бессильной злобе. Конечно, минировать дороги было непросто. Часто в жгучий мороз, зарывшись в снег, часами лежали партизаны, чтобы выбрать подходящий момент и поставить мины прямо под носом у вражеской колонны.

Однажды группа партизан во главе с Колесниковым направилась на старую базу, чтобы разведать, не осталось ли там чего-нибудь из продовольствия. Выехали на подводах и к вечеру уже были у поселка Шибенец. Случилось, однако, так, что именно в этот вечер, часом раньше, прибыло в Шибенец немецкое воинское подразделение. Миновать поселок было невозможно, и партизаны стали пробираться огородами. Однако гитлеровцы обнаружили группу и бросились ее преследовать.

Колесников приказал всем отходить, а сам с ручным пулеметом остался прикрывать товарищей. Вражеские солдаты, встреченные его огнем, дрогнули. Воспользовавшись их замешательством, командир группы отбежал в сторону и снова залег. Немцы опять пошли цепью вперед, но, никого не обнаружив, сбились в кучу, обсуждая ситуацию. Вот тут Колесников и ударил по ним из пулемета. Оккупанты заметались. Однако силы были слишком неравны. Колесников получил тяжелое ранение. Истекая кровью, он продолжал поливать свинцом наседавших солдат. Но вражеская пуля сразила отважного партизана...

Целую ночь подразделение противника держало оборону, а с рассветом снова ринулось в атаку. В течение трех часов все кругом раскалялось от пулеметных и автоматных очередей. Видимо, фашистам всюду мерещились партизаны, которых здесь сейчас и в помине не было. Они никак не могли взять в толк, как это один чело-

вик мог вступить с ними в бой, сколотить несколько десятков солдат и офицеров и вообще устроить такой переполох.

В начале декабря 1941 года за отрядом Денисова были закреплены населенные пункты Крючки, Толвинка и Новый Свет. Вскоре из беседы с жителями командир стало известно, что группа немецких солдат из бежицкого гарнизона периодически наезжает в Толвинку и Крючки и грабит жителей. По расчетам селян, эти воики через день должны пожаловать в деревню Крючки за колхозной картошкой, хранящейся в буртах.

— Прошлый раз, — рассказывала одна из женщин, — приехали, природы окаянные, на трех грузовиках, согнали нас, баб, к бурту и заставили бабировать картофель в мешки и грузить на машины, а сами пошли шарить по домам. Даже из печей все повыскребли.

— Что же это, братцы, творится на белом свете? — вмешался в разговор пожилой мужчина. — Этак фашисты до последнего куска ограбят, и придется помирать с голоду. Это же не люди, а какие-то озверевшие бандюги. Ни одного путного слова не скажут, а все гавкают и автоматами тычут. Ворвались ко мне двое и давай орать: «Яйки, млеко, шинг, брот!» Да как даст мне один по шее прикладом! А потом один увидел, что другой достал чужун и прямо из него, как пес, ест суп, бросился к нему. Нажрались и ушли. Мы тут думали, как бы их пугнуть, чтобы и дорогу к нам забыли, да силенок у нас кот наплакал. Как вы на это дело посмотрите, ребяташки?

— Будем думать, — скупо ответил Денисов. — С силами надо собраться.

Партизаны распрощались с жителями, пустив слух, что завтра уходят в дальний поход, сюда же смогут наведаться только через неделю, а сами приступили к подготовке операции. Лыжники, облачившись в маскхалаты, под командованием помощника командира отряда Журавлева разведали дорогу, идущую в деревню Крючки со стороны Бежицы. Рассекая Крючки на две части, эта дорога уходила дальше, к селу Соколово. У большака, впереди основных строений, стояли две бани, а на самом перекрестке горбился заброшенный, так и не использованный красноармейцами дзот. Этими банями и дзотом и решили воспользоваться партизаны. Выставив посты со

стороны Толвинки и Соколова, Денисов и Каменев устроили засаду. На крышах замаскировали по ручному пулемету, а внутри башь и около них расположили по взводу партизан. В дзоте установили станковый пулемет.

— А не поставит ли нам на дороге против башь хотя бы одну мину? — предложил командир. — Она всю колонну остановит. А в снегу не очень-то развернешься. Вот мы и рубанем тройным перекрестным огнем.

— Позиция у нас — лучше не придумаешь, — ответил политрук Каменев, — а мина ее еще больше улучшит.

Мину установили, следы замаскировали и затаились в ожидании. Прошел час, другой... Партизаны, чередуясь, уже раза по три бегали погреться в ближайше дома. Погода стояла холодная, мороз перевалил за минус двадцать пять. Надежда на приезд «гостей» стала блекнуть. Но тут из соседнего оврага выскочили двое дозорных. По их сигналу все бросились по местам, приготовились к бою. Минут через десять показался обоз из восьми подвод. В каждые сани запряжено по две лошади. Они брели попуру, громко отфыркиваясь, то и дело сбивались с накатанной дороги и проваливались глубоко в снег. На каждой подводе сидело по четыре укутанных, как чучела, фашистских мародера.

— Вот чурки неотесанные, — возмущенно проворчал хозяйственный Ромашин. — Кто же в сани запрягает по два копы? Они только сбивают с дороги друг друга. Ну ничего, сейчас мы вас поучим, как ездить по нашим дорогам.

Первая подвода наехала на партизанскую мину. Раздался мощный взрыв. В воздух взметнулись куски саней, лошадей и только что мечтавших о легкой и богатой поживе грабителей. Из засады ударили огнем из трех пулеметов и всех винтовок. Еще не кончилась пулеметная лента в «стабаче», а на дороге уже не осталось ни одного живого фашиста.

Партизаны забрали оружие и снаряжение противника. Затем разрубили туши убитых лошадей. Копица хотя и не была привычной нищей, но с питанием у партизан дела обстояли неважно...

Через два дня деревню Крючки окружил немецкий лыжный батальон. Гитлеровцы забрали три десятка трупов своих солдат и сожгли часть деревни.

Узнав об этом, Денисов и Каменев срочно выехали туда. То, что они увидели в деревне, поразило их до глубины души. От околицы до самого перекрестка дорог видны были сплошные пенелища да торчащие печные трубы. Зашли в один из уцелевших домов, а в нем людей — стоять тесно. Встретили партизан приветливо, но с какой-то сконфуженной настороженностью. Зашли в другой дом — та же картина.

— Нужно поговорить с людьми, Сергей Тимофеевич, — сказал Каменев и распорядился: — Товарищ Рыжанин, постарайтесь собрать народ в клубе. Сейчас вечер, фашисты на почь глядя не пожалуют, но посты все же расставьте как положено.

Собралось около тридцати жителей. Лица хмурые, растерянные, во взглядах — горечь и безысходность. Не просто погорельцы...

Первым заговорил Каменев:

— Рано или поздно фашисты деревню сожгли бы. Их философия одна — грабить, сжигать, убивать.

В голосе политрука звучали виноватые нотки.

— Эх, ребята, ребята, — тяжело вздохнул седой старик. — Всякую-то людскую беду вы на себя берете. Вот вы на днях пришли, обоз мародерский порушили, а нас за это фашисты спалили. Так разве мы в обиде на вас? Неужто вам сидеть сложа руки ради нашего спокойствия и смотреть со стороны, как поганые оккупанты топчут нашу землю и измываются над нашим народом?..

— Но и подставлять вас под удар пегойе, — возразил Денисов. — Как же быть?

— В том-то и вся загвоздка, что никто не знает, как быть, — ответил старик. — Взяли они нас за горло и все ту же и ту же затягивают петлю...

— Давайте вместе искать выход из положения, — снова заговорил Каменев. — Вам нужно или склонить головы, подставить свои шеи под фашистские петли и покорно ждать, пока они будут эти петли затягивать, или создавать самооборону и держать тесную связь с нами, чтобы вместе бить фашистскую печаль.

— Думали мы над этим, — вступил в разговор другой пожилой мужчина. — Самооборона ничего не даст, кроме новой расправы. Ну, насобираем мы человек двадцать, достанем и ружья с винтовками где-то отыщем, а дальше что? Встречать и бить противника, как вы в прошлый раз, а потом оборонять деревню? Так перебить их, как вы, мы

не сумеем, и деревню свою не обороним. Нагрянут каратели, порубят всех, как капусту, и пожгут все дотла. Погибнут с такой самообороной и женщины, и дети. Нет, товарищи, так не годится. Подставлять женщин и детей под верную мученическую смерть ни в коем разе нельзя. Мы так думали: кто из нас, мужиков, еще таскает ноги, а также одинокие женщины — все пойдем к вам партизанить, а семейные женщины с детьми да дряхлые старики и старухи дома останутся или, еще лучше, по другим деревням растекутся.

Денисов и Каменев, в принципе согласившись с мнением мужчины, пообещали подумать и посоветоваться со старшими товарищами. С тем и возвратились в отряд.

— Пойдем, комиссар, в штаб батальона, расскажем о сложившемся положении и посоветуемся, как быть, — предложил на следующий день расстроившийся Денисов своему политруку. — Виноградов — человек опытный. Это же получается заколдованный круг. Мы бьем захватчиков, а они мстят за это мирным советским жителям. Так каждая наша засада будет ставить под удар население.

Пришли они в штаб батальона и подробно рассказали о случившемся.

— Да, — задумчиво произнес Виноградов. — В иных случаях придется устраивать засады не в населенных пунктах, а на дорогах, подальше от какого-либо жилья. Я, конечно, исключаю операции особой важности, когда схватка неизбежна именно в деревне. Но и тогда следует заблаговременно позаботиться о последующей безопасности жителей. Мы не должны давать врагу прямого повода для расправы над ни в чем не повинными людьми.

— Кто хочет, тот повод всегда найдет, — сказал комиссар батальона Рыжков. — Фашисты и без наших нападений на них будут грабить и убивать мирное население.

— И тем не менее нам нужно всячески стремиться к тому, чтобы выбить из рук противника надуманные им предлоги для расправы над жителями сел и деревень, — настаивал Виноградов. — Ведь можно же встретить этих «заготовителей» подальше от жилья уже на обратном их пути, когда они потеряют бдительность и когда потом оккупантам трудно будет обвинить в чем-нибудь ту или иную деревню. — Командир батальона помолчал немного и, вздохнув, продолжал: — Нет у нас пока надежной, постоянной связи с Большой землей. Посоветоваться не с кем... Столько сложных вопросов накопилось! Надо посвящать группу

на связь с частями Красной Армии, и чем быстрее, тем лучше. Завтра же организуем это дело, дальше тянуть нельзя. Что же касается организации партизанского отряда из местных жителей, то этот вопрос ясен. Организовать его, безусловно, следует, и ваш отряд, Сергей Тимофеевич, должен оказать самую действенную помощь местным партизанам. Командиром назначим вашего помощника Журавлева. Молод он и горяч, правда, но когда почувствует ответственность за подчиненных, то замашек ненужного ухарства сразу поубавится. А по остальным статьям он вполне подходит.

— А кого политруком назначим? — спросил Денисов.

— Да того же Дмитрия Ромашина. При таком командире, как Журавлев, лучшей кандидатуры, чем Ромашин, на должность политрука и придумать нельзя. Один горячий и вспыльчивый, как порох, и смелый больше, чем нужно, а другой спокойный, рассудительный, умудренный жизнью, принципиальный коммунист.

11

Во второй половине декабря 1941 года штабом батальона проводился краткосрочный учебный сбор командно-политического состава рот и отрядов. Перед началом занятий выступил командир батальона Виноградов. Он объяснил, чем вызван сбор и какие цели им преследуются.

— Проверка показала, — говорил Александр Иванович, — что стрелковая выучка бойцов и командиров у нас хорошая, а вот тактическая подготовка хромает. Нужно всем нам учиться и учить командиров взводов и отделений тактике ведения боя.

Комбат внимательно оглядел собравшихся командиров и политруков, стараясь угадать, как они восприняли его слова, и добавил:

— На должность начальника штаба у нас назначен опытный военный специалист капитан Марков, который и поможет нам преодолеть отсталость. Однако главное — это чтобы вы сами серьезно отнеслись к делу и научились творчески применять положения воинских уставов в наших конкретных партизанских условиях. А теперь слово вам, Носиф Дмитриевич. Считайте, что я такой же ученик, как все остальные.

Капитан Марков встал, одернул гимнастерку, затянул потуже ремешь, передвинул чуть назад кобурку с пистолетом

том и начал четко, уверенно излагать основы тактики ведения боя:

— Тактика — это наука о подготовке и ведении боя подразделениями, частями и соединениями, искусство управления ими во время боя и организация их маневрирования. Тактика определяет пути, средства и способы борьбы, наиболее соответствующие конкретной обстановке в данный момент. Это определение тактики в общем виде.

— Ух ты! — выдохнул командир роты Шпадарев. — Очень уж мудрено, нам бы как-нибудь попроще.

Капитан Марков взглянул на ротного, дружески улыбнулся ему (потерпи, мол, малость) и продолжал:

— На каждый бой должны быть поставлены ближайшая и последующая задачи. Командир обязан определить тактику или, как я говорил, средства, способы, пути их выполнения, порядок расположения, построения, движения, взаимодействия подразделений и, конечно, порядок непрерывного управления боем всеми подчиненными командирами.

Затем начальник штаба приступил к рассмотрению всех составляющих частей тактики...

После перекура производился разбор вариантов тактических построений стрелковой роты в обороне и наступлении. По этому вопросу выступил командир третьей роты, лейтенант запаса. Он поставил на стол большой щит с нарисованными на нем боевыми порядками взводов и отделений роты — с одной стороны в обороне, а с другой — в наступлении. Взводы были изображены в линию, треугольниками вершиной вперед и вершиной назад, уступом влево и уступом вправо и ромбом. По подобным схемам располагались и отделения во взводах. Потом были вопросы и ответы на них. На этот раз не удержался от реплики Горбачев:

— Все это хорошо для пехоты-матюшки, воюющей в составе Красной Армии, а для нас вовсе не подходит.

Капитан Марков встал, посмотрел на командира батальона, потом на Горбачева и произнес со спокойной сдержанностью:

— Уставов партизанской борьбы ведь нет, их никто не издавал. А воинские уставы знать совсем нелишне. В этом вы сами убедились. Никто не проповедует слепое, шаблонное применение схем, но их нужно хорошо усвоить, чтобы лучше ориентироваться в различной обстановке. Во всех случаях, перед тем как принять решение по тактике боя,

командир должен подумать, как бы он сам действовал на месте врага.

— А я на его месте совсем бы не пошел воевать против Советского Союза, — заметил политрук Борисенко.

— Ну, это уже проблемы политподготовки, — улыбнулся капитан. — У нас еще много не рассмотренных вопросов тактики боя. Продолжим занятия, товарищи...

На следующий день в течение двух часов рассматривали схему обороны лагеря на случай нападения карателей, уточнялись задачи каждой роты и каждому отряду. Закончились эти занятия своеобразным штабным учением. Командир батальона и начальник штаба давали вводные, а командиры рот и отрядов принимали и обосновывали свои решения. Не обошлось и без казусов, но в целом учение прошло успешно. При этом самым активным оказался ранее ворчавший Горбачев...

После обеденного перерыва занятия возобновились. Их участники внимательно проанализировали тяжелый оборонительный бой, происшедший 5 ноября в Карачижско-Крыловском лагере. О том, что партизаны отразили все атаки противника, говорили мало, зато скрупулезно обсудили допущенные тактические ошибки и промахи. Подводя итоги, капитан Марков заявил, что если рассматривать наши оборонительные батальоны, то тактически они сходны с боями армейского отдельного батальона в полном окружении.

— Наступательных боев на обороняющегося противника, в обычном армейском варианте, у нас практически не бывает, — говорил он. — Что же касается наших походов, различных вылазок, засад и падаений на тылы и обозы захватчиков, то хотя типовых тактических решений для них не придумаешь, но общие черты все же просматриваются. Это — скрытность подхода к месту засады; выдвижение вперед гранатометчиков; определение задач снайперам; расположение партизан группами по два-три человека вдоль большака; выделение спецгруппы захвата и группы прикрытия; тщательная маскировка; долгое, терпеливое выжидание удобного момента для нападения; одновременный удар всеми силами; неожиданный и быстрый отход по лесам и болотам; стремление не ввязываться в затяжной бой...

Так начиналась учеба командно-политического состава тактике партизанского боя.

Снег выпал рано, и он был еще неглубок. Кое-где проглядывали тропы и дороги. В лесу лежал небольшой снеговой покров. Мохнатые, густые лапы сосен и елей надежно укрывали просеки и колесные дороги. Этим обстоятельством и решил воспользоваться Александр Иванович Виноградов.

Ранним декабрьским утром он пригласил к себе в землянку партизан Ивана Минаева, Никифора Антонова, Ларису Иванову и Ирину Кричунович.

— Я хотел поговорить с вами, товарищи, по очень важному делу, — сказал он. — Как воздух нужна нам связь с Большой землей. налаженная связь — это боеприпасы, медикаменты, продовольствие, эвакуация тяжелораненых и больных и, наконец, это столь необходимая нам почта. Я уже не говорю о делах чисто военных, о координации ударов по врагу. Надеюсь, вы понимаете это?

— Да, Александр Иванович! — ответил за всех Минаев.

— Вот и хорошо. А теперь прошу вас поближе к столу.

Все склонились над потрепанной топографической картой.

— Смотрите. Фронт проходит вот здесь. От нас это, если по прямой, километров шестьдесят, а обходными тропами — раза в полтора больше. Оборона врага на этом участке паверняка не сплошная, а очаговая. Следовательно, есть в ней лазейки. По имеющимся у нас сведениям, через эти места уже проходили спецотряды и, кажется, несколько партизанских групп. Удачно проходили. А мы чем хуже? Почему бы и нам не последовать их примеру? Как вы смотрите на это?

— Смотрим мы на это, Александр Иванович, вполне одобрительно, — снова отозвался Минаев, — и ваше доверие оправдаем. Все мы хорошо знаем местность.

...Долго пробирались партизаны к линии фронта, обходя большие села и действующие дороги. А приблизившись к ней, стали всюду наткаться на опорные пункты и траншеи противника. Последние двое суток группа провела без сна и отдыха. Совсем выбились из сил. И вдруг заметили небольшую цепочку лыжников в маскхалатах, крадучись, с оглядкой идущих к переднему краю противника. Лариса, разглядев у них советские автоматы, не удержалась, крикнула:

— Товарищи! Товарищи! Мы свои. Мы партизаны... И разрыдалась.

Цепочка лыжников как сквозь землю провалилась.

— Ты что, с ума сошла?! — зло прошептал Антонов. — А если это немецкий дозор!

— Да нет, наши это. Наши! И автоматы у них наши, советские.

И тут из частого ельника раздался властный голос:

— Слушать меня! Один — ко мне, остальные — на месте!

Антонов быстро пополз на голос и скоро увидел наставленный на него автомат.

— Вы что орете под самым носом врага?! — сердито произнес человек в маскхалате. — Из какой части? Чего здесь?

Антонов стал объяснять, кто они и куда идут, и добавил, что совсем окончили... Он уже не сомневался, что это наша армейская разведка.

— Ясно! — кивнул разведчик. — Давай сюда остальных.

Партизан проворно исчез и через несколько минут вернулся в сопровождении всей группы.

Разведчик скомандовал:

— Двигаться за мной и делать все так, как я. Где ползу, там и вы ползите, где поднимусь, там и вы... полусогнувшись.

Доползли, скатились в небольшой ров и стали пробираться по его дну. Метров через сто встретились с остальными разведчиками. Среди них оказался лейтенант, старший группы. Он придирчиво допросил партизана, проверил документы, а запечатанный пакет с надписью «Передать командованию фронта от командования бежицких партизанских отрядов» возвратил Антонову.

— Это сами вручите, если удачно проскочим линию фронта. А ну, хлопцы, поделитесь едой с партизанами, хорошенько проверьте у них лыжные крепления.

Когда новые знакомые разведчиков малость подкрепились и согрелись, глотнув граммов по двадцать спирту, лейтенант подал команду двигаться. Цепочка бесшумно заскользила за командиром. Лариса и Ирина еле тащились за опытными лыжниками. Не лучше чувствовали себя и Антонов с Минаевым.

Через некоторое время впереди, справа и слева от них стали слышны пулеметные очереди и одиночные выстрелы, все чаще взвивались в воздух осветительные ракеты.

Разведчики и партизаны остановились, залегли. Лейтенант достал из кармана ракетницу, и в воздух, одна за другой, полетели зеленая и две белых ракеты.

— Вперед! — скомандовал лейтенант.

И все устремились к переднему краю. Засвистели пули, яростнее застучали пулеметы. Гитлеровцы палили неприцельно, куда попало. Наши бойцы на передовой стрельбу прекратили.

Свалились разведчики и партизаны в траншею и долго не могли перевести дух. Сильные заботливые руки бойцов подхватили обессиленных людей. Кто-то распорядился:

— Девушек на носилки!

Разведчики доставили партизан в штаб своего полка. Там с ними коротко поговорил комиссар и велел кому-то накормить гостей, оказать им медицинскую помощь и уложить спать.

— Товарищ комиссар! — взмолился Антонов. — Нам некогда спать. Нам нужно срочно передать пакет.

— Отдыхайте. Все, что положено, пойдет и дойдет быстрее, чем вы думаете. О вас уже доложено в штаб фронта. Будет команда, и мы вас вихрем доставим куда потребуются. Вам здорово повезло с нашей разведкой. Одни бы вы не пробрались и погибли.

— Разведчики у вас что надо! — восхищенно проговорил Иван Минаев. — Крикнула наша Лариса — и нет их. Были — и нет. Как сквозь землю провалились.

У комиссара заиграла на лице улыбка:

— У вас, товарищи партизаны, маловато пока танков и самолетов, зато бойцы — молодец к молодцу. Ничего, будет и техника. Скоро будет!

На другой день отдохнувших партизан доставили в штаб армии, где их приняли командующий и член военного совета. Более часа расспрашивали они о жизни и боевых делах народных мстителей. При них же отдали оперативные распоряжения об оказании помощи партизанским отрядам. Прощаясь, командующий сказал:

— Мы много слышали о ваших отрядах. Передавайте наши сердечные приветствия партизанам Бежицы и Дяткова. Мы гордимся вашими делами. Связь теперь организуем с вами надежную и придем радиостанция с рацией.

Несколько дней партизаны провели в армейских частях и подразделениях, и всюду их встречали, как самых дорогих гостей.

Обратно в тыл противника партизан провели те же раз-

ведчики под командованием того же лихого лейтенанта, который на прощание галантно поцеловал руки девушкам и крепко обнял Минаева и Антонова. От линии фронта партизаны без особых приключений добрались до партизанского лагеря. Правда, скоро наши войска вынуждены были сменить позиции, и пришлось искать новые тропы через линию фронта от села Малые Желтухи на город Киров, но теперь уже связь действовала надежно.

В декабре из числа партизан отрядов Пуклина и Бердуга, расположенных в Улемльском лесу, недалеко от поселка Любохна, была создана сборная группа подрывников. В нее вошли Архинов, Сазонкин, Меньшиков, Артамонов и Жогин.

Первое задание группы — минирование железной дороги у станции Судимир. Вышли вечером. Мороз крепчал, но в движении минеры этого не замечали. Подползли к рельсам уже незадолго до рассвета, залегли на своих местах и прислушались. Кругом стояла тишина, только телеграфные провода, если очень напрячь слух, протяжно и гонгливо гудели.

— Начали, — подал команду Архинов и сам первый стал долбить малой лопатой смерзшийся песок под рельсом. Коля Меньшиков энергично последовал его примеру.

— Что вы, черти, делаете?! — зашипел на них Сазонкин. — Песок рассыпаете во все стороны, потом не замаскируешь. Давите лопатой, а не рубите, песок аккуратно снимите на плащ-палатку. Коля, воняй лопату под углом, так она легче в землю входит.

— Усёк, — добродушно отозвался Меньшиков, меняя тактику.

По два, по три раза сменяли партизаны друг друга, пока приготовили гнезда. Долго затем, без привычки, устанавливали две мины. А потом началось самое сложное. Как ни маскировали следы своей работы, а свежий песок сразу бросался в глаза.

— Я же вам говорил, что нужно осторожно снять верхнюю корку, чтобы потом положить ее сверху, — ворчал Сазонкин. — Что теперь делать, ума не приложу...

— Да, брачок получился, это я во всем виноват, — с мокритично заметил Меньшиков.

— Кто виноват — потом разберемся, — недовольно сказал Архипов. — Давайте посыпем слегка снегом.

Посыпали снегом, но это почти ничего не изменило.

— Давайте поищем в сторонке похожие корочки, а потом их уложим здесь, — предложил кто-то из минеров.

Так и сделали.

Стало светать. Архипов отошел шагов на пятнадцать от насыпи, приподнялся на носках и долго всматривался в места, где были уложены мины: Потом удовлетворенно хмыкнул:

— Сам черт не заметит!..

Замели подрывники свои следы и отошли на заранее обусловленное расстояние.

Прошло более часа. Уже совсем рассвело... Наконец показался тяжело нагруженный состав. Паровоз пыхтел, надрываясь, вагоны и платформы, затянутые брезентом, стучали на стыках рельсов, и невольно каждый их стук партизаны считали про себя, ожидая мгновения...

Мины взорвались одновременно. Паровоз вздыбился, со всего ходу врезался в насыпь и стал тяжело валиться набок, подталкиваемый составом. Вагоны и платформы со скрежетом полезли друг на друга. Неведомая сила отрывала колеса с осями и отбрасывала их в сторону. Состав, скручиваясь гигантским жгутом, неестественно переплелся, превращаясь в огромную свалку.

На прощание полюбовались партизаны делом рук своих и благополучно возвратились в лагерь.

Это был первый вражеский эшелон с живой силой и техникой, уничтоженный бежицкими партизанами. Весть об удаче подрывников мгновенно облетела все отряды. Сколько было радости! Каждый ходил с гордо поднятой головой, словно именно он подорвал эшелон.

Все партизаны буквально заболели «подрывной лихорадкой».

— Эх, были бы мины! — мечтательно вздыхали они.

Походы на «железку» стали заветной мечтой каждого. Даже врач Иван Тихонович Батюнин упорно добивался такой чести и всякий раз внушал начальству, что в таком деле без врача никак нельзя. И добился своего — несколько раз ходил на диверсии. Правда, скоро ему такие походы были запрещены: командование не без основания опасалось, что в случае нежелательного исхода отряды могут лишиться врача. А он во всем лагере — единственный...

Командование бежицкого гарнизона, взбешенное действиями партизан и активностью населения, предприняло карательную акцию в районе Круглого озера. Случилось это 25 декабря.

Выехав из Бежицы, гитлеровцы развернулись на Любохонской дороге и двинулись по магистральной просеке. Один отряд свернул к усадьбе лесника у Круглого озера. В это время в бани лесника группа партизанок занималась стиркой белья, а в самом доме несколько человек ручной мельницей мололи рожь. Валентина Сергеева, закончив выпечку хлеба для одной из рот, пошла помогать Симе Кричевской стирать белье.

Заметив немцев, Владимир Дворянчиков дал условный сигнал и, отстреливаясь, успел отойти в лес. Лена Артюхова, или, как ее чаще называли, Лена Ясек, Петр Захаркин, Илья Скрепкин и десятилетний сынника лесника Субботкина Коля начали отстреливаться из окон дома. Но, как назло, у ручного пулемета заклинило затвор.

Сима Кричевская и Валентина Сергеева сигнала не слышали и выскочили из бани, когда уже поднялась стрельба. Отрезанные от леса, они бросились в дом.

Ранило Артюхову, а затем и Скрепкина. Понимая, что раненные в ноги, они уйти не смогут, Лена стала кричать, чтобы остальные уходили и прятались.

Коля Субботкин, Захаркин, Кричевская и Сергеева оставили дом, заскочили в сарай, там залезли на сеновал и зарылись в сено. Артюхова и Скрепкин долго отстреливались из винтовок. А когда у Ильи разбило винтовку, он дотянулся до неисправного пулемета, стукнул по затвору. Пулемет заработал, и Скрепкин ударил по карателям длинными очередями, но скоро был сражен вражеской пулей.

Лена по-снайперски расчетливо выбирала цель и посыпала пулю за пулей то в одного, то в другого перебегающего карателя. Немецкая разрывная пуля ударила Артюховой в левое плечо, и винтовка выпала из ее рук. Гитлеровцы бросились к дому. Истекая кровью, Лена дотянулась до приготовленной гранаты, приподнялась и метнула ее в группу вражеских солдат, но и сама рухнула, взрешеченная автоматной очередью...

Ворвавшись в дом лесника, каратели в бешенстве стали крушить все, что попадалось под руки, а затем облили стены керосином и подожгли. Кто-то из немцев заметил

следы, ведущие к сараю, и все бросились туда. Трижды на немецком языке прокричали команду выходить и сдаваться, затем команду с пояснениями повторил переводчик. Партизаны молчали. Тогда солдаты дали несколько очередей и смертельно ранили Колю Субботкина.

Каратели подожгли сено. Петр Захаркин пробил в крыше отверстие, одну за другой вытолкнул Симу и Валентину на крышу сарая и вылез сам. Немцы этого не заметили, и партизаны, скатившись вниз, побежали в сторону леса. Там было спасение. К несчастью, на пути беглецов оказался высокий забор, да и гитлеровцы уже заметили их и бросились преследовать. Стрелять по партизанам не торопились, рассчитывая взять их живыми. Захаркин вскочил на забор и протянул руку Симе Кричевской, но та, завязнув в глубоком сугробе, не успела... Захаркин почувствовал, как его лицо обожгла боль. Он мешком свалился с забора и, собрав последние силы, пустился бежать, петляя между деревьями. Слышал, как справа и слева противно взвизгивали пули...

Симу Кричевскую и Валентину Сергееву каратели схватили у забора. Допрос вел уже немолодой долговязый лейтенант. Он предложил рассказать, где находятся основные силы партизан, сколько их и как к ним незаметно проникнуть, и за это обещал сохранить жизнь. Однако верные дочери советского народа свято сохранили партизанскую тайну. Женщин били, садистски истязали, но они не сказали ни слова. Вбешенный гитлеровский офицер приказал привязать истерзанных партизанок к оглоблям саней и волоком тащить их в деревню Липово...

При переходе карательного отряда от уничтоженной им усадьбы лесника в деревню Липово прямо во вражескую колоду врезался на санях Михаил Коршунов.

Случилось это так. Возвращался Коршунов с тремя партизанами из недавней поездки и вез огромную тушу свиньи, отбитую у немецкой «заготовительной» группы. Трое партизан, согреваясь, семеня за подводой. Приотстали немного. Затем один из них сделал непонятный знак рукой, и вся тройка вдруг поспешно свернула с дороги и побежала к лесу. Михаил обернулся да так и ахнул. На дороге стояла группа карателей, двое уже протягивали руки к уздечке его лошади. Что было силы огрел Коршунов мерина кнутом, тот всхрапнул от неожиданности и боли, взвился на дыбы, сбил солдат и понесся, вздымая за санями вихри снежной пыли. Засвистели пули. Коршунов подна-

тужился, приподнял сбоку свиную тушу и подлез под нее, а сам все дергал и дергал вожжи, не позволяя мерину сбавлять скорость. Дорога почти перпендикулярно выходила на большак, по которому, как раз на этом месте, двигалась санная колонна карателей. Бешено мчавшаяся лошадь Коршунова грудью врезалась в нее, живым тараном пробила брешь. Середина колонны смещалась. Солдаты противника ошалело проводили глазами взбесившееся животное, запряженное в сани, на которых, похоже, не было людей. Запоздало открыли беспорядочную пальбу.

Весь взмыленный, влетел мерин на территорию партизанского лагеря и остановился, тяжело поводя боками. Подбежали партизаны, а на санях — одна свиная туша.

— Помогите, черти, вылезти, я в лепешку превратился...

Сбросили «черти» тушу с саней, и перед ними предстал Михаил Коршунов, живой и невредимый.

В туше, под которой он пролежал, насчитали потом пять сквозных пробоин и восемь пуль, видимо, автоматных, в ней застрявших. Две пули угодили в круп мерина, это, вероятно, и гнало его бешеным галопом.

Скоро пришли товарищи Михаила. Из-за поднятой подводой Коршунова суматохи каратели не успели их отрезать от леса и ограничились кратковременной бесприцельной стрельбой.

Партизан поджидала еще одна беда. Политрук роты, он же секретарь парткома партизанского батальона, Лунин со старшиной Фетисовым и партизаном Поликарповым, возвращаясь в лагерь с задания, попали в засаду. Более получаса отбивались от наседавших карателей. Погибли Фетисов и Поликарпов, кончались патроны в пистолете политрука, и Иван Борисович перестал стрелять из него, приберег последние на самый крайний случай. Схватив винтовку Фетисова, Лунин, не торопясь, тщательно прицеливаясь, продолжал бить по карателям. Увидев немецкого офицера, подгоняющего солдат, что-то им приказывающего, Иван Борисович взял на мушку его. Тот ткнулся в снег. Засуетился и забегал позади вражеской цепи еще один офицер. Политрук уложил и его.

Каратели уже совсем рядом. Еще прицельный выстрел. На этот раз партизанская пуля угодила в здорового унтер-офицера. Среди нападавших произошло явное замеша-

тельство: видимо, остались без единого командира. Цепь залегла. Лунин осмотрелся. Пули зажужжали у головы. Каратели стреляли, прижимая партизана к земле, не давая ему подняться. Иван Борисович понял: вырваться отсюда не удастся. Вот гитлеровцы вновь зашевелились, стали подползать ближе. Политрук прицелился в одного из них, нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало. Рванул затвор: кончились патроны. Но есть еще две грана-ты. И они полетели в самую гущу врагов. Вскочил политрук и устремился к спасительному лесу. Вот он, родной, рукой подать! Но вражеские лыжники отрезали Лунину путь, требовательно закричали:

— Рус, сдавайся! Рус, сдавайся!

В пистолете еще два патрона. Одна пуля — врагу, последняя — себе в висок...

Так героически погиб Иван Борисович Луниц, секретарь парткома объединенных бежицких партизанских отрядов, душа и подлинный вожак коммунистов. Выходец из рабочей семьи, Иван Борисович и сам рано стал трудиться на заводе «Красный профинтерн». Без отрыва от производства получил среднее образование и как наиболее способный был направлен на учебу в институт. Окончив его, возвратился на родной завод и работал здесь до начала Великой Отечественной войны. Последние годы был помощником главного инженера завода по охране труда и технике безопасности и секретарем партбюро заводоуправления. С началом войны партком завода рекомендовал Лунина секретарем парткома истребительного, а затем партизанского батальона и политруком одной из рот. Человек принципиальный и правдивый, он быстро завоевал авторитет у партизан. Высокая культура, особая обаятельность и широкая эрудиция сочетались в нем со спокойной сдержанностью и скромностью. Со всеми он умел находить общий язык.

Говорить Иван Борисович умел просто и доходчиво, без рисовки, без наигранности, без заумных и двусмысленных слов, и слушать его было очень интересно. Но еще больше он любил и умел слушать других.

Был Иван Борисович буквально во всем пунктуален и обязательен. Вот и в тот трагический день было назначено партийное собрание, и, чтобы не опоздать на него, он решил вернуться в лагерь через населенные пункты, занятые карателями. И пробился через все преграды. Кроме последней...

Карательный отряд от Круглого озера прибыл в село Дивново и расположился на почевку.

Здесь допрашивать захваченных партизанок взялся сам офицер гестапо, прикомандированный к отряду. Он посмотрел на Валентину Сергееву, брезгливо сморщился и произнес по-русски, медленно подбирая слова:

— Пожилая женщина, а тоже лезете воевать против доблестных солдат фюрера. Все партизаны есть дрянь, и такие женщины тоже, а потому все планомерно будут уничтожены.

Затем он перевел взгляд на Симу Кричевскую. Лицо его вдруг побагровело, глаза широко раскрылись. Гитлеровец буквально взревел:

— Юден! О, великую Германию мы уже очистили от этой проклятой нации. Теперь примемся за вашу варварскую страну. Завтра мы тебя расстреляем. Пригласим людей, хорошенькое представление устроим! Впрочем, — спохватился офицер, — если проявишь благоразумие, то жизнь свою можешь спасти.

Ни Сима Кричевская, ни Валентина Сергеева «благоразумия» не проявили. Как ни старался гестаповец, как ни изощрялся в «искусстве» допроса, получить от партизанок нужные ему сведения не удалось.

Утром их привели к площади около здания церкви, куда уже были согнаны все жители деревни. Офицер гестапо объявил, что сейчас будут расстреляны «отъявленные преступницы-партизанки», а потом стал угрожать, что «верные солдаты фюрера поступят так с каждым, кто смеет выступить против доблестной немецкой армии и новых порядков великой Германии на завоеванных ею землях».

— Каждый, кто станет помогать партизанам или прятать у себя евреев, будет расстрелян, — добавил он, — а его дом и имущество мы безжалостно сожжем. Кто хочет сохранить себе и своим детям жизнь, тот должен следить и докладывать обо всех партизанах и о тех, кто им помогает.

В это время на окраине деревни, близ кладбища, поднялась стрельба. Забегали посыльные. Гестаповец резко выжал голову в плечи и что-то коротко приказал солдатам, охранявшим партизанок. Конвойные поспешно отвели арестованных немного в сторону и в упор расстреляли их... Жителям было приказано разойтись по домам и не выходить.

Стрельба в стороне кладбища не утихала. Но улице растерянно сновали каратели. Первым с площади драпанул офицер гестапо, предоставив возможность проявить верность фюреру своим армейским коллегам.

Причиной, так неожиданно испортившей фашистам это их кровавое представление, была вылазка партизан.

Еще до рассвета в партизанский лагерь прибежал разведчик и сообщил, что Сима Кричевская и Валентина Сергеева находятся в Липове и им угрожает расстрел. Командование батальона решило силами трех рот окружить карателей, внезапно напасть на них, освободить партизанок и выбить врага из деревни. Командовать операцией вызвался комиссар Рыжков, а Виноградов остался руководить обороной основного лагеря, если каратели полезут в лес.

Партизаны, маскируясь лесом и кустарником, удачно обошли Липово. Одна из рот заняла сельское кладбище, откуда было совсем близко до площади. Однако остальные две роты, с которыми оставался Рыжков, из-за глубокого снега задержались и на открытых полянах были замечены немецкими постами. Каратели исполнились не на шутку. Они открыли бешеный минометный и пулеметный огонь, организовали круговую оборону и срочно запросили помощь у начальника бежицкого гарнизона.

Таким образом, выбить карателей из Липова, а также спасти попавших в их лапы партизанок, не удалось. Впрочем, был и положительный результат этой в общем-то не получившейся операции — партизаны сорвали начавшуюся карательную экспедицию фашистов.

Погоревали партизаны о павших товарищах, и снова — бои и походы.

Вместо погибшего Ивана Борисовича Лукина секретарем парткома объединенного отряда стал Григорий Григорьевич Гавриличев, а политруком роты Гудакова был назначен Василий Тимофеевич Прокопович.

15

Большим, по-настоящему вдохновляющим событием для партизан, для всех, кто томился в гитлеровской оккупации, явился разгром немцев под Москвой. Люди плакали от радости, поздравляли друг друга.

Фашисты всячески пытались скрыть свое поражение у стен советской столицы, однако партизанские агитаторы проникали в деревни и села и как бесценный подарок при-

носили измученным жителям добрую весть. Всюду активировалась работа по созданию самообороны, усилилось сопротивление оккупантам.

Еще в ноябре 1941 года рота Берндта, переброшенная в Улемьский лес, соединилась с любохонскими партизанами и стала действовать самостоятельно. А в декабре на ее основе был создан партизанский отряд.

Значительно пополнилась людьми и рота Смертина, тоже дислоцировавшаяся в Улемьском лесу. В ее ряды влились жители ближайших сел. В декабре решением штаба она была преобразована в партизанский отряд. До своей отправки за линию фронта им командовал Петр Петрович Смертин, а затем отряд возглавил Михаил Петрович Коршунов. Стала партизанским отрядом и рота Тихона Федоровича Шпадарева.

В связи с широким привлечением местного населения и окруженцев к партизанской борьбе штаб батальона принял решение о создании новых отрядов. В январе 1942 года их появилось четыре: Бордовичский (командир — Федор Наумович Брук, политрук — Василий Фролович Родичев), Домашовский (командир — автор этих строк, политрук — Руфин Васильевич Родин), Толвинский (командир — Леонид Паптелеймонович Журавлев, политрук — Дмитрий Александрович Романин) и, наконец, отряд подрыльников 4-го отдела УНКВД Орловской области (командир — Морозов, позже — Василий Тимофеевич Савельев, политрук — Страхов).

Примерно через месяц и роты Дурнева, Кузнецова и Гудакова, также пополненные за счет местных жителей, были преобразованы и соответственно стали именоваться: Молодежный, Городищенский и Первый партизанские отряды.

В те же дни проводилась большая работа по расширению базы в Улемьском лесу, в котором располагались отряды Пукляна, Берндта и Коршунова. Создавалась новая база в районе Святого озера, туда перешли отряды Журавлева, Морозова и автора этих строк.

А строить новые базы было ой как нелегко. Зима 1941/42 года стояла лютая, морозы достигали сорока градусов. Снег в лесу — по грудь человеку. Земля глубоко промерзла, лопатой ее не копаешь, и взрывать нельзя. А долбить надо. И долбили, и строили землянки...

Отряды обзаводились собственными громоздкими оборами и продовольственными базами, так как на централизованное снабжение рассчитывать пока не приходилось.

Непросто было обеспечить людей зимней одеждой, обувью, боеприпасами, медикаментами. Лучше дело пошло, когда в партизанские лагеря стали прилетать самолеты.

Постепенно укреплялись отряды. Крепили и их удары по оккупантам. Намного расширился район партизанских действий.

Одной из крупных и дерзких операций явилось нападение отрядов Пуклина, Смертина и Берндта под общим руководством начальника штаба Маркова на станцию Судимир. Здесь скопилось несколько эшелонов с живой силой и техникой противника.

Партизанам стало известно, что немцы собираются организовать пышный рождественский банкет. Вечером отряды незаметно подошли к станции и заняли исходные позиции. В самый разгар банкета в окна полетели гранаты. Одновременно полетели они и в двери распахнутых вагонов. Хлестнули по мечущимся гитлеровцам партизанские пулеметы. Рухнула от мощного взрыва водокачка, стали взрывать вагоны с боеприпасами.

А спустя несколько дней, 30 декабря 1941 года, группа партизан в составе Николая Меньшикова, Михаила Сазонкина, Федора Артамонова и Анатолия Жюгина под командованием политрука Ивана Захаровича Петрова выехала на подводе в район станции Зикеево. Путь предстоял неблизкий. Добравшись к вечеру до села Овсорок, они решили заночевать в надежном месте. Зашли в крайнюю избу. Ее хозяин, приветливый седобородый старик, сообщил, что в селе, на его западной окраине, расположилось какое-то воинское подразделение. С ночевкой не получилось, и партизаны собрались уезжать в соседний лесной поселок, в котором было менее опасно.

— Возьмите с собой «максимку», — предложил им старик. — Вам он, может, и пригодится, а тут пропадает даром.

— Какого Максиму? — не понял политрук.

— Да тут я припрятал пулемет. Жаль только, не очень исправен...

Это и впрямь оказался пулемет «максим», а к нему еще и две коробки лент, снаряженных патронами. Погрузили в сани дедов подарок и уехали. Заночевали в глухом лесном поселке. Утром подремонтировали, опробовали пу-

лемет и снова возвратились в село Овсорок, которое немцы уже покинули. Вошли в дом знакомого старика. Не успели присесть, как вдруг вбегает мальчишка и почти по-военному докладывает, что в село снова едут фашисты. Выскочили партизаны и увидели семь подвод, спускающихся под гору от церкви. Ехали немцы спокойно, безмятежно, кто-то наигрывал на губной гармошке. Ясно: «заготовительная» команда.

— Вот бы из «максимки» их рубануть, — мечтательно произнес хозяин дома. И добавил задиристо: — Кабы си-душки мне — показал бы я им кузькину мать.

— А что, хлопцы, — сказал Иван Захарович, — отец де-ло говорит.

Развернули бойцы сани, укрепили на них пулемет, приготовили гранаты и залегли. На повороте обоз, словно по заказу, развернулся и вытянулся перед партизанами во всю длину, от первой повозки до последней. Петров и Меньшиков, не раздумывая, застрочили из пулемета, остальные поддерживали их огнем из винтовок. Все перешалось, уцелевшие «заготовители» распозались, как тараканы, кто куда мог. Но тут пулемет заклинило, и он замолк.

Немцы с задних подвод опомнились и открыли огонь. Вернулись и те, кто намеревался бежать. Получил ранение Сазонкин, затем Петров. Нужно было уходить, и партизаны пустили коней в галоп в сторону леса.

— Жаль, что пулемет отказал, — ворчал политрук Петров, перевязывая раненую ногу. — Ну да ладно, мы еще сведем с ними счеты...

Удачливей оказались партизаны отряда Шпадарева. В один из дней января 1942 года им стало известно, что в селе Хотылево оккупанты расположили крупный гарнизон, а в сохранившихся зданиях сельскохозяйственного техникума создали базовые склады продовольствия для отправки в Германию.

Открыто нападать на гарнизон было бессмысленно, так как в селе размещались воинская часть, полиция и более сотни бежавших из Подмосковья бургомистров, старост и прочего отребья. Однако и медлить нельзя было: фашисты в любой день могли погрузить и отправить продукты.

Командир отряда Шпадарев и политрук Борисенко пришли в штаб с планом операции, предусматривающим изъятие продуктов без боя. Они брались выполнить ее небольшой группой людей, хорошо знающих Хотылево, и осо-

бежно усадьбу сельхозтехникума. Риск был большой, но другого выхода партизаны не видели. Еще и еще раз обсудили каждую деталь плана.

Наконец Виноградов произнес:

— Ну, Тихон, действуй, только осторожней, зазря не погуби ребят. В случае чего — уходите, бог с ними, с этими продуктами...

Вечером группа партизан на трех подводах выехала из лагеря. Удачно миновали переезд через железную дорогу и около полуночи подъехали к реке Десне. Там остановили лошадей, обмотали им подковы тряпками, чтобы заглушить шум копыт, а сами осторожно, пригнувшись, двинулись вперед, затем поползли. Направляющим был Иван Минаев. Вот он подал условный сигнал — и все затаились. Немецкий часовой приблизился к замершему партизану, долго подозрительно прислушивался, затем повернулся, намереваясь идти назад. Минаев рысью рванулся к нему и ножом нанес смертельный удар. Быстро вытряхнув немца из тулупа, он облачился в него, сбросил труп в канаву, взял автомат, замел следы борьбы и тихонько двинулся навстречу другому часовому, который уже замаячил в темноте. Не дойдя до него, остановился и стал что-то искать под ногами. Часовой пробормотал несколько слов и подошел к наклонившемуся Минаеву. Тот снизу сильно ударил часового тем же ножом, и гитлеровец упал без звука.

Партизаны беспрепятственно подъехали к территории техникума, открыли ворота и поставили своих часовых. Без шума были разбужены и собраны в одном месте рабочие, находившиеся в здании техникума. Узнав, что это партизаны, они охотно запрягли все имевшиеся у них подводы и нагрузили их зерном. Обоз без осложнений проследовал по селу под носом у оккупантов, пересек железную дорогу и прибыл в лагерь с ценными трофеями.

Домашовский староста Кузнецов и его помощник Бержаков занимались заготовкой и помолом ржи на мельнице для отправки своим хозяевам — немецким господам. Партизанский отряд разгромил управу и захватил мельницу со всем запасом хлеба. Мельника заставили перемолоть все зерно для партизан. Больше недели мельница работала под их охраной.

В Першинском лесу была создана запасная продовольственная база для всего объединенного отряда на случай его вынужденного ухода из лагеря у Круглого озера. Прибывший в отряд Александр Иванович Виноградов вначале

даже не поверил. Пришлось базу ему показать. Осмотрел он запасы и похвалил ребят за находчивость.

В то время для бежицких партизанских отрядов врагом номер один стала сельцовская полицейская управа.

В крупном поселке Сельцо недалеко от железнодорожной станции оккупанты разместили воинский гарнизон, отряд охраны и восстановления железной дороги, крупную полицейскую управу и отдел гестапо. Из этого комбинированного узла немецко-фашистские захватчики постепенно организовывали налеты на ближайшие населенные пункты.

Партизаны имели полное основание считать сельцовскую полицейскую управу скопищем самых оголтелых предателей Родины и матерых агентов гестапо. Здесь были сосредоточены сведения о партизанских отрядах, семьях партизан и жителях, помогающих партизанам.

По данным разведки выходило, что пробраться к управе большими силами невозможно. И тогда двадцатипятилетний командир Молодежного отряда Василий Павлович Дурнев предложил до дерзости смелый план — открыто проехать туда под видом крупного полицейского начальника или немецкого офицера. Весь расчет основывался на использовании беспрекословного и рабски угодливого преклонения рядовых полицеев перед своими полицейскими чинами и особенно перед немецкими офицерами.

Виноградов по-отцовски любил этого молодого командира и вначале не решался подвергать его такому крайне опасному риску. Но война есть война, тем более — партизанская, которая вся состоит из непрерывных рискованных акций. И Александр Иванович сдался.

Январским вечером группа партизан Молодежного отряда выехала из лагеря в деревню Корчминки. Здесь они переночевали, а рано утром в сторону Сельца направились на трех подводах. Первым резво бежал рысак, запряженный в богато убранный возок. На облучке сидел житель Корчминок, партизанский связной и проводник Игнат Кузнецов. Позади него, небрежно развалившись, восседал в форме важного полицейского чина Василий Дурнев, а рядом с ним, фигурой помельче, — Жорж Скрементов.

Подъехав поближе к поселку, партизаны на двух задних подводах отстали и, выбрав укромные места, затаились, первая же торжественно проследовала вперед, к зданию школы, в которой размещалась полицейская управа. Встречавшиеся на пути патрульные испуганно вытягива-

лись, занимали положенные «смирно». Возок с «важным лицом» подъехал к школе. Дурнев легко выпрыгнул из него и не торопясь направился к крыльцу. Скрементов юлою вертелся вокруг «начальника», зорко высматривая все и вся. В приемной-ожидалке толпились люди с повязками на рукавах. У двери стояла пирамида с винтовками.

Полицейские почтительно воззрились на вошедших, кто-то шагнул вперед с фашистским приветствием. В этот момент Дурнев и Скрементов, заслонив собой пирамиду, открыли огонь по сгрудившимся полицаям. Один из предателей метнулся к пулемету, установленному на треноге у окна, но Жорж Скрементов был пачеку и уложил полицая метким выстрелом.

К полицейской управе подлетели остальные подводы.

Кроме семнадцати полицейских, уничтоженных непосредственно в управе, партизаны обнаружили и ликвидировали еще четверых, успевших спрятаться. Расправившись с предателями, они забрали станковый пулемет, тридцать винтовок, три автомата, пять револьверов и два пистолета. Нашли в полицейской управе много муки, окороков, свежего мяса, а также зимней одежды и обуви. Погрузили на подводы все это добро, награбленное гитлеровцами у населения, и отправились в обратный путь.

А минут через пятнадцать был поднят по тревоге гарнизон. Солдаты и офицеры металась по поселку, стреляя во все стороны, но партизан и след простыл.

16

Как-то в отряд сельцовских партизан, которым командовал Демочкин, под чужой фамилией прощикла некто Бежакова — дочь расстрелянного народными мстителями помощника домашовского старосты. Смазливая девица, но лишенная лукавства, пыталась вскружить голову одному из командиров в отряде, чтобы завербовать его на службу гитлеровской тайной полиции. Разоблаченная, она призналась, что действовала по заданию старосты Кузнецова, теперь уже ставшего крупной шишкой в фашистской полиции. Призналась также, что по его заданию работают ее мать и брат, бежавшие из Домашова в Сельцо.

Прошло немного времени, вернулись две наши разведчицы, ходившие в поселок Сельцо, и рассказали, что они встретили пьяного сына Бежакова и тот, хвастаясь, разболтал, как они с матерью ездят по окрестным селениям,

хитро выпрашивают про партизанские семьи и составляют на них списки. Кузнецов и какой-то гестаовец научили их, как нужно хитрить, чтобы выведать сведения про партизан и не вызвать к себе подозрения. Подзадориваемый разведчицами, подгулявший предатель рассказал, как здорово его мать прикидывается, пускает слезу; многие женщины начинают ее жалеть, успокаивать и выбалтывают все, что ей требуется. Хвалился, что домашовские, дорожовские, першинские и другие партизаны и их семьи уже взяты на заметку и что за эти списки, которые мать хранит у себя, гестапо им хорошо заплатит.

Нетрудно представить, как обеспокоились за свои семьи местные партизаны. Нужно было срочно обезвредить Бежакову и ее отпрыска, укрывшихся в немецком гарнизоне. Обо всем этом доложили Виноградову и предложили направить в Сельцо двух партизан с заданием уничтожить предателей. Однако Александр Иванович отверг такой план, так как он исключал выполнение главной задачи — изъятие списков партизанских семей. Надо было Бежакову с сыном похитить из немецкого гарнизона, причем сделать это так, чтобы при них обязательно были списки.

Стали прикидывать разные варианты. И вдруг Виноградов предложил: а почему бы не «клонуть» на домогательства смазливой Бежаковой-дочери? Допустим, ей удалось вскружить голову партизану, послали сватов, а там — устроили и свадьбу, на которую не только Бежачиха с сыном, но и сам Кузнецов может пожаловать. И окажется тогда в наших руках весь змеинный клубок.

Партизаны ухватились за эту мысль. Николай Ерохин и Петр Цуканов, бойцы Домашовского отряда, взялись разыграть спектакль сватовства (была уверенность, что о разоблачении дочери Бежакова еще не знает).

Риск, конечно, немалый. Если предательница разгадает замысел, то не только не выпустит живыми партизанских «сватов», но добьется, что с них сдерут кожу, замучают пытками. Несдобровать тогда и жителям деревни Домашово. Однако взять Бежакову нужно было любой ценой, так как она и ее сын не только составили списки, но, видимо, знали многие партизанские дороги и тропы.

— Вот чертово семейство! — зло ворчал пожилой партизан Петр Цуканов, вызвавшийся играть роль «хожалого свата». — Ведь жили же как все, работали в колхозе, правда, держались как-то замкнуто, отчужденно, особенно

сама Бежачиха, которая, к тому же, удивляла односельчан необузданной жадностью к вещам, деньгам. Ради наживы заставила мужа служить фашистам, затем сама включилась в работу на оккупантов и втянула в это грязное дело дочь и сына. И все это ради обогащения, ради захвата и присвоения чужого добра.

Поехали партизаны без оружия, но на самый роковой случай под левую руку привязали по лимонке. Поехали открыто, днем, полагаясь только на свою смекалку и твердость духа. Поехали потому, что этого требовала нависшая над всеми отрядами страшная угроза.

Ввалившихся «гостей» Бежачиха встретила настороженно, но в полицию и комендатуру не сообщила — уж больно миролюбивый вид был у наших посланцев. А им только того и требовалось, и они тут же приступили к «сватовству». Предательница, видимо, не допускала даже мысли, что партизаны могут решиться на такой рискованный шаг, но все-таки решила их проверить как следует. Она пыталась уличить пришельцев, запутать хитрыми вопросами, заставить печально проговориться. То она прикидывалась растроганной до слез, верящей каждому слову «сватов», то круто меняла свое поведение и заявляла, что все про них знает и если они станут выкручиваться, то их ждет мучительная смерть в гестапо. Но и партизаны шли, что называется, ва-банк. Игру вели обе стороны упорно, пытались перехитрить друг друга, и так продолжалось не менее часа. Бежачиха сдавала свои позиции неохотно, наконец потребовала, чтобы сначала приехала к ней сама дочь. А «сватам» это было, конечно, ни к чему. И Ерохин пустил в ход последний козырь. Заговорщицки отозвал хозяйку к окну и прошептал:

— Дочь просила передать, что жених ей еще не совсем доверяет, но все уладится после того, как мать встретится с ним.

Что-то еще шептал ей Ерохин, из чего выходило, что дочь очень рассчитывает на какую-то помощь матери. То ли загадочный смысл слов, что ли отлично разыгранный заговорщицкий вид Ерохина смягчил Бежачиху, разогнал туман подозрительности. Она даже нетерпеливо одернула чурбана-сына, который надоедливо бубнил ей что-то.

В общем, собралась баба в дорогу, захватив дары своему возлюбленному чаду и новоявленному зятю. На собственном (вернее, на присвоенном колхозном) рысаке примчалась Бежачиха вместе с сыном в деревню Дома-

ново, из которой сбежала ранее, после расстрела мужа партизанами.

Встретили ее там хлебом-солью, но она опять насторожилась — почему дочь не приехала в Домашово, а вызывает мать в село Липово, которое расположено совсем рядом с партизанским лагерем? Хоть Бежакова и ее сын и были теперь в руках партизан, но было решено доставить ее партизанскому начальству. Пришлось разыгрывать новый маскарад.

«Сватовской кортеж» торжественно направился в Липово. Набожной эта мегера была до фанатизма. Словами «бог», «Иисус Христос», «матерь божия», «дева Мария» выстреливала как из пулемета, при этом блаженно закатывала глаза. Позже партизаны-домашовцы вспоминали о слухах, ходивших по селу, будто она была из каких-то староверов и что кое-кто иногда обзывал ее кержачкой. Во всяком случае, списки местных партизан и их семей, подлежащих уничтожению немецкими карателями, она хранила под крестом и ладанкой с какой-то трухой. Набожная ханжа, Бежакова не сомневалась, что бог поможет накарать семьи партизан, занесенные ею в списки, а их имущество станет ее достоянием, за что она не пожалеет поставить всевышнему дорожку свечку.

Приехали в деревню Липово. «Невеста» встречать маменьку, естественно, не вышла. Бежачиха начала нервничать, может быть, стала догадываться, что попала в ловушку, но виду не показывала, храбрилась через силу. «Жених» тоже нервничал — во-первых, якобы потому, что не приехала почему-то из лагеря «невеста», во-вторых, это уже всерьез, что не приехал в Липово, как было условлено, Александр Иванович. Привозить в штабной лагерь посторонних запрещено. Оставив под надежной охраной в деревне заметно скисшую мамашу, перед которой «сваты» продолжали ломать комедию, командир отряда и виднотрук отправились в штаб и доложили Виноградову о захвате Бежаковой и ее сына. Присутствовавший при этом Рыжков заявил, что привозить эту дрянь в штаб не обязательно и ехать Александру Ивановичу в Липово и доставлять ее тоже нет никакого смысла. Виноградов согласился с мнением комиссара.

Вернувшись в Липово, партизаны объявили Бежаковой, что спектакль со сватовством окончен и потребовали у нее списки местных партизан и их семей. Предательница вначале тупо озиралась вокруг, лицо ее постепенно

багровело, затем стала метаться, как затравленная волчица, и заявила, что никаких списков у нее не было и нет. Но тут партизан выручил непутевый ее сынок. Решив, что дело тут в одних только проклятых списках, он стал уговаривать мать отдать их партизанам.

— На хрена тебе, мам, эти списки, что ты держишься за них, как черт за грешную душу? — бормотал он заплетающимся языком.

Бежачиха быстро сменила тактику и заявила, что списки остались в Сельце и она там их охотно передаст партизанам. Но когда одна из разведчиц подошла к ней и попыталась обыскать, та вцепилась девушке в горло и едва не задушила ее. Списки, конечно, были при ней, и их изъяли. Но и тут Бежакова попыталась выкрутиться. Лишь когда узнала, что ее дочь разоблачена и все рассказала, она разразилась страшными проклятиями в адрес дочери, а заодно и сына, спяну разболтавшего про списки...

17

Удары по врагу нарастали с каждым днем. Различные по своим масштабам и последствиям, они не давали покоя оккупантам, отвлекали их силы, и немалые, на безуспешное латание тыловых прорех, поднимали дух как самих партизан, так и жителей сел и деревень.

Вот несколько эпизодов.

В одну из февральских ночей партизаны из отряда Шпадарева проникли на окраину поселка Сельцо, бесшумно сняли часовых и оказались на лесопильном заводе. Разошлись по главным объектам и по общему сигналу ударили по ним бутылками с самовоспламеняющейся жидкостью. Всплеснулось море огня, запылали штабеля древесины, склады и постройки... Так же бесшумно и незаметно бойцы скрылись. Немцы и полицаи подняли тревогу, беспомощно металась около бушующего огня да беспорядочно стреляли во все стороны...

Через несколько дней группа партизан этого же отряда, тоже ночью, пробралась в гарнизон села Голяжье и приблизилась к дому, в котором, как им было известно, ночевал крупный чин гестапо. Позвали старушку из соседней избы. Та постучала в указанную партизанами дверь и попросила у хозяйки дома щепотку соли. Хозяйка открыла дверь и онемела, увидев направленные на нее стволы автоматов. Шпадарев и несколько партизан быстро вошли во-

внутрь. В горнице на широкой кровати безмятежно спал гестаповец. Они тихо забрали оружие и, разбудив ошарашенного столь непредвиденным обстоятельством гитлеровца, наскоро допросили его, а потом, связав и заткнув рот тряпцом, погрузили в сани. В лагере допрос был продолжен более обстоятельно.

Примерно в это же время группа подрывников из отряда Денисова (Макаренков, Троян, Оленичев, Якушев и Мосев) выехала на подводах в соседний поселок с задачей взорвать железнодорожный мост через реку Серижку. Мост не охранялся, и партизаны без особых приключений достигли места, сгрузили ящики с толом и приступили к делу. Макаренков полез между шпалами под балки моста, установил на быках взрывчатку и после того, как все удалилось на безопасное расстояние, поджег бикфордов шнур. Но взрыва не последовало. Что делать? Вернулся Макаренков, заглянул под мост — шнур оказался оборванным. А другого у партизан не было... Рискуя жизнью, поджег он короткий обрывок и пулей метнулся в ближайший кювет. Грянул взрыв, оглушило и слегка обожгло Макаренкова, но мост благополучно рухнул. Скоро показался немецкий бронепоезд и открыл огонь, но партизаны уже были далеко от места взрыва.

Тогда же, в феврале, партизанская разведка доложила командованию Бежидского объединенного отряда, что в поселке Дарковичи остановилась колонна немецких танков, которая, видимо, собирается идти по Любохонскому большаку к фронту. Виноградов приказал командиру подрывников Корявченкову срочно заминировать большак. Группа прибыла на место под вечер. Как только на дороге приостановилось движение, партизаны принялись за минирование — вырезали гнезда и в шахматном порядке установили четыре мины. С маскировкой, правда, получилось плохо, но выручил пошедший к утру мокрый снежок, который надежно прикрыл дорогу и установленные на ней мины. Потом пошли танки, и раздались взрывы. Танкисты бросили две подорванные машины, колонна остановилась и повернула обратно. Движение по большаку было приостановлено.

Позже партизаны, бывшие танкисты Могилевцев и Терешин, отремонтировали один вражеский танк, и он некоторое время исправно служил отряду. А когда кончилось горючее и боеприпасы, партизаны использовали танк как приманку. Они пригнали его на опушку леса, поближе

к большаку, и заминировали. Шли дни, недели, а немцы машину не трогали. Все посчитали затею неудавшейся. Но спустя три месяца на танк все-таки наткнулась группа эсэсовцев из карательной экспедиции. Произошло сразу несколько взрывов, которые в клочья разнесли гитлеровцев.

Партизанские отряды стали проникать в деревни и села, расположенные все дальше и дальше от лагеря. Северовосточнее железной дороги Жуковка — Брянск не осталось ни одного населенного пункта, не освобожденного ими. Но к юго-западу от нее пока еще вольготно жилось полицаям и прочим предателям Родины.

В середине февраля Домашовский отряд выехал в многодневный рейд по селениям, расположенным за рекой Десной (Городец, Бетово, Речица, Овстуг, Дятьковичи и другие). В Городце полицейские, увидев партизан, разбежались кто куда. В деревне Бетово, когда в нее ворвались народные мстители, прислужники оккупантов беспробудно пьянствовали. Чувствовали они себя вне опасности и даже не организовали охрану полицейского участка. Всех их партизаны взяли без боя. Собрались жители, и начался суд. Старики и женщины смело обличали предателей. А натворить подлостей те успели предостаточно. Правда, один из полицейских, еще совсем молодой, никому зла пока не сделал, и партизаны отпустили его, взяв клятву порвать с оккупантами. Ну а остальных пришлось, как говорили партизаны в ту пору, ликвидировать.

Примерно такая же картина повторилась и в Речице. А потом были Овстуг с расположенным в нем гарнизоном, Дятьковичи, другие населенные пункты. И всюду домашовцам сопутствовала боевая удача.

Хорошо проявил себя в этот период и отряд Сергея Тимофеевича Денисова. В ходе одного из очередных рейдов он захватил два полковых миномета, в результате чего родилась кочующая партизанская «батарея». Группа бойцов почти каждый день выезжала с трофейными минометами на обстрел фашистских гарнизонов и других крупных объектов. На станции Сельцо, например, они разбили четыре железнодорожных вагона противника с боеприпасами. Неплохо поработали и при нападении на аэродром в Бордовичах. Одна мина попала прямо в штаб авиачасти, а еще несколько — в самолеты. Гитлеровцы вынуждены были бросить этот аэродром и больше не пытались его использовать.

Штабу Бежицкого объединенного партизанского отряда удалось установить надежную связь не только с частями Советской Армии, но и с оперативной группой 4-го отдела НКВД Орловской области, размещавшейся в то время в городе Козельске, затем в Мещевске Калужской области. В отряд прибыл радист Костя Савенков с рацией. Для зарядки ее аккумуляторов приспособили трофейный велосипед: с его помощью вращали маленький генератор.

Начальник отдела УНКВД Черкасов и комиссар Лукашов поставили перед отрядом задачу организовать глубокую разведку Клетнянских лесов, установить связь с действующими там партизанскими отрядами и передать им директивные указания отдела. Были созданы две отдельные группы из комсомольцев-спортсменов, хорошо умевших ходить на лыжах, которые и ушли в указанные леса.

Первая группа под командованием Льва Ларина вместе с радистом Аркадием Винницким, имевшим рацию, ушла в специальный рейд под Рославль. Выполнив задание, она возвратилась в клетнянский отряд «За Родину». Вторая группа под командованием Михаила Рогожева посетила Клетнянские леса через несколько месяцев после первой. Так была установлена надежная связь с партизанским отрядом «За Родину» (командир Панасенко).

Группы Ларина и Рогожева долгое время поддерживали надежную связь с клетнянскими партизанами, а затем были оставлены в отряде «За Родину» (позже этот отряд стал 4-й Клетнянской бригадой). Ларин возглавил роту автоматчиков, а Рогожев — взвод разведки.

Как-то зимой партизаны Домашовского отряда возвращались из дальнего рейда. Остановились в поселке Бетово обогреться и передохнуть. Командир и политрук зашли в один из домов и увидели такую картину. Один из деревенских подростков принес найденную где-то ручную гранату и, решив завоевать авторитет своих дружков и двух девушек, стал им демонстрировать порядок ее разборки и сборки. Он разобрал, затем собрал гранату и вставил капсюль-детонатор. Увлечшись рассказом, парень забыл вынуть капсюль-детонатор и решил показать, теоретически, конечно, как следует осуществлять бросок. В этот момент и вошли в избу командир и политрук. Парень стоял с поднятой в руке гранатой. Командир вырвал у него гранату и выкинул ее за окно. Раздался взрыв, дом трянуло, рама вывалилась вовнутрь. Парень от страха закрыл лицо руками. Дед, хозяин дома, посмотрел на высаженное окно, по-

качал головой, потом подошел к виновнику происшествия, положил руку ему на плечо:

— Ну ничего, голубок, успокойся. Все живы, и хорошо, а хатенка и так собиралась развалиться.

В деревне поднялся переполох. Первыми прибежали ребятишки, и в окнах показались их курносые лица, полные страха и любопытства. Девочка лет шести и двое карапузов еще меньше примчались совсем босые.

Увидал дед удивленные лица партизан и говорит:

— Это соседкины огольцы, у них на всю семью одни валенки, а остальные забрали гитлеровцы. Намедни добыл я лыка, сплету им лапотки. Мы при царе Николашке все ходили в лаптях, лет до десяти на троих одни портки были. Это вы, молодежь, и понятия о лаптях не имеете, да и мы, старики, совсем было отвыкли, но теперь, при фашистах, придется и в лаптях походить, голоду и холоду хлебнуть, а может, и кости свои сложить.

— А вот некоторые идут служить захватчикам,— заметил политрук.— Видно, им очень хочется вернуть царские порядки.

— Как вам сказать, добрые люди? — ответил хозяин.— В семье не без урода. А это, милые мои, не малюсенькая семья, а громаднейшее государство. Это тоже понимать надо. Кто по дури пошел, кто пограбить, а кое-кто и по озлоблению. Эти вот, которые по озлоблению, самые страшные и лютуют сильнее самих фашистов. Ведь настоящие мужики — где они сейчас? В окопах бьются, не жалея сил, здоровья и жизни своей. Будь они дома, разве дали бы пикнуть всей этой шантрапе?

— Правильно, Парамоныч,— одобрила его слова стоявшая рядом женщина.

В дом старика, привлеченные взрывом, собрались жители. Некоторые молча слушали хозяина да покачивали головами, а другие и сами старались вставить слово-другое. Политрук, воспользовавшись случаем, рассказал им об обстановке на фронтах, особенно под Москвой, о действиях партизанских формирований на других участках оккупированных фашистами территорий.

Бежицкий объединенный отряд к февралю 1942 года представлял собой формирование, объединявшее 14 самостоятельных партизанских отрядов, расположенных в трех лесных массивах. Его общая численность достигала

500 партизан, а с группами самообороны — более 900. В Соколовском лесу, у Круглого озера, дислоцировались штаб объединенного отряда, отряды Гудакова, Дурнева, Шнадарева, Горбачева, Денисова, Кузнецова и Брука, в Улемльском лесу — отряды Пуклина, Бердта и Коршунова, в Першинском лесу, у Святого озера, — отряды Журавлева, Морозова, Демочкина (бойцы Демочкина формально не входили в состав Бежицкого отряда, но действовали с ним совместно) и Домашовский отряд.

Партизаны нащупали удобный лесной коридор, по которому, осуществляя связь с частями Советской Армии, успешно переходили через линию фронта. Однажды по этому коридору в лагерь прибыли представители дивизии, занимавшей оборону южнее города Кирова. В результате переговоров было принято решение отправить из партизанских отрядов и групп самообороны всех окруженцев для пополнения обороняющегося советского соединения.

С болью в сердце расставались бежичане с товарищами и оружием. Но приказ есть приказ... Пожелали друг другу боевых успехов в общей борьбе с гитлеровскими захватчиками, скорой встречи на освобожденной земле.

В начале марта на партизан обрушился очередной удар: противник напал на Улемльский лагерь, бросив против базировавшихся там отрядов Коршунова, Бердта и Пуклина усиленный батальон карателей.

Основную тяжесть боя приняли на себя отряды Бердта и Коршунова. Целый день продолжалась схватка. Несмотря на большие потери, гитлеровцы не унимались. Ощутимые утраты несли и партизаны.

...Из расчета станкового пулемета остался один тяжело раненый Соболев. Пулемет замолчал. Каратели поднялись в новую атаку, но отважный партизан собрал последние силы и дал по врагу длинную очередь. Критические ситуации сложились и на других участках. Силы были слишком неравны, и немцам удалось выбить из лагеря отряды Бердта и Коршунова. Партизаны отошли в лес, продолжая отстреливаться.

В течение всего этого времени страшная угроза висела над ранеными. С началом боя внутри лагеря медсестра Аня Копченкова сразу же поняла, что немцы обязательно ворвутся в ее медицинскую землянку и перебьют всех

раненых. Что делать? Тех, кто мог передвигаться, она отправила подалее в лес. Но несколько тяжелораненых ходить не могли. Как перетащила их всех туда же, в глубь леса, позже и сама помнила смутно. Сколько пролила слез, сколько раз ее покидали, казалось, последние силенки, по перетащила! Присела отдохнуть и вдруг вспомнила, что лекарства и бинты остались в землянке. Даже разрыдалась от такой незадачи! Еще бы, лекарства и бинты ценились наравне с боеприпасами и достать их было практически нелегко... Что она, медсестра, оставшаяся одна и за главных, и за старших, и за рядовых медиков, будет теперь делать без лекарств и перевязочных материалов?..

Поднялась Копченкова и бросилась к оставленной землянке. Никто не успел ее схватить за руку, а криков: «Стой! Нельзя туда! Вернись! Там немцы!» — она не слышала. Прибежала в землянку, втиснула в вещевой мешок все свое медицинское имущество, выскочила наружу, а кругом — каратели! Подкосились у девушки ноги, беспомощно присела на снег. От партизан она оказалась отрезанной немецкой наступающей цепью, что называется, наглухо. К землянке вот-вот подойдут враги, и тогда — конец. Вспомнила Аня, что рядом расположены большие штабеля заготовленных еще в мирное время дров, и крадучись стала пробираться туда. Залегла за одним из штабелей и заметила, что он наклонен и как бы висит над ней. Недолго думая, качнула стену и обрушила на себя дрова. Резкая боль обожгла голову, спину, и Аня потеряла сознание. Потом недалеко раздался мощный взрыв — каратели взорвали покинутую рапечными землянку. Этот взрыв и привел Аню в чувство. Она услышала рядом шаги, немецкую речь. Каратели бродили между штабелями, о чем-то переговаривались.

Время тянулось так медленно, так мучительно медленно, что хотелось кричать. А тут еще мороз пробирал до костей. А немцы все снуют и снуют среди дров. И это длилось около трех часов! Наконец к вечеру вроде поутихло. Но тут же к обрушенному штабелю подошло несколько человек. Копченкова услышала русскую речь и чуть не вскрикнула от радости, но вовремя сдержалась. Кто-то говорил переводчику, что дрова нужно облить бензином и сжечь, иначе партизаны вернутся и быстро соорудят из них землянки. Переводчик что-то произнес по-немецки, видимо, обращаясь к офицеру, а получив ответ, зло зашипел:

— Пошел к черту, свинья! Бензин тратить нельзя. К тому же — партизаны все уничтожены. Помешало бы тай и не суйся со своими дурацкими предложениями.

Проскрипели по снегу удаляющиеся шаги, и все стихло. Прошло не менее часа. Аня совершенно замерзла. Она проговорила раздвинуть чурбаны, но те лежали, словно цементном спаянные. «Неужели так и погибну здесь?» — обреченно подумала Аня и громко застонала.

— Эй, кто тут? — вдруг услышала она приглушенный вопрос.

— Я это, я, Аня! — закричала девушка, забыв об осторожности.

— Да где ты?

Донеслись до медсестры и другие голоса. Застучали сбрасываемые дрова. Извлекли партизаны Аню Копченкову, еле живую от страха, холода и ушибов, крепко державшую в руках вещевой мешок с драгоценным содержимым.

— Ну, теперь сто лет жить будешь, — шутили они.

А девушке было не до шуток. Доставили ее на плащпалатке в отряд Пуклина. Такая же, как она, медсестра осмотрела ее и ахнула:

— Умрет она, умрет, на ней нет ни одного живого места! Притом она вся помороженная... Надо срочно везти к Батюнину.

Уложили Аню в сани, укутали потеплее, и повез ее один из партизан в лагерь к Круглому озеру. Обмороженные руки и ноги стали согреваться, и заметалась девушка от нестерпимой боли. Вдруг страшное предположение сдавило ее сознание и защемило душу. Ампутировать ей Иван Тихонович обе руки и обе ноги, обязательно отрежет... Что же останется от нее...

— Стой, стой, остановись! — крикнула она ездovому и, когда тот выполнил ее неожиданную просьбу, озабоченно заявила: — Вдруг немцы встретятся, а наган мой где-то в вещичках. Ну-ка, рызници и дай мне в руки.

Достал партизан наган и начал пристраивать его к ее непослушным пальцам. Пристроил — и опало глаза округлило: девушка потянула оружие к своему виску... Вырвал он наган, а она, ослабев окончательно, тут же забылась...

Нет, даже ни одного пальца не ампутировал у Ани врач Батюнин. И уже через три месяца она снова пошла с отрядами Горбачева и Денисова в Клетнянские леса.

Ворвавшись в лагерь и разрушив землянки, каратели не сумели окружить и уничтожить самих партизан. Все попытки вражеских солдат зайти им в тыл заканчивались провалом, так как те не ввязывались в затяжные бои и ускользали.

Отходя, партизаны метко били из винтовок и пулеметов по наседавшему врагу. Продержавшись до вечера, они ушли к Круглому озеру. Тяжелораненых, в том числе пулеметчика Григория Ивановича Соболева, позже удалось отправить на Большую землю в госпиталь.

Бежицким партизанским отрядам стало известно, что в Хотылевском техникуме оккупанты снова устроили свою продовольственную перевалочную базу. Со всей округи свозили они туда хлеб и мясо, а затем отправляли в Германию. Теперь уже техникуму охранялся большими силами и повторить шпадаревскую операцию партизаны не рисковали. Однако что-то нужно было предпринимать, так как гитлеровцы накопили большие запасы продовольствия и готовились к их отправке. Было принято решение нанести удар силами всех бежицких отрядов, любой ценой разгромить базу, часть продуктов, сколько возможно, забрать, остальное предать огню.

Эта операция готовилась с большой тщательностью, но, видимо, партизанские разведчики сплеховали. То ли командование гарнизона само догадалось о готовящемся нападении, то ли кто-то из местных жителей, прознав о нем, проболтался, но все получилось не так, как намечалось.

Общее руководство в этой вылазке осуществлял начальник штаба объединенных отрядов Иосиф Дмитриевич Марков. Глубокой ночью партизаны скрытно вошли в село Хотылево и заняли исходные позиции для решающего броска. Группа разведчиков под командованием Ланцова проникла на территорию техникума и ничего подозрительного со стороны противника не обнаружила. Но как только основные силы партизан бросились к техникуму, по ним сразу с трех сторон ударили вражеские пулеметы. Огонь противника оказался таким мощным и неожиданным, что сразу все смешалось. Командир одной из групп Михаил Петрович Коршунов крикнул:

— Ребята, бейте гранатами по пулемету справа!

Его собственный бросок оказался удачный, и пулемет умолк.

— Вправо пробивайтесь! Вправо! — продолжал командовать Коршунов, но тут же упал, раненный в обе ноги. Припадая на локтях, повторил: — Прорывайтесь вправо! Я буду прикрывать! — Он залег за ручной пулемет и ударил короткими очередями.

Бросить командира в бою?.. Нет, такого у партизан еще не бывало. Бойцы положили его на плащ-палатку и поехали, отбиваясь от наседавших фашистов. В более или менее безопасном месте перетянули ему жгутами простреленные ноги и стали пробиваться в лагерь...

Михаил Петрович Коршунов одним из первых вступил в истребительный батальон, был командиром первой роты, затем начальником штаба батальона, а в декабре 1941 года возглавил один из партизанских отрядов. Бой в Хотылеве был для него последним. После операции, сделанной врачом Ватюшиным, его удалось отправить на Большую землю. Там командира основательно подлечили, но воевать больше он уже не мог.

Партизаны отходили из Хотылева с тяжелыми боями. Погиб смертью героя политрук Бордовичского отряда Василий Фролович Родичев, принявший с группой бойцов весь удар карателей с левого фланга. Ценой собственной жизни он предотвратил прорыв врага в тыл основных партизанских сил.

Погиб секретарь парторганизации Домашовского отряда Василий Николаевич Ерохин, прикрывший отход товарищей. Удивительный это был человек. Никогда он не стремился выдвинуться в начальники, но его часто выдвигали, даже если он этого и не хотел. До войны работал бригадиром в домашовском колхозе, часто избирался секретарем партийной организации. Попад в окружение и вернувшись в оккупированную врагом родную деревню Домашово, он жил на полулегальном положении. Односельчане невольно тянулись к нему, доверчиво внимали каждому его слову. Затем Василий Николаевич принял активное участие в организации Домашовского партизанского отряда. А началось все с нелегального партийного собрания, на которое пригласили и сельских комсомольцев. Необычное это было собрание — без президиума, без доклада и дебатов. Просто прикидывали, кого брать в отряд, к кому надо еще присмотреться, а кого хорошенько проверить, дав специальное задание. Потом слышался вопрос:

— А кто у нас будет парторгом?

Наступило неловкое молчание. Все растерянно переглянулись.

— Как — кто? — проговорил кто-то из коммунистов. — Нашим партийным вожаком был Василий Николаевич Ерохин, он и есть парторг, наш главный партийный руководитель.

Много и с душой трудился Ерохин по созданию и укреплению партизанского отряда. Всегда он был там, где трудно, где требовались его слово, совет, личный пример. И погиб в том бою, прикрывая товарищей...

В критическом и почти безвыходном положении оказались разведчики. Гитлеровцы все основательно продумали, хитро и коварно расставили свои сети. Они тут же окружили разведгруппу, но не учли того, что партизанской разведкой командовал бывший директор этого техникума Иван Дмитриевич Ланцов.

Родился и провел молодые годы Ланцов в селе Першино. Успешно окончил Хотылевский сельскохозяйственный техникум, работал в этом же районе агрономом, а последние годы был и директором своего родного техникума. Никто лучше него не знал все уголки, задворки и проходы на территории этого учебного заведения. После первых схваток с вражеской охраной, поняв, что группа отрезана, что основные партизанские силы отходят и к ним уже не пробиться, Иван Дмитриевич увел разведчиков через дворовые постройки. В глухом закутке двора, за одним из дальних сараев, группа перелезла через забор и ушла. Почти целый день гитлеровцы искали исчезнувших партизан, с помощью собак попытались организовать преследование, но их и след простыл. Преодолев оврагами и кустарниками километров двадцать, разведчики пересекли железную дорогу Брянск — Жуковка и возвратились в лагерь, не потеряв ни одного человека.

С большим трудом бежицкие партизанские отряды оторвались от противника и ушли в леса, а туда фашистские воины лезть боялись.

19

В середине марта 1942 года развернулась упорная борьба бежицких партизанских отрядов за населенные пункты близ Бежицы. Немецко-фашистские захватчики укрепили оборону и сосредоточили крупные воинские и полицейские силы не только в самом городе, но и в Чайко-

вах, в Сельце. На границе партизанской зоны — на «ничейной» территории — находилось несколько деревень и мелких поселков. В них не было оккупационных войск, но не было и партизан. Периодически же посещали их то те, то другие. К таким населенным пунктам относилась, в частности, деревня Буда. Гитлеровцы подозревали ее жителей в тесной связи с партизанами. Однажды, взбешенные таинственными исчезновениями своих агентов, находившихся в этой деревне, и участвовавшей в потере связи, оккупанты решили провести карательно-устрашающую операцию.

По невидимым каналам, от связного к связному, пришло к партизанам сообщение: завтра немцы приедут в Буду, чтобы сжечь деревню и достойно наказать строптивых жителей. Шпадарев и Борисенко, получившие эту информацию, направились к Виноградову с предложением дать карателям встречный бой. Александр Иванович согласился и порекомендовал привлечь к участию в операции отряд Гудакова.

— У него есть станковый пулемет, — сказал он, — много трофейных ручных пулеметов и около десятка отечественных автоматических винтовок, так что огня у вас будет достаточно.

Тут же вызвали Гудакова с политруком Гавриличевым, и началось детальное планирование боя.

На рассвете назначенного дня отряды Шпадарева и Гудакова выехали в Буду, блокировали все входы и выходы из нее, затем скрытно выдвинулись в сторону деревни Дубровки и устроили засаду на берегу занесенной снегом речушки.

А около девяти утра из Дубровки двинулся на подводах отряд карателей. Когда до засады осталось метров восемьсот, отряд вдруг остановился, что совсем не входило в расчеты и планы партизан. Но вот от общей колонны отделились девять подвод и стали приближаться к месту засады. Гудаков хорошо видел в бинокль, как на первых снях офицер, стоя во весь рост, осматривал, тоже в бинокль, все вокруг. Не доехав метров сто пятьдесят до партизан, подводы остановились. Офицер и солдаты слезли с саней и пешком, проявляя осторожность, направились вперед.

«Вот паразиты, — мысленно выругался Михаил Гудаков. — Все карты спугали. Что теперь делать? Шпадарев далеко — не посоветуешься...»

— Не стрелять,— передал он по цепи затаившихся бойцов,— пропустить эту группу. Будем бить по основным силам.

Перед самым мостиком через речушку офицер с группой карателей остановились, а фельдфебель с двумя солдатами прошли еще немного вперед, но вдруг, заподозрив, видимо, неладное, подняли крик и побежали обратно.

— Огонь! — скомацдовал Гудаков и первым открыл стрельбу по удиравшим гитлеровцам. Больше ничего не оставалось делать...

Ударили по карателям и партизаны отряда Шпадарева, отрезая им путь отхода.

«Где же офицер? — спохватился Гудаков и тут же увидел, как тот убежал, ловко петляя и прячась за подводами. — Ну нет, не уйдешь!»

Михаил тщательно прицелился и выпустил по карателю всю обойму из автоматической винтовки. Офицер переломился и упал в снег.

Головная группа фашистского отряда была уничтожена, а остальные, не мешкая, развернулись и удрали в сторону Дубровки.

Взяли партизаны трофейное оружие, имущество, документы убитого офицера. Возвратившаяся из Дубровки разведка доложила, что карательный отряд уехал в Бежицу. Ну что ж, как бы там ни было, а экспедиция против жителей Буды была сорвана.

Оккупантов распирала злоба. Они подкатали артиллерию и открыли огонь по урочищам. Тяжелые снаряды рушили деревья, все кругом гудело и стонало. Казалось, вот-вот снаряды станут долетать до партизанского лагеря, но этого не произошло — фашисты били бесприцельно, руководствуясь больше эмоциями.

Скоро этот нелепый артобстрел закончился.

— Ну и бурелом устроили, варвары... — ворчливо говорил парторг отряда Гудакова Василий Тимофеевич Прокопович, когда партизаны проезжали через покореженный лес. — Нашли на чем срывать свою злобу...

Встретил их тут сам Александр Иванович Виноградов, тоже подивился.

— Довел ты оккупантов до белого каления, Тихон Федорович, — сказал он Шпадареву. — Совсем вояки потеряли рассудок!

Шпадарев усмехнулся:

— Более всего они озлобились вот на него, на Михаила

Гудакова. Это он порубил из пулеметов головную группу карателей.

— Оба хороши — что тот, что другой. — Виноградов повернулся к Прокоповичу: — Как думаешь, партийный секретарь, правильно Шпадарев и Гудаков проводят в жизнь политику нашей партии в данных условиях?

— А что же, разве впустую партия воспитывала нас все предвоенные годы? — ответил Василий Тимофеевич вопросом на вопрос.

Александр Иванович еще раз оглядел следы работы вражеской артиллерии и с печалью в голосе произнес:

— Жаль леса... Такую красоту попортители вандалы двадцатого века. Ну да ничего, вырастет наш лес, поднимется еще выше и станет еще краше. И народ наш поднимется, и заживем мы счастливой мирной жизнью. Но для этого нужно очистить нашу землю от гитлеровской нечисти. И мы будем очищать ее, не щадя ни сил своих, ни самой жизни.

Весной 1942 года гитлеровское командование стало подтягивать свежие формирования в район Брянска, Орла, Сухиничей. По железной дороге Смоленск — Брянск — Орел пошли непрерывным потоком воинские эшелоны.

8 апреля группа подрывников из отряда Горбачева в составе Тагинцева, Шызица, Гурьева и Шершинева ушла на минирование железной дороги на перегоне Сельцо — Бежица. Этот участок охранялся усиленными патрулями, курсирующими от дзота к дзоту, освещался ракетами. В первую ночь приблизиться к рельсам партизанам не удалось. Пересидев в заболоченном кустарнике весь следующий день, поздно вечером группа осторожно поползла к железнодорожному полотну. Неимоверно трудное это было дело. Иной раз долгими часами приходилось лежать, слившись с землей, уткнув в нее лицо, и потом, улучив минутное затемнение, ползти снова. Только ближе к утру удалось поставить и замаскировать мину.

Часов в 10 показался воинский состав с боевой техникой. А через пару минут он рухнул под откос, превратившись в груды искореженного металла, надолго закупорившую железную дорогу.

Минуло еще два дня, и разведчики установили, что на станцию Сельцо прибыло два вражеских эшелона и ожидаются еще. На Большую землю полетела радиogramма.

Отряды Горбачева, Журавлева, Гудакова и Демочкина под общим командованием начальника штаба Маркова скрытно подошли к окраине поселка, установили те самые трофейные полковые минометы и, разделившись на три части, двинулись к станционным путям, охватывая их с флангов.

В час ночи по сигналу партизаны ударили из минометов по станции и эшелонам. Запылали вагоны, начали рваться находившиеся в них снаряды. Фашисты, опомнившись, открыли бешеный огонь по партизанам. В это время прилетели советские бомбардировщики. Увидев пожар, они точно спикировали и всадили в остальные составы по несколько авиабомб.

Примерно в эти же дни партизаны совершили удачные диверсии на железных дорогах Жуковка — Брянск и Брянск — Москва (на перегоне Козелкино — Ботагово).

Основными задачами начального периода боевых действий бежицких партизан при базировании в Карачижско-Крыловском лесу были диверсионная борьба, нападения на обозы и мелкие группы противника, установка мин на дорогах.

После перехода в Соколовский лес, к Круглому озеру, особенно после разгрома гитлеровцев под Москвой и установления связи с Большой землей, задачи эти расширились. Партизаны нападали на небольшие вражеские гарнизоны и полицейские управы, уничтожали их заготовительные отряды, вели разведку глубоких тылов противника, занимались агитационно-массовой работой среди населения. Стремилась к тому, чтобы отряды были некрупными, подвижными, долго не задерживались на одном месте и имели запасные базы. Так, 14 бежицких партизанских отрядов насчитывали по 50—60 человек в каждом и размещались в трех отдельных зонах: в Соколовском, Першинском и Улемльском лесах.

Весной 1942 года снова подняла голову разномастная нечисть на Брянщине. Условия борьбы значительно усложнились. Оккупанты стянули против брянских партизан большие силы. Но, несмотря ни на что, народные мстители все более наращивали удары по захватчикам. В результате кое-где представилась возможность выхода партизан из лесов и села и, по сути, создания советских районов. В северной части области таким районом стал Дятьковский. Сюда после тяжелых боев в районе Стеклойной Радцы

перевелись брянские отряды: городской — имени Кравцова под командованием М. И. Дуки и районный — имени Щорса под командованием М. П. Ромашина, а также отряды Н. С. Орешкина, Г. И. Орлова, В. В. Шапкина и другие.

...В деревню Корчминки 30 апреля из лесного лагеря прибыла группа партизан под командованием В. П. Дурнева. Заняли они круговую оборону и вывесили красный флаг. 1 мая провели торжественное собрание. Местный дивел Михаил Федин пытался щедро угостить бойцов самогонном, но командир конфисковал спиртное для обработки ран. Утром следующего дня с постов доложили, что к поселку приближается около сотни карателей. Шли они не цепью, как обычно, а небольшими колоннами, словно заранее все разведали, знали, где надо развернуться и цепь.

— Уж не Федин ли нас выдал, — высказал подозрение Павел Алексеевич Корявченков. — Больно рьяно добивались, чтобы мы его зелье пили. Кстати, где он?

— А он всей семьей еще ночью уехал, — сказала одна из жительниц.

— Подпустить фашистов шагов на пятьдесят и — огонь! — предупредил Дурнев. — А ты, Зинов, со своим напарником шпарь из миномета, когда драпать начнут.

Так и поступили партизаны. Ударили почти в упор. Пулеметчик Макаров строчил длинными очередями в самую гущу столпившихся и онемевших от неожиданности гитлеровцев. Первые ряды карателей были скошены начисто, а остальные, побросав оружие, решили спастись бегством.

Оккупанты, отрезанные от своего фронта Дятьковским, полностью контролируемым партизанами районом, все передвижение сосредоточили на большаке Брянск — Жиздра. Учитывая это, в один из майских дней политработник Руфин Васильевич Родин с группой бойцов совершили на нем несколько крупных диверсий. Последний, седьмой по счету, бой сложился тяжело. Гитлеровцы превосходящими силами стали окружать партизан. Родин приказал группе отходить, а сам залег с автоматом. Бойцы от противника оторвались, но Руфин Васильевич уйти не смог и героически погиб...

Через несколько дней партизанам стало известно, что захватчики организовали вывозку цемента с Фокинского цементного завода. Командование бежицких отрядов орга-

визовало поход на железную дорогу Брянск — Дятьково. Отряд, возглавляемый Горбачевым, пересек два большака, преодолел реку Болву и достиг цели. Двое суток искали, где безопаснее подобраться к полотну, причем к такому месту, чтобы диверсия вывела бы из строя участок на длительное время. Наконец выбрали такое место и оставили группу минеров с прикрытием. Две другие группы отошли на километр-полтора в сторону и стали отвлекать внимание немецкой охраны. А в это время подрывники Евтеев, Ланцов, Латышев и Духанин спокойно установили мину.

Утром, как обычно, прошла контрольная дрезина, а следом показался эшелон, нагруженный цементом. Под колесами паровоза грянул взрыв. Цемент огромной тучей поднялся в воздух. Дорогу намертво закупорило вагонами.

Весной сложилось тяжелое положение с обеспечением отрядов продовольствием, и в первую очередь хлебом. Нельзя было допустить голода и среди населения, а оно доедало последние крохи.

Было известно партизанам, что оккупанты с помощью своих услужливых лакеев — полицаяев свозили в поселок Чайковичи награбленный у населения хлеб и уже создали там большие запасы. И снова возник вариант использования рабской покорности и животного страха отщепенцев перед гитлеровскими офицерами, особенно перед гестаповцами.

Подъехав поближе к Чайковичам, отряд остановился. Партизаны Кузнецов, Сергеев, Минаев и Ильюшенко, переодетые в форму офицеров гестапо, прошествовали к центру села, подошли к караульному помещению. Встретив двух подвыпивших полицейских, один из партизан, коверкая русский язык, устроил им разнос за скверное песенке службы и приказал следовать в комнату начальника караула. За ними вошли в помещение и сами. Все, кто находился в нем, под дулами автоматов подвляли руки, были обезоружены и заперты в доме, оставленном под надежной охраной. Посты с помощью совсем перетрусившего разводящего зажали партизаны. Условный сигнал — и отряд с подводами оказался у складов. Нагрузив подводы, бойцы поспешно скрылись в лесу.

Назавтра фанисты арестовали всех полицаяев по подозрению в пособничестве партизанам и увезли в Бежицкое гестапо.

Так был добыт хлеб и даже появилась возможность провести посевную кампанию. Правда, проходила она под передвижными бомбежками и пулеметными обстрелами фашистских стервятников, так что ограничивались короткими утренними и вечерними часами.

20

Летом 1942 года гитлеровцы решили окончательно разделиться с партизанами. Сосредоточив карательные войска, они повели решительное наступление. Оставаться в населенных пунктах больше не представлялось возможным, и отряды стали уходить в леса.

6 июня боевые действия шли по всему району. Особенно сильным был бой у деревни Першино. Карателям удалось окружить в лесу отрезанные от бежицких партизан отряды Горбачева, Денисова, Журавлева, Дурнева и Гудаква. Очаговые схватки не прекращались целый день. Силы наших бойцов таяли, и над отрядами нависла угроза полного истребления. Ночью партизаны трижды пытались вырваться из смертельного кольца, но каждый раз их встречали шквальным огнем отборные эсэсовские подразделения. Казалось, теперь уже ничто не спасет обреченные на гибель отряды. Но к утру сюда подошел Брянский городской отряд имени Кравцова под командованием Михаила Ильича Дуки и ударил по карателям с тыла. Атака получилась такой мощной и неожиданной для врага, а встречный штурм окруженных партизан — таким неистовым, что противник, побросав тяжелое вооружение, обратился в бегство.

Однако немецкое командование подтянуло свежие силы с танками и артиллерией и снова стало теснить партизан. Собравшись на короткое совещание, командиры и комиссары поручили Дуке возглавить общее руководство отрядами. Решено было прорываться в сторону Жуковки, а там, соединившись с Жуковским отрядом, уходить в Клетнянские леса.

13 июня на рассвете двинулись лесами и болотами в направлении села Старое Лавшино. Каратели шли по пятам. То и дело завязывались бои с заседавшими эсэсовцами. Подошли к селу, но там вместо предполагаемого Жуковского отряда оказалось свыше тысячи карателей. Обошли Старое Лавшино с юга и всеми отрядами остановились на опушке леса. После почти тридцатикилометрового похода,

да еще с боями, партизаны выбились из сил и тотчас же задремали — кто лежа, а кто и сидя, привалившись к пеньку или стволу дерева. Разведка ушла на поиски Жуковского отряда.

Неожиданно вдали послышалась ружейно-пулеметная стрельба. Партизаны быстро рассредоточились и заняли оборону. Вернулись разведчики и доложили, что батальон эсэсовцев преследует группу жуковцев. Дука снова послал разведчиков с указанием, чтобы преследуемая группа отходила к его отрядам, увлекая за собой противника.

Получилось так, как задумал Михаил Ильич. Эсэсовцы, посчитав, что сопротивление жуковских партизан сломлено, продолжали их преследование и напоролись на засаду крупных партизанских сил. Около ста пулеметов, более трехсот автоматов и множество винтовок хлестнули свинцом по гитлеровцам. Смерч огня бушевал минут десять. Мало кому из карателей удалось унести ноги!

Партизанские отряды под командованием Дуки и Ромашина ушли в Навлинские леса. Из Бежицкого объединенного отряда были выделены и отправлены в Клетнянские леса подразделения Горбачева, Денисова и Демочкина. В течение нескольких суток пытались они пробиться через железную дорогу Жуковка — Бежица, но вдоль нее были сосредоточены крупные силы карателей, которые всякий раз встречали партизан шквалом огня из всех видов оружия. К счастью, партизанская разведка отыскала незанятую немцами узкую полосу на стыке с позициями бежицкого гарнизона. Ночью все отряды просочились по ней через дорогу, форсировали Десну и беспрепятственно достигли цели. Там, в Клетнянских лесах, они встретились с местным партизанским отрядом А. Р. Глебова. Хозяева здешних лесов встретили бежичан радушно, помогли им продуктами и боеприпасами. Все три отряда разместились в деревнях Голубково, Бухлово и в поселке Старая Эстония.

Остальные отряды Бежицы сосредоточились в лагере у Круглого озера и были объединены в один. Командиром остался Александр Иванович Виноградов.

Условия партизанской борьбы в северной зоне Брянских лесов резко изменились. Бойцы вынуждены были покинуть населенные пункты и снова уйти в леса. Каратели ограбили жителей до последнего куска хлеба и до послед-

ней шитки. Они угнали скот и сожгли все прилесные постройки, деревни и села. Люди, спасаясь от врагов, попрятались в лесах, в оборудованных там шалапах и землянках. Срадания населения в этот период были поистине нечеловеческими, голод и страх стали постоянными спутниками каждой семьи.

Оккупанты создали вокруг партизанского леса так называемую мертвую зону, заблокировав его со всех сторон. В небе непрерывно барражировали самолеты. Всякого, кто выходил из леса, постигала вражеская пуля.

Сильно усложнилась связь отряда Виноградова с частями и соединениями Советской Армии, так как гитлеровцы перекрыли все существовавшие для такой связи партизанские коридоры. Пробраться за линию фронта стало весьма трудно. Однако и в этих условиях Антонову, Борисенко, Иванову, Минаеву и другим партизанам с большим риском для собственной жизни по нескольку раз удалось доставить ценнейшие сведения фронтовикам.

Случалось, что подобные трудные походы за линию фронта кончались для смельчаков трагически. Так произошло с группой, которую возглавлял Владимир Маевский. Вся она, в составе семи человек, погибла. А сам Маевский, весь израненный, подвиг над головой ручной пулемет и, давая фашистам знать, будто сдастся, медленно двинулся к ним. Приблизившись почти вплотную, он отпрыгнул в сторону и расстрелял весь диск, а себя подорвал последней гранатой...

Блокада с каждым днем становилась все ощутимее. Кончились запасы хлеба, картофеля, мяса. Партизаны и жители деревень, скрывавшиеся в лесах, оказались в критическом положении. В это время вездесущие разведчики узнали о больших запасах продовольствия в селе Гостилове, находившемся в 40—45 километрах от партизанского лагеря. Еще разведчики доложили, что село находится под контролем крупного воинского гарнизона.

Но голод не тетка, надо было идти на любой риск.

И пошли. Для операции Виноградов выделил усиленный отряд партизан. Приблизившись к Гостилову, устроили засаду. Выжидали несколько дней и ночей, питаясь щавелем, ягодами и другими скромными дарами июля. Разводить костры и курить было строгойше запрещено.

Когда пропала всякая надежда и партизаны уже собирались в обратный путь, разведчики доложили о выходе из села большого обоза. Выждали сколько надо и ударили из всех видов оружия. Охрана была перебита, и бойцы захватили обоз с хлебом, мясом и другими продуктами. Операция прошла так быстро и внезапно, что оккупанты даже не сумели организовать преследование.

Возвратившись с богатыми трофеями, партизаны поделились ими с голодающим населением. В первую очередь продукты получили многодетные семьи и старики.

Подкрался к партизанам и другой, не менее опасный, голод — кончились мины и бутылки с самовоспламеняющейся жидкостью. По сути, они оказались без основных средств борьбы. Но нашлись умельцы, которые вывели отряд из отчаянного положения. Закончившие в начале войны краткосрочные курсы минеров партизаны Евгений Беридт и Михаил Сергеев с группой товарищей наладили изготовление самодельных мин, используя для этого найденные в лесу снаряды и отбитые у врага во время одной из операций взрыватели.

Фашисты были большими любителями и искусными мастерами по устройству различных мертвых полос, мертвых зон, мертвых районов... Такими полосами, например, они окаймляли шоссе и железные дороги, чтобы ограждать их от партизанских набегов. Деревья и кустарники метров на сто по обе стороны вырубали и выжигали начисто. Устанавливали проволочные заграждения с хитрой системой ловушек, сигнальными устройствами, подходы к дорогам начинали противонехотными минами, а на всех поворотах возводили доты и дзоты. Ну и, конечно, непрерывно патрулировали. Все, что появлялось в мертвой полосе, обстреливалось из пулеметов.

В конце июля небольшая группа партизан из Бежидского объединенного отряда, в которую вошли Сазонкин, Протопопов, Саупин, Семин и Степан, получила задание заминировать железную дорогу между станциями Судмир и Ботагово. Продвигались окольными путями двое суток, преодолевая густые заросли кустов и болотистые участки. А когда достигли дороги — ахнули от неожиданности: всюду висят гирлянды пустых консервных банок, земля опутана сетью тонких проволочных нитей. Откуда то доносилась бодрая мелодийка, наигрываемая на губной

гармонике. Через равные промежутки угрожающе торчали доты и блиндажи с пулеметами. Гитлеровцы парами патрулировали по полотну дороги — туда-сюда, от дзота к дзоту...

Дождались партизаны вечера. И тому, что увидели затем, удивились еще больше: вражеский конвой пригнал жителей из ближайшей деревни. Зачем бы это? И тут же поняли. Развели их немцы по постам вдоль полотна и приказали смотреть в оба, а сами патрулирование прекратили.

Вот тут и родился у Михаила Сазонкина план. Как только конвоиры развели постовых и удалились, партизаны рассмотрели двух женщин и поползли к ним. Те ойкнули, увидев неизвестных, но сразу же примолкли: Сазонкин приложил палец к губам и на всякий случай приподнял от травы автомат...

Через несколько минут двое бойцов, напялив на себя потрепанные женские кофтенки и укутав головы платками, вышли на полотно и быстро заработали лопатками. Установив мишу и собрав лишний гравий в противогазную сумку, они уселись на рельсы и стали ждать. Прошло минут двадцать, и послышался шум приближающегося поезда. Когда из-за поворота вынырнул паровоз, все посты стали отходить в сторону от полотна. Сошли и переодетые партизаны. А потом они (а вместе с ними и обе женщины) во весь дух бросились в лес. Позади раздался мощный взрыв...

21

Не добившись цели по разгрому Бежидского объединенного отряда в открытом бою и с помощью блокады, оккупационные власти и их прислужники снова предприняли попытки заслать к партизанам своих агентов. И снова потерпели неудачу. Тогда они направили усилия на использование в своих интересах населения, укрывшегося на опушках и в урочищах леса. Среди жителей стали появляться группы переодетых полицейских и каких-то подозрительных бродяг. Гестапо и полиция намеревались хотя бы таким, наиболее сложным, путем внедрить в партизанские отряды своих агентов для подрывной работы. В отряды агенты не проникли, но черное дело сделали.

26 июля, на исходе дня, на одной из партизанских троп был убит Александр Иванович Виноградов. Партизаны понесли тяжелую и, казалось, невосполнимую утрату.

И это — в такой критической, напряженной период борьбы! Злодейское убийство любимого командира буквально потрясло бойцов. Но беспокойная партизанская жизнь не давала им передышки, требовала собрать волю и громить, громить ненавистных оккупантов. У войны неумолимая логика — или ты бьешь противника, или противник бьет тебя, третьего не дано.

...В последние числа июля Пуклин, Капустин, Дворянчиков и еще несколько партизан совершили дерзкий паут на участок железной дороги, соединяющий Сельцо с Ржаницей. Под откос полетел эшелон, груженный танками, артиллерией и живой силой противника. Так начался боевой счет их священной мести за погибшего командира.

Гремели роковые для врага взрывы на многих участках железных дорог, горело и крушилось многое из того, что спешно направлялось гитлеровцами на их Восточный фронт.

Оккупанты, взбешенные действиями партизан, прибегли к помощи бронепоезда. Он начал курсировать по дороге Брянск — Фокино — Дятьково. Положение сложилось не из приятных... Нашлись, однако, смельчаки — минеры Корявченков и Сергеев, которые вызвались подорвать эту нехотят появившуюся машину. Двигаясь, вражеский бронепоезд неистово поливал огнем вдоль железной дороги и по сторонам из всех своих многочисленных пулеметов, и никто из партизан тогда не верил, что кому-нибудь, в том числе Корявченкову и Сергееву, слышшим лучшими в отряде специалистами минно-подрывного дела, удастся такая операция.

Дней шесть друзья терпеливо ждали, паблюдая за движением бронепоезда.

Наконец, выбрав удобный момент, они с группой помощников проникли через ограждения к железной дороге и установили мину недалеко от станции Стеклаяная Радица. Утром вдоль путей направились патрульные, тщательно осматривая каждый метр полотна. Потом прошла дрезина с пустой платформой, но «хитрая» мина не среагировала. Наконец двинулся бронепоезд; обстреливая все вокруг и подавая грозные гудки, он приблизился к месту, где была заложена мина. Раздался взрыв, паровоз и бронеплощадки пошл под откос... Весь бронированный поезд оказался в таком состоянии, что оккупанты даже не попытались его восстанавливать.

Вскоре после гибели Александра Ивановича отряду был присвоено его имя. Теперь он стал именоваться таежницкий (Орджоникидзеградский) объединенный партизанский отряд имени А. И. Виноградова. В августе его удалось попоанить двумя вновь сформированными ротами. Одной из них командовал Иван Дмитриевич Ланцов (политрук Евгений Иванович Петров), другой — Николай Филиппович Архипов (политрук Иван Иванович Климов).

В этом же месяце по рекомендации штаба партизанского движения Западного фронта и Клетнянских подпольных райкома партии и райисполкома отряды Горбачева, Денисова и Демочкина объединились в один Бежницкий партизанский отряд имени Чапаева. Его командиром был утвержден Андрей Сергеевич Горбачев, комиссаром — Федор Наумович Брук, начальником штаба — Федор Петрович Каменев. Иван Никитович Демочкин стал помощником командира по разведке, а Сергей Тимофеевич Денисов — помощником командира по диверсионной работе.

Бежницкий отряд имени Чапаева дислоцировался в так называемых мамаевских лесах, в районе сел Мамаевка, Молотно и Бабылка. (Позже у Мамаевки был оборудован целый действующий партизанский аэродром.)

Вскоре гитлеровцы в полной мере испытали на себе силу и дерзость чапаевцев. В конце августа отряд совершил обходный марш вокруг деревень Першево и Буршево и, зайдя с тылу мужиковскому вражескому гарнизону, разгромил его.

Через несколько дней группа минеров под командованием Макаренкова начала свой полуторамесячный рейд под Гомель для минирования железной дороги. У станции Фабруш партизаны установили свою контрольную мину, но оккупанты впереди паровоза пустили контрольную платформу с балластом, и мина взорвалась под ней.

— Что ж, придется ловить зверя на крючок, — рассуждали минеры. — Сложное это и опасное дело, но зато уж не сорвется.

Дали круг километров 15 и недалеко от станции Злынка установили под рельс мину натяжного действия. Замакировали ее получше, а сами укрылись в канаве. Утром вышел патруль, но ничего не обнаружили, затем миновал контрольный поезд, а за ним, со стороны Гомеля, появился тяжело нагруженный воинский эшелон с тремя комфортабельными офицерскими вагонами. Макаренков рванул вперед, и точно под паровозом мина взорвалась.

На обратном пути группа случайно обнаружила глубокий ров, наполненный трупами советских людей, привезенных из города Клишцы и расстрелянных здесь. Посоветовавшись партизаны и решили устроить засаду. Утром из Клишцов подошли два автофургона. Полицейские принялись вытаскивать из них новую партию обреченных. Партизаны насчитали ровно 50 человек. Заплевных дел мастеров было 15: три гестаповца и 12 полицейских. Как только полицаи расставили жертвы вдоль рва и отошли на расстояние, по ним и гитлеровцам ударили семь автоматов. Здесь и нашли себе могилу каратели. Зловещие фургоны партизаны подожгли, а смертников освободили.

В сентябре отряд имени Чапаева принимал участие в разгроме немецкого гарнизона в появившемся помещицьем имении в Почепском районе. Партизаны захватили 200 лошадей, 800 коров, 50 свиней, более тонны сыра на сыроварне, приготовленных к отправке в Германию. Из Почепца целая воинская часть противника на бронемашинах была брошена для преследования партизан. Тогда же группа минеров во главе с Макаренковым термитными шарами подожгла мост через реку Судость, и он рухнул. Карателям пришлось прекратить преследование.

В результате усилившихся ударов советской авиации по Сечинскому аэродрому врага немецко-фашистское командование было вынуждено значительно рассредоточить казармы летнего состава, ряд громоздких служб, военные, продовольственные и другие склады, автобазу и различные ремонтные мастерские. Особенно много таких объектов разместили в крупном селе Пеклине, расположенном на шоссе с южной магистрали Рославль — Брянск, километрах в тридцати от Сечинского аэродрома.

В связи с этим возникла идея силами всех партизанских отрядов Клетнянских лесов нанести в этом месте одновременный комбинированный удар. Общее руководство было возложено на представителя штаба партизанского движения Западного фронта полковника Галюгу. В операции участвовали Клетнянский, Дубровский, Жирятинский, Мглинский партизанские отряды, отряд имени Чапаева и другие. Вражеский гарнизон в Пеклине состоял из батальона пехоты, зенитно-артиллерийского дивизиона и комендантской роты.

Возвратившись с совета командиров и комиссаров, Горбачев и Брук собрали командно-политический состав

своего отряда, рассказали о предстоящей операции и наметили предварительный план действий для каждого подразделения. Задача чапаевцев осложнилась тем, что им предстояло пересечь шоссе Рославль — Брянск, зайти в тыл гарнизону, подобраться вплотную к его оборонительным позициям со стороны Жуковки, надежно закрепиться здесь и отрезать возможные пути отхода противнику. Горбачев приказал выделить от каждой роты по три самых опытных проводника, которые пойдут со взводом разведки.

— Как я не хотел отпускать Каменева! — сокрушался командир отряда, имея в виду задание, на которое ушел начальник штаба несколько дней раньше. — Вот теперь и маракуй без него. Идти-то придется километров двадцать кустарниками да оврагами, а под конец — ночью, в кромешной темноте, колесить вокруг этого проклятого гарнизона и заходить ему в тыл. Ну да ладно, как-нибудь обойдемся. Разведка уходит завтра, а основные силы отряда — через два дня. Смотри, Анциферов, чтобы к нашему приходу вы все разузнали, — обратился он к командиру взвода разведки. — Главное — осторожность. Там будут действовать разведчики других отрядов, не перестреляйте друг друга. Смотрите, чтобы противник ничего не заподозрил. В бой вступать категорически запрещено. Нас будьте встречать у Десны, вот здесь, — Горбачев показал на топографической карте. — Не доходя до шоссе, вышлепьте к нашему приходу проводников, они и поведут нас дальше. А до этого места одни доберемся. Когда соберешь разведчиков и проводников, доложишь. Сам с ними поговорю.

— У нас в запасе двое суток, — заметил Денисов. — Есть возможность потренировать каждую роту и взвод на местности применительно к условиям операции. Поручите это мне, Андрей Сергеевич. Мы с командирами рот выберем участки и разыграем варианты.

— Годится, — одобрил Горбачев. — Еще какие предложения? — Командир обвел взглядом присутствующих.

— Я бы хотел... — неуверенно заговорил помощник по разведке Демочкин. — В общем, я считаю, что успех будет зависеть от полноты и качества выполнения разведывательных задач.

Горбачев усмехнулся:

— А ведь ты, Иван Никитович, Америку открыл. Скажи прямо: сам в поход собрался. Только нельзя тебе в поход, болен же...

— А я как узнал про поход, так хворь и пропала, — улыбнулся Демочкин. — Пусть здесь Сергей Тимофеевич с командирами потренируют подразделения, а мы с Анциферовым сделаем все как нужно. Не подведут разведчики, — заверил он командира.

Ушла разведка, а роты приступили к тренировке. Сначала как-то не все клеилось. То перебегают не прыгнувшись, то переползают не по-пластунски, а больше на четвереньках, то котелок у кого-то застучит, то кто-нибудь звякнет лопатой. А у одного партизана винтовка сама выстрелила...

Отдохнули бойцы, сразу и пообедали и поужинали, а как стемнело — снова на тренировку. Только теперь, в темноте, по-настоящему стало доходить до каждого, как будет сложно добиться во всем четкости, слаженности, избежать путаницы.

На следующий день отряд покинул лагерь. Двигались перелесками да оврагами, осторожно обходя населенные пункты и открытые поляны. К вечеру приблизились к шоссе на магистрали Рославль—Брянск. Там в условленном месте их уже ожидали проводники, присланные разведчиками. Когда совсем стемнело, отряд пересек шоссе и направился в обход пеклинского гарнизона. Партизаны шли бесшумно, для скрытности использовали овраги и лощины.

Северо-восточнее Пеклина отряд встретила разведка. По цепи передали команду:

— Привал. Командиры рот — к командиру отряда.

Началось уточнение задач на местности. Помощник командира отряда Демочкин и командир взвода разведки Анциферов подробно доложили об обстановке, уточнили начертание оборонительных позиций противника и сообщили, что ими расставлены специальные маяки на пути каждой роты, чтобы в темноте не напутали. Да и проводники знают каждую колдобину и каждый кустик. Выслушав все это, Горбачев произнес, обращаясь к командирам рот:

— Думаю, что задача ясна. Сигналы знаете. Держите постоянную связь. Мы на штурм не идем, а ударим, когда фашисты бросятся к Жуковке. Приказываю командирам рот самим понаблюдать по позициям и уточнить места не только взводам, но и каждому пулемету. И еще — чтобы каждый вырыл себе окоп для стрельбы с колена. И вы сами со связными должны быть в окопе. Имейте в виду:

...навалятся основные штурмовые отряды на оккупантов, снявших в казармах, так все, кто успеет вырваться, выйдут сюда. Если не окопаемся как следует, то они нас вытеснят. Главное — подпустить как можно ближе и ударить автоматами. Надо так их опаранить, чтобы они дрогнули и разлетались. А потом рубить из пулеметов.

Удальлись командиры подразделений; зашевелились партизаны; вначале осторожно, прыгнувшись, пошли, затем поползли на намеченные позиции, и все снова захлопало...

Тишину и темноту почти разорвали три ракеты — сигнал к атаке. Вокруг вражеского гарнизона все загрохотало, зашумело и затем утонуло в мощном партизанском «ура».

Горбачев напряженно всматривался в сторону, где велся бой. Минуты казались часами...

— А вдруг противник двинется не в нашу сторону? — спросил он.

— Обожди. Я сейчас велю оккупантам навалиться на нас, — отшутился комиссар. — Скажу: у нас задумка такая.

В это время повисли прямо перед окнами отряда одновременно несколько вражеских ракет. Замаячили совсем близко человеческие фигуры.

— Смотри, командир! — сказал Брук. — Вот они, с кем мы так боялся разминуться. Ну, теперь держись...

Взрывы нескольких десятков партизанских гранат сразу же разметали первые группы фашистских молодчиков. На их же участь постигла следующую их волну. Противник, предполагавший, что им найден безопасный путь отхода, застрял в панике. А по нему уже били княжальным огнем пулеметы, а потом снова пошла в ход «карманная артиллерия».

Вскоре бой начал стихать, лишь кое-где раздавались резкие хлопки гранат, отдельные пулеметные и автоматные очереди да одиночные выстрелы. Вдали грохотали мощные взрывы и взвивались клубы огня и дыма — это уже добрались партизаны до складов и других объектов противника.

...В первых числах ноября несколько диверсионных команд из объединенного отряда имени Виноградова ушли на очередное задание. Самое сложное выпало на долю Блуклова, Козина и Захаркина. Им предстояло вблизи Пеклина, у Радницкого кладбища, взорвать воинский эшелон врага и понадежнее закурорить участок железной до-

роги Бежица — Брянск-1. Шла эта небольшая группка не торопясь, с максимальной осторожностью. Вот и река Болва, быстрая, широкая. У берегов уже образовалась пленка льда. Высмотрели участок, где не так глубоко и кустарник рядом, связали плотик и поплыли на другой берег. К Радице подошли ночью, обогнули ее со стороны поселка Урицкого и затаились. Долго наблюдали и прислушивались, затем подползли к железной дороге. Вдруг рядом, у кладбища, сверкнули автомобильные фары, фыркнул мотор. Партизаны прижались к иппалам. Немцы партизан не обнаружили, и машина ушла. Подрывники принялись за дело. Не торопясь, с исключительной аккуратностью выбрали песок из-под рельсы и ссыпали его на разостланную плащ-палатку. Установили мину, замаскировали ее, замели следы — и в кустарник. Показался эшелон. Прогромыхал колесами и скрылся.

— Почему же не взорвалась мина? — недоумевали партизаны. — Видно, взрыватель не сработал...

— Придется приспособить взрыватель от противопехотной мины, — сказал Коблуков. — Тот надежней.

Сделали, но и второй поезд прошел благополучно. Решили ставить натяжной шнур, благо захватили такой, и ловить эшелон, как говорили партизаны, «на удочку». Трудно и опасно устанавливать мину таким образом, но иного выхода не было. Старший группы Коблуков распорядился, чтобы товарищи ушли подальше, и решил сам снять взрыватель. Подготовили шнур. Дождались следующей ночи, и Коблуков пополз к мине. Незначительная промашка, одно неосторожное движение — и можно взлететь в воздух. Это минер хорошо понимал. Мысли лихорадочно билась в голове. Вспомнил слова командира, как тот советовал не суетиться, действовать аккуратнее, и немного успокоился. Приладился поудобнее, чтобы не дрожали руки, и извлек из мины взрыватель. Отполз к товарищам, отдохнул минут десять и снова за дело. Захаркин стал разматывать и маскировать шнур, а Коблуков с Козиным в это время устанавливали новый взрыватель с прикрепленным шнуром. Едва закончили работу, как послышался шум приближающегося эшелона.

Еще раз проверили установку и скатились с полотна под откос. Выждав момент, Захаркин дернул шнур. Мощный взрыв потряс все вокруг. Паровоз тяжело завалился набок. Взметнулось пламя, оглушительно заухали взрывающиеся боеприпасы...

В это же время другая группа минеров в составе Титова, Скрементова, Поляковой и Самонкина с грузом мины совершила дальний рейд под Сухиничи. Партизаны повторили усовершенствованный опыт группы Петрина; несмотря на тщательную охрану, они незаметно подобрались к железнодорожному полотну в районе 35-го километра и установили мину. Военский эшелон с танками, артиллерией, боеприпасами и живой силой пошел под откос.

Гремели взрывы и на большаке Жирятинно — Почеп. Группа минеров отряда имени Чанасева под командованием Макаренкова почти через день выходила сюда на установку мины. Дорога накатана, как стекло, рубить оледеневший слой нельзя, так как патрульные утром сразу все обнаружат. По почам, на ягучем морозе австрийскими папашами со специально зазубренными лезвиями, ножовками и обломанными поперечными пилами выщипывали партизаны гнезда для мины. А для маскировки по уставовленной и присыпанной снегом мине делали накатку кусками протекторов колес от немецких автомобилей. На таких минах подорвалось семнадцать вражеских машин с живой силой и боеприпасами.

К сожалению, далеко не всегда столь же благополучно завершались подобные вылазки...

В середине ноября группа партизан из отряда имени Виноградова ушла на минирование железной дороги Жуковка — Брянск. Группу вел помощник командира роты Никита Сергеевич Гришин. На третий день противнику удалось обнаружить их. Недалеко от затаившейся группы вдруг остановились три грузовых автомашины, из них высыпали солдаты и стали окружать минеров.

— Всем — через железную дорогу, будем уходить на юг, — распорядился Гришин.

Партизаны переползли через полотно; каратели, не заметив этого, ушли на поиски в противоположную сторону. Отлежавшись в укромном месте, минеры к вечеру возвратились к железной дороге и вновь пересекли ее.

Тотчас же в воздух взлетели две ракеты. Метрах в ста от группы показались немецкие патрульные. Партизан они не заметили, а себя при свете ракет обнаружили. Не торопясь прошли совсем рядом с затаившимися партизанами. Бойцы быстро установили мину, замаскировали ее и удалились в глубь леса. Отошли километров десять и решили до выхода на дорожковское поле сделать привал. Вскипятили воду, перекусили остатками нехитрых при-

пасов и, сломленные усталостью, задремали. Поочередно бодрствовали дозорные.

Под утро вдали громыхнул взрыв: сработала партизанская мина!

Двинулись дальше. Уже совсем стало светло, когда вышли на опушку леса. Отсюда партизаны увидели обгоревшие трупы сожженного оккупантами села Дорожкова. Бегом проскочили открытое место и оказались на пепелище. Осмотрелись хорошенько, но ничего опасного не заметили. Один из бойцов взобрался на крышу чудом уцелевшего сарая и в бинокль долго осматривал широкое поле по другую сторону села. Вроде бы все спокойно. Пошли полем. Но вдруг, когда до кустарника оставалось метров сто пятьдесят, увидели плохо замаскировавшихся немецких солдат. Засада!

— Назад! — крикнул Гришин.

Группа бросилась по полю, но ей ударили из пулеметов, автоматов и винтовок. Один за другим падали сраженные пулями партизаны. Вот их уже осталось только двое — Гришин и Скрементов. Припав к земле, застав от боли и досады, Никита Сергеевич. К нему подбежал Скрементов. Перевернув командира группы лицом вверх, он увидел сочившуюся из его живота кровь...

Гришин с трудом открыл глаза.

— Слушай приказ, — тихо, но твердо произнес он. — Бери полевую сумку с картой. В ней я кое-что заметил, когда бродил по лесам. Важные сведения... Достать в штаб. Мне, сам понимаешь, не подняться... Быстрой беги, пока стрельба утихла, а я их задержу. — Видя колебания своего напарника, Никита Сергеевич еще раз напомнил: — Это приказ...

Скрементов взглянул в сторону противника. Немцы, развернувшись в цепь, приближались к ним. Сняв с Гришина полевую сумку, он, пригнувшись, пустился бежать. Сзади раздались короткие автоматные очереди. Это — Гришин... Затем — два взрыва гранат, и все на минуту смолкло. Потом стрельба возобновилась, рядом с партизаном зацокали пули. Оглянувшись Скрементов и, увидев мчавшихся за ним четверых всадников, подумал: «Это конец». Справа тянулось болото, он бросился в него. В болотной жиже сразу же остались сапоги. Он бежал, падал, вставал и снова бежал.

Сколько длился этот мучительный бег, Скрементов не знал. Наконец выстрелы стали удаляться. Видимо, немец-

кие копники не рискнули лезть в болото. Он выбрался на свое место и тут встретил группу партизан из другого отряда, выполнявших свое задание...

Позже от жителей, прятавшихся в лесу, стали известны кое-какие подробности гибели Никиты Сергеевича Гришина. Смертельно раненный, он, прикрывая отход Скрементова, на некоторое время придался автоматным огнем противника к земле. Когда караулы подползли к нему, он из последних сил и метнул в них две гранаты. Солдаты окружили его и схватили живым. Подошел офицер и тут же учинил допрос. Гришин молчал. Офицер остервенело бил партизана ногой в живот, простреленный пулями...

Через несколько дней партизаны отыскали изуродованные трупы своих товарищей, привезли в свой лагерь и похоронили в братской могиле.

22

Приказом Центрального штаба партизанского движения от 7 октября 1942 года была создана Дятьковская партизанская бригада под командованием майора Г. И. Орлова. Комиссаром в ней стал Е. М. Козлюк, начальником штаба — капитан В. А. Серебряков. Соединению оперативно подчинился и Бежицкий объединенный отряд имени Виноградова, однако в силу ряда причин до января 1943 года он действовал самостоятельно.

Через несколько дней по приказу того же штаба партизанские отряды, действовавшие в Клетнянских лесах, оперативно объединились в четыре Клетнянские партизанские бригады. Бежицкий отряд имени Чапаева (командир А. С. Горбачев) и Клетнянский под командованием А. Р. Глебова вошли в 3-ю Клетнянскую партизанскую бригаду, которую вначале возглавил подполковник Галаган, а затем — майор Кушмизов. Комиссаром бригады назначили Глебова, начальником штаба — капитана Кунурцева. При этой бригаде размещался Клетнянский подпольный райком партии, первым секретарем которого временно оставался А. Ф. Семенов.

В конце ноября 1942 года начальник штаба отряда имени Виноградова Михаил Георгиевич Евтеев вызвал к себе помощника командира одной из рот В. М. Савельева и обратился к нему с такими словами:

— Знаешь ли ты, что немцы валом валят на большака Брянск — Жиздра, словно нас, партизан, и на свете нет?

Савельев выжидающе глядел на «дядю Мишу», как за глаза называли Евтеева партизаны за его «ирриличный» возраст, за солидность суждений и большой жизненный опыт. Бойцы слышали, что Михаил Георгиевич перед войной служил в войсках НКВД, а с началом войны обратился в горком партии с просьбой направить на любую опасную работу соответственно его профессии. В августе сорок первого его в составе диверсионной группы забросили в тыл врага. Группа отлично выполнила задание по уничтожению важного объекта противника. Не щадя собственной жизни, действовал в ходе этой дерзкой операции Михаил Георгиевич, за что сразу же снискал уважение своих новых товарищей. Потом было еще немало славных дел, которые и составили блестящую боевую биографию этого человека.

— В общем, — продолжал Евтеев, — надо напомиать оккупантам, что они не по своему «фатерлянд» маршируют. Понял?

— Яснее ясного, Михаил Георгиевич, — ответил Савельев. — Надо готовиться на задание.

— Вот именно, — сказал начальник штаба. — Выходить завтра затемно, чтобы перед рассветом успеть пересечь любохонский большак. Придется поколесить окольными путями. Надеюсь, сам понимаешь зачем... Когда достигнете дороги, сразу не бросайтесь минировать, а хорошенько осмотритесь и уж потом, в одну ночь, заминируйте места в шесте. Да похитрее ставьте мины, чтобы их немцы не поснимали. Большак лаватац, как бетонка, ставить мины практически невозможно, на это немцы и рассчитывают, но ставить тем не менее нужно!

— У нас теперь есть специальные приспособления, придуманные Корявченковым и Сергеевым, — заметил Савельев.

— Вот и хорошо, — одобрил «дядя Миша». — Карта у тебя есть, местность и ту дорогу вы все знаете хорошо, так что... желаю успеха.

...Пересекли партизаны затемно любохонский большак, с помощью шестов и лыж переправились по тонкому льду реки Белвы и двинулись к Жиздринской дороге. Там отметили места установки мин, разделились на несколько групп по три человека и, как только стало смеркаться и по дороге прекратилось движение, взялись за дело. Ак-

куратно вырезали лунки, в них установили мины, затем долго наводили маскировку, закатывая участки, но уже имеющемуся опыту, протекторами колес немецких автомашин и тщательно заметая свои следы.

Утром большак снова ожил. Засновали мотоциклисты. Двинулась пехота. Первые у партизан напряжены до предела: если гитлеровцы заметят хоть одну мину — все пропало. Проществовало более батальона гитлеровцев. Не заметили...

— Ну, теперь наши мины так затонтаны, что мы и сами их не нашли бы, — проговорил кто-то.

Вот показалась большая автоколонна с солдатами и с каким-то имуществом, накрытым брезентом. Двигалась она со стороны Брянска. А ей навстречу — другая колонна грузовиков, от Орловских Двориков. Очень повезло партизанам! Встретились колонны — тут и загрохотали взрывы. Поднялась среди немцев паника, потом началась беспорядочная стрельба по лесу. Некоторые машины стали пятиться, и снова — взрывы слева и справа.

С Большой земли в отряд имени Виноградова прилетел член Орловского обкома партии Иван Иванович Борцов. Он долго и подробно изучал обстановку и условия, в которых жили и боролись партизаны.

Иван Иванович, воспитанник дедова, окончил в свое время ФЗУ завода «Красный профинтер». Был избран секретарем комитета комсомола завода. Затем стал первым секретарем Бежицкого горкома ВЛКСМ, еще через некоторое время возглавил Орловский обком комсомола. Окончил ВПШ при ЦК КПСС, работал заведующим одним из отделов Орловского обкома партии. Очень многих командиров, политработников и партизан из Бежицы знал лично. Человек общительный, простой в обращении, но по-партийному принципиальный, он сразу же пришелся по душе бойцам и заслужил их безграничное доверие.

Провел он в отряде партийное и комсомольское собрание. На них были избраны Бежицкие подпольные горкомы партии и комсомола. Секретарем горкома партии избрали Григория Григорьевича Гавриличева, членами бюро горкома — М. Д. Андреева, П. М. Клещева, В. А. Корявченкова, С. В. Маевского, А. Г. Михалкина и П. А. Рыжкова. Возглавить подпольный горком комсомола доверили

Василию Алексеевичу Корявченкову, а его заместителем стал Григорий Зинов.

Подпольный горком партии возглавил партизанскую и подпольную борьбу в городе и прилегающих населенных пунктах. Горком взял на себя и функции управленного партикома отряда. Вместе с командно-политическим составом он проводил большую партийно-организационную и политико-воспитательную работу среди партизан, уделяя большое внимание росту партийной организации.

Именно в этот период заметно оживилась и агитационно-массовая работа среди населения. Наиболее трудно было наладить ее в селах, где располагались вражеские гарнизоны. И тем не менее она велась систематически и повсеместно. Для этого политруки подбирали, а горком утверждал специальных уполномоченных агентов и агитаторов. Они проникали в населенные пункты, занятые врагом, организовывали в них явочные квартиры и подпольные группы, распространяли листовки, а когда представлялась возможность, то и проводили беседы.

Условия борьбы партизанских мстителей на территории Брянщины привели к созданию здесь нескольких партизанских зон со своим руководством и организации в них партийных органов. Так возникли окружкомы партии.

Секретарем Дятьковского окружкома был избран Сергей Гаврилович Туркин, бывший секретарь Дятьковского райкома ВКП(б). Он сумел в короткие сроки наладить практическую помощь подпольным райкомам и горкомам партии, в том числе и Бежицкому подпольному горкому. Ознакомившись с положением дел в этом горкоме, он потребовал, а потом силами окружкомовского аппарата помог активизировать работу по приему в партию наиболее подготовленных партизан, а также улучшить политическую агитацию среди местного населения, оказавшегося в оккупации.

— Поймите, товарищи бежичане, — говорил Туркин активистам горкома, — вы представляете авангард рабочего класса в нашей партизанской зоне. Сельские жители внимательно присматриваются к каждому вашему действию и прислушиваются к каждому вашему слову. Вам нужно организовать квалифицированную группу докладчиков и расширить коллектив агитаторов. Народ истосковался по хорошей беседе. Несите живое партийное слово в массы нашего народа.

Бежицкий подпольный горком ВКП(б) на очередном

заседании рассмотрел свои задачи в свете указаний окружкома, наметил конкретные мероприятия, назначил ответственных и дружно взялся за претворение в жизнь партизанского. Непривычными по форме проведения были заседания горкома. Протоколы и постановления на бумаге не оформлялись, никаких записок выступающие не имели. Большинство заседаний проводилось с привлечением всего командно-политического состава отряда имени Виноградова. Особенно оживленно проходили заседания, на которых рассматривались заявления партизан с просьбой принять их в партию.

К слову сказать, в первые месяцы функционирования подпольного горкома было принято в партию более шестидесяти партизан, наиболее отличившихся в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Пли последние дни ноября 1942 года, погода стояла морозная и ветреная. Снега пока выпало мало, да и сильным ветром его сдувало с открытых мест.

Штаб объединенного отряда имени Виноградова назначил группу подрывников в составе Духанина, Латышева, Прудникова и нескольких человек прикрытия для минирования железной дороги Жуковка — Брянск. Добрались партизаны до места к вечеру, выбрали удобный участок. Наблюдали часа три, промерзли до костей, но вражеская охрана, видимо, совсем околела и поспала в блиндажах. Долго и с большим трудом непослушными руками устанавливали мину и настраивали взрыватель. Наконец замаскировали и возвратились назад. Назавтра утром на железной дороге раздался мощный взрыв, который был слышен даже в лагере. Посланная разведка сообщила, что против села Глаженка воинский эшелон палетел на мину и свалился под откос. Погибло много живой силы противника, вагоны и боевая техника образовали гигантскую свалку, вытянувшуюся на сотни метров вдоль дороги.

28 ноября 1942 года совершил героический подвиг комсомолец Анатолий Коршунов. С группой подрывников он пошел на минирование той же дороги Жуковка — Брянск. Долго пробирались оврагами да кустарниками, долго не могли приблизиться к полотну из-за усиленной охраны. Недалеко от станции Сельцо все-таки добрались к рельсам, заложили мину и оттолзли ее взрывной машинкой

в кусты. Дважды проехал на дрезине контрольный патруль, но мины не обнаружил и партизан не заметил. И вот послышался шум приближающегося поезда, уже показался паровоз... И тут обнаружилось, что проводка от мины оборвана. Не раздумывая, партизан вскочил и бросился на железнодорожное полотно, к мине, навстречу поезду... Под колесами паровоза прогремел взрыв, эшелон с боевой техникой и живой силой был пущен под откос. Но погиб смертью героя и молодой партизан Толя Коршунов...

Декабрь 1942 года начался вражеской блокадой партизанских лесов северной зоны, а во второй половине этого месяца каратели ворвались в лагерь отряда имени Виноградова. Разгорелся кровавый бой на территории лагеря. Основной удар приняла на себя рота Архипова. Правда, на этот раз партизанам удалось отбить натиск противника, но было очевидно, что оставаться дальше в лагере у Круглого озера нельзя, так как гитлеровцы не только блокировали его со всех сторон, но и готовят крупные силы для разгрома отряда.

К этому времени в составе командования Бежицким объединенным отрядом произошли частичные изменения. Вместо отозванного на Большую землю П. А. Рыжкова виноградовцев возглавил Тихон Федорович Шпадарев, комиссаром отряда остался Михаил Данилович Андреев, начальником штаба стал Евгений Рудольфович Берндт, помощником командира отряда по разведке — Евгений Иванович Петров.

Бежицкий отряд покинул лагерь у Круглого озера, перешел в леса за озеро Святое и там соединился с Дятковской бригадой Орлова.

Тяжело сложился бой этой бригады (в ее составе отряд имени Виноградова действовал в качестве штурмового отряда) у крупного села Любыш. В этом населенном пункте оккупанты создали воинский гарнизон, здесь формировали обозы с награбленными у населения продуктами и другими ценностями для отправки в Германию. Отсюда же доставлялись стада крупного рогатого скота на скотобойню в город Дятьково. Уж очень сильно сковывал действия партизан этот гарнизон.

Подразделения бригады совершили тридцатикилметровый марш и к вечеру сосредоточились на исходных позициях. В полночь взвилась сигнальная ракета, и парти-

заны бросились на штурм вражеского гарнизона. Отряд Шпадарева первым ворвался в село. Гитлеровцы сопротивлялись с отчаянной решимостью. В воздухе непрерывно висели осветительные ракеты. Враг начал бить трассирующими пулями из крупнокалиберных пулеметов...

Возник новый очаг боя на северо-западной окраине Любыша, куда начало подходить крупное подкрепление из города Дятьково. Из-за явного перевеса сил партизаны вынуждены были отойти. Ударная группа автоматчиков из отряда имени Виноградова прикрывала отход бригады.

К утру гитлеровское командование подбросило сюда еще несколько подразделений и организовало преследование партизан, пытаясь их окружить и уничтожить. Двое суток отходили отряды, ведя непрерывные бои, маневрируя под огнем противника. На третьи сутки, ночью, чтобы сбить врага с толку, они ушли на север, обогнули Дятьково и устремились в Улемьский лес. Маневр оказался удачным, преследователи не успели отрезать партизан от леса. Наконец фашисты не выдержали огромного напряжения непрерывных схваток и лютых морозов и прекратили погоню.

В январе 1943 года группа мисеров из отряда имени Чапаева (в ее составе были Макаренков, Сиверин, Краснополенский, Оленичев, Матюшин и Горбунов) двое суток пыталась приблизиться к полотну железной дороги Гомель — Брянск на перегоне Жудилово — Коробиничи, но каждый раз оккупанты обнаруживали партизан и открывали бешеный огонь. Пришлось отойти километра на три от дороги, затаиться. Начали изучать систему охраны. Установили, что патрульные, курсирующие между дзотами, сходятся друг с другом ровно через 15 минут. Следующей ночью в эти промежутки времени партизаны и подползали к рельсам. Сначала установили и замаскировали мину и отползли в укрытие, потом, через 15 минут, — сплва к рельсам, прикрепили, проложили и замаскировали натяжной шнур. Утром гитлеровцы пустили контрольный поезд, но партизаны повалили уловку. Они мерзли, но терпеливо дожидались своей минуты. Наконец показался тяжело нагруженный состав — цистерны с бензином. Рванул Макаренков шнур, и взрыв мины грянул точно под серединой паровоза. Цистерны полезли друг на друга, взвились высоко над лесом столбы огня.

Подобных эпизодов, характеризующих мужество, отвагу и боевое мастерство партизан-чапаевцев, можно приводить много. Несколько позже, после поражения гитлеровцев под Сталинградом, они участвовали в большой и ответственной операции по срыву переброски вражеских войск под Курск и Орел. Клетнянские бригады сосредоточили тогда свои силы на выводе из строя железнодородной магистрали Унеча — Кричев. На расстоянии двадцати с лишним километров были уничтожены все стационарные строения, стрелки, семафоры, водовачки, все мосты. Более месяца эта магистраль потом бездействовала. Командир оперативной группы полковник Галюга и комиссар Шевцов, руководившие операцией, дали высокую оценку действиям бежицких партизан отряда имени Чапаева.

23

Наступила вторая партизанская зима. Уже минули рождественские морозы, заметно сковавшие передвижения войск противника. Потом приняло относительно потепление. «Так всегда — перед лютыми крещенскими морозами», — говорили старики. Заторопились вражеские тыловые службы использовать теплые дни, чтобы пополнить фронтные части техникой, оружием, боеприпасами и продовольствием. Ожили любохонский и жиздринский большаки, пошли по ним потоки автомашин. Командир Бежицкого объединенного отряда Шпадарев и комиссар Андреев тотчас же провели совещание командиров и политработников, определили каждому подразделению задачу по минированию шоссе и железных дорог.

Дмитрию Георгиевичу Пуклину и его подчиненным выпал едва ли не самый тяжелый рейд на жиздринский большак. Он организовал три группы из самых опытных минеров. Для доставки мин и других грузов оборудовали нечто вроде волокуш. Каждую предстояло тащить двум лыжникам, третий — толкачом позади. Остальные лыжники составили походное охранение. Лыж на всех не хватило, и часть подразделения осталась в лагере.

Расстояние до намеченного пункта по прямой было километров двенадцать, но идти приходилось оврагами, перелесками да кустарниками, в обход населенных пунктов и открытых полей, так что путь почти удваивался. К любохонской дороге подошли на рассвете. С ее правой

стороны, у поселка Дерковичи, угрожающе смотрел амфибурами вражеский взлет. Фаншеты построили ограждения из большого башмака, дзеты на всех поворотах, в каждом населенном пункте разместили крупные гарнизоны.

Дорогу нужно было пересечь скрытно, тщательно закрыв следы, иначе погони не избежать. С полчаса ушло на ее преодоление. Собрались партизаны в условленном месте, отдохнули немного и, приняв походный порядок и выслав дозорных, двинулись дальше. Вскоре, преодолев по льду речку, углубились в Карачиженско-Крыловский лес. К жиздринскому большаку вышли во второй половине дня. Как только ступились сумерки, группы вышли на свои участки.

Заминировать даже днем накатанную колею так, чтобы противник не обнаружил мины, дело очень сложное. Но теперь партизаны имели хороший опыт. Минирование прошло благополучно. Ночью ударил крепкий мороз, и у партизан стали коченеть руки и ноги. Очень хотелось дождаться утра и собственными глазами увидеть результаты своего труда. Но пришлось двинуться в обратный путь. Возвращались другим маршрутом, чтобы не нарваться на засаду противника. К середине дня уже были в лагере.

В тот же день в отряде состоялось общее собрание. На нем выступил секретарь подпольного горкома партии Гавриличев. Григорий Григорьевич рассказал о положении на фронтах, о действиях других партизанских подразделений и о мероприятиях горкома по усилению боевой активности отряда в целом. В заключение он зачитал список партизан, представленных к государственным наградам. В этом списке значились также имена Алексея Терешина, Алексея Козина и Михаила Ивановича. После собрания эти ребята обратились к командиру с просьбой разрешить им снова пойти на минирование жиздринского большака, а заодно проверить результаты только что проведенной ими работы.

— Ну что ж, — согласился Пуклин, — это дело хорошее, но пойдете не сегодня, а завтра. Сегодня — взрывы-то были, мы их слышали — оккупанты могут устроить засаду.

Назавтра эта группа снова отправилась в поход. Каждый из ее состава прихватил противотанковую мину. Так же, как раньше, осторожно перешли речку. Чем ближе подходили к большаку, тем чаще останавливались и настойчиво прислушивались. Выбрали место поудобнее для установки мин и решили ждать вечера. Прошло около ча-

са. Мороз давал о себе знать. На дороге движение прекратилось.

— Была не была! — решил Терешин. — Не мерзнуть же нам тут до вечера. А пу, хлопцы, быстро на большак, ставить мины. В этой ложинке нас заметить трудно. Я буду смотреть в оба. Чуть что — сразу назад!

Козин и Иванюшин выскочили на колею, залегли и, осмотревшись, быстро установили каждый по мине. Отбежали назад возбужденные и уставшие.

— Теперь пошел я, а вы смотрите да не зевайте, — распорядился старший группы.

Быстро и без помех была установлена и третья мина.

Пока ждали, проверили результаты своей прежней вылазки. На всех местах недавнего минирования зияли черные воронки, валялись обгоревшие обломки автомашин.

...По большаку возобновилось движение, и группа стала отходить в глубь леса.

— А как же заминированная линия связи у Орловских Двориков? — напомнил Иванюшин. — Мы ее не проверили...

— Далековато, — поскреб в затылке Терешин. — Впрочем, раз уж дали слово проверить все, так будем держать его. Идем..

Минут через десять подошли к знакомому месту и увидели подорвавшегося на партизанской мине вражеского связиста. Забрали его автомат и документы и направились обратно.

— Стоп! — воскликнул вдруг Козин. — У него же кожаный рюкзак, нужно забрать, а то у многих из нас лыжные крепления из проводов. — И, вернувшись к окопелешему трупу, стал стаскивать с него сумку.

— Немцы! — неожиданно закричали Терешин и Иванюшин.

Козин так и замер с сумкой в руках. Из подошедшей грузовой машины резво выпрыгивали солдаты. Человек двадцать, не меньше... Вот они бросились окружать Козина. Залегли Терешин и Иванюшин, стали строчить из автоматов по бегущим гитлеровцам. Козин тоже дал несколько очередей и бросился уходить, петляя из стороны в сторону. Иванюшин встал около дуба, чтобы получше осмотреться, и тут же унал, сраженный вражеской пулей. Не добежав до товарищей, свалился, раненный в ногу, Козин, но тут же снова вскочил и, прихрамывая, нырнул в заросли погуще, ближе к Терешину. Вместе с ним от-

бежали в глубь леса. В это время на большаке друг за другом громыхнули два взрыва, потом еще один. Немецкие солдаты, встревожившись, остановились, потом повернули назад к дороге, на которой, как они поняли, что-то случилось.

А что случилось, партизаны знали...

— Это вам за Мишку, будьте вы трижды прокляты! — со злобой выкрикнул вслед гитлеровцам Козин.

Почти целые сутки брели по лесу выбившиеся из сил и страдающие от мороза два партизана. Как шли, и сами потом помнили смутно, но дошли!

В феврале и марте 1943 года гитлеровцы снова прочно блокировали Клетнянские леса. Почти два месяца вели партизаны напряженные бои против превосходящих сил карателей.

3-я Клетнянская бригада, в которую входил Бежицкий отряд имени Чапаева, была окружена в мамаевских лесах. Несколько раз эсэсовцам удавалось врывать в партизанский лагерь, и тогда кипел рукопашный бой. Но лес и жгучие морозы стали союзниками партизан и врагами оккупантов.

Неистовствовали метели. У партизан кончились продукты, а каратели все туже затягивали кольцо окружения. Но вот разведка из отряда имени Чапаева нащупала стык двух вражеских полков. Ночью Горбачев собрал весь отряд в один кулак, и мощным броском бойцы прорвали окружение. За отрядом имени Чапаева в прорыв ринулась вся бригада. Ворвавшись в немецкие тылы, они напали на оставший немецкий обоз с продуктами и боеприпасами. Охрана была смята и уничтожена, и вся колонна оказалась в руках партизан. Днем каратели не обнаружили ни партизан, ни собственного обоза.

Примерно в это же время, в начале весны, фашисты создали в поселке Цементном (ныне город Фокино) большие склады продовольствия и наладили работу крупной скотобойни.

Бежицкому отряду имени Випоградова было поручено организовать тщательную разведку и подготовить операцию. Так как в поселке размещался крупный воинско-

полицейский гарнизон, для разгрома которого достаточных сил и вооружения не имелось, в предстоящем нападении главный расчет делался на скрытность и внезапность удара. Всей подготовительной работой руководил помощник командира отряда по разведке Е. Н. Петров.

В Цементном находилось несколько явочных квартир и действовала целая сеть разведчиков из местных жителей. Трижды разведгруппа под командованием Г. Н. Ильюхина проникла в поселок. Удалось добыть пароль полиции, охранявшей склады и скотобойню, и точную схему постов. Шнадарев и Петров уточнили план операции. Было решено: скотобойню и склады уничтожает отряд имени Виноградова, вокзал штурмует другой отряд, а остальные силы бригады прикрывают их. Руководство операцией было возложено на начальника штаба бригады Серебрякова.

Ночью, следуя за разведкой, знающей пароль, отряды скрытно проникли в поселок. Виноградовцы сняли посты на скотобойне и взяли в плен 30 полицейев. По общему сигналу объекты скотобойни были подожжены, продукты из складов изъятые, а сами склады тоже преданы огню. 150 голов крупного рогатого скота было угнано в партизанский лес.

В это время другой отряд бригады внезапным ударом уничтожил фашистов, охранявших вокзал, и взорвал его. Оба отряда с незначительными потерями вышли из боя и вернулись в лагерь.

После провала карательной экспедиции оккупантов и вывода ими своих войск из лесов партизанским отрядам стало легче. С Большой земли поступало оружие, боеприпасы и продовольствие. Бойцы залечили раны, отдохнули и — снова в походы. Требовалось срочно восстановить разрушенные гитлеровцами связи с населением окружающих сел и деревень, убедить людей, что партизаны не уничтожены, как беззащитно врали оккупанты, что они не только живут и накапливают силы, но и действуют.

Прибыл как-то Бежицкий отряд имени Чапаева в крупное село Бабишка. Выставили охранение и позвали жителей для разговора по душам. Не прошло и получаса, как школа наполнилась стариками, женщинами и вездесущими ребятишками.

— Ну что, мужики, — обратился к ним Горбачев, —

вы небось думали, что каратели всех нас уничтожили? Вот и идите перед нами.

— Это ты, что ль, злихой молодец, Горбачевым прозынешься? — спросила одна из женщин.

— Ну я, а что? Чтонибудь известное на меня назвали гитлеровцы и полицай?

— Да уж напечени... Только вот враги всегда говорят о партизанах со злостью да ругаются, а это для нас и есть самое лучшее. Что ж, начево не смириться, хорош, по всем статьям хорош. Слава о тебе идет по селам, как о настоящим Чапаеве. Но я хочу ругаться. Почему ты обращаешься к одним мужикам? Ну где ты увидел настоящих мужиков? Настоящие наши мужики сражаются на фронте, а это — старички немощные. Все силы в деревнях теперь — в таких, как я. Все беды, все несчастья легли на наши плечи. Мы, бабы, за все в ответе, так что и обращайся к нам. Стопом стонут бабоньки, надрываясь на тяжелой не жеской работе. В прошлом году мы сами запрягались вместо лошадей в плуги и бороны. А что поделаешь, если нет ни одной лошадедки? Питаться чем-то надо, детишек не накормить — легче в могилу лечь. Вот так и мыкаем горе да еще дрожим от страха...

— Хватит тебе, сорока-белобока, — прервал разговорившуюся женщину белый как лушь старик. — Хотя вы, бабы, и в самом деле теперь главная у нас сила, но дайте и нам послушать, что творится на белом свете.

— Федор Наумович, расскажи народу о положении на фронтах, — попросил Горбачев комиссара отряда Брука.

Выступление комиссара продолжалось часа полтора, потом пошли вопросы, ответы.

— Вы слышали, паверное, что в Громыках и Житве Почепского района оккупанты создали немецкие помещичьи имения? — вступил в разговор командир отряда. — Крестьянам, конечно, ни клочка земли не дали. Их просто заставили работать в имениях, как при крепостном праве.

— Слыхали, слышали, — загудели голоса. — Они там совсем закабалели наших людей, в рабов превратили.

— Ну так разрешите вам доложить, — сказал Горбачев, — что эти помещичьи имения партизанами разгромлены. Наш отряд тоже участвовал в налете на Громыки.

Беседа подошла к концу. Девушки попросили командира устроить им хоть на часок танцы. Тот разрешил. Образулся круг. Партизанский балюнет распянул мехи во всем этого вида баяна, и поплыла мелодия вальса. Задржали

лась молодежь пара за парой, лица раздумялись, глаза полны восторга и печали... Парни с подчеркнутой галантностью вели в танце своих партнерш. Девушки счастлииво улыбались и, забыв обо всем на свете, доверчиво опирались на сильные руки ребят. Один вальс сменялся другим. Кавалеры что-то тихонько нашептывали своим подружкам, а те смущенно поклоняли свои головки и плыли, плыли в танце, не в состоянии унять сладостно трепетавшие сердечки. Пожилые люди с улыбкой взирали на молодежь да тайно вздыхали по ушедшим безвозвратно годам...

Увы, час пролетел как минута. Пора было трогаться в обратный путь. Положил командир тяжелую руку на мехи баяна.

— Простите, люди добрые, — сказал он, — простите нас, девушки, да и вы, хлопцы, не обессудьте: у нас еще длинная дорога и много дел...

Распрощались партизаны с жителями, сняли посты охранения и двинулись в лагерь, чтобы готовиться к боевой операции. Возвращались в веселом и бодром настроении. Посветлили обветренные лица людей. Смех и шутки слышались на каждой подводе.

— Как думаете, товарищи начальники, вроде неплохо прошла беседа? — обратился к командиру и комиссару секретарь парторганизации отряда Тресиков.

— Беседа прошла хорошо, только, может, несколько подтянулась, — не сразу ответил комиссар. И тут же сам спросил: — А вот ты, партийный секретарь, скажи, кому больше пользы принесла эта встреча — селянам или нам самим?

— Селянам, конечно, — без тени сомнения сказал Тресиков. — Мы им столько хороших новостей сообщили...

— Насчет новостей — это правильно, — согласился Брук. — Только ведь и у нас после этой встречи силенок да бодрости прибавилось. Смотри-ка, не только молодые ребята, но и пожилые партизаны будто изнутри светятся. Да и мы с тобой стали повеселее. Разве не так? А все дело в том, что душой прикоснулись к своему народу. Ты притчу о древнем великане Антее слышал? Совсем выбился он из сил в жестоком бою, пришел его смертный час, но как только припал к матери-земле, впитал ее живительные соки — и воспрянул духом и телом, и ничего не мог сделать с Антеем могучий Геракл до тех пор, пока не оторвал

его от земли. Так что родной народ для нас — как земля для Антея. Оторвемся — погибнем!

— Хороший и правильный ты человек, Федор Наумович, — вступил в разговор Горбачев. — И притча твоя правильная, будто специально для нас, партизан, древними придумана. Действительно, наша сила — в связи с народом, а вот таких, как сегодня, тесных, дружеских общений организуем маловато. Наши связные и агитаторы, конечно, большое дело делают, газеты и листовки тоже распространяем неплохо, но одного этого мало.

Вскоре партизаны получили возможность еще одной, столь же полезной, встречи.

Жители села Бабинка сообщили, что, когда карательные войска снимали блокаду и сматывались из партизанских лесов, они оставили в большом населенном пункте Воробейня какой-то особый отряд полевой жандармерии и полиции, который должен преграждать партизанам выход из лагеря. У населения окружающих деревень оккупанты отобрали весь скот и раздали полицаям этого отряда — каждому по две лошади, по две три коровы, по три-четыре свиньи. Людей заставляют работать и на самих немцев, и на полицаяв.

Отряд подготовил поход на Воробейню, но в целях конспирации жителям Бабинки об этом сказано не было. Добыли более подробные сведения о силах, расположенных в этом гарнизоне, списки полицейских. Однако случилось непредвиденное. Когда подъехали к населенному пункту и окружили его, то оказалось, что гитлеровцы и их приспешники Воробейню спешно покинули. Провоухали об операции? Или какое-нибудь срочное задание получили? Ничего не ясно...

— Вот тебе и раз, готовились, готовились, а сражаться-то, выходит, и не с кем, — сокрушался командир отряда. — А ну-ка, разведчики, проскочите в сторону соседних поселков, нет ли тут какого подвоха. А мы пока повидаемся с жителями, потолкуем.

Отряд вошел в село; выставили охранение и позвали людей в помещение бывшей школы. Но народу собралось негусто. Все как-то залуганные, осторожно переглядываются и в разговор вступают неохотно.

— Да, здорово вас запугали оккупанты, — недовольно проговорил командир отряда. — Ну, а я так скажу: скоро вы вздохнете свободно. Время идет к тому, что Красная Армия повсеместно погонит захватчиков с нашей земли.

Об этом подробно вам сейчас расскажет товарищ Брук, комиссар нашего отряда.— И представил ему слово.

Брук обстоятельно доложил о положении на фронте, о мерах, предпринимаемых нашей партией в целях ускорения разгрома врага. Когда стал рассказывать, как трудятся рабочие на уральских заводах, на которых изготавливаются самолеты, танки, артиллерийские орудия и снаряды, стали светлеть взгляды сельчан, на их лицах появились улыбки. Одна пожилая женщина мелко пере-кристилась и произнесла сквозь слезы:

— Дай-то бог, дай-то бог! А то говорят, что и народу нашего ничего не осталось.

— Страна наша пережила страшный период,— продолжал Федор Наумович.— Нелегко и сейчас, что и говорить. Но парод наш не сломить, силы его растут и крепнут. Все, от мала до велика, поднялись на борьбу против немецко-фашистских захватчиков. Нет и не будет пощады оккупантам!

Старики и женщины сообщили, что им грозит новая беда: всю молодежь, начиная с шестнадцатилетних, оккупационные власти собираются отправить в Германию. А допустить это никак нельзя. Ребята и девчата хотят отправиться в леса и просят, чтобы партизаны привяли их к себе.

К концу встречи вернулись разведчики. Ни в одном из ближайших поселков противника не обнаружили. Тепло распрощавшись с жителями Воробейни, партизаны поехали в свой лагерь.

— Что-то нужно делать,— говорил дорогой Брук, имея в виду опасность, которая угрожает молодежи Воробейни.— С одной стороны, это еще дети. Каким из них вояки, равно им еще брать винтовку в руки. Но с другой — гравы и старики: нельзя допустить, чтобы ребят угнали в рабство. В лес они уйдут, будут скрываться — ладно: дело идет к весне. Но что эти беглецы станут делать в лесу, нам безразлично. Не можем ведь бросить людей на произвол судьбы. Оккупанты обязательно начнут их вылавливать...

— Дело это сложное и ответственное,— отозвался Горбачев.— Нужно доложить на Большую землю. Но деваться, комиссар, нам некуда. Придется принимать ребят. Создадим учебные взводы, назначим в них потолковее командиров да попросим партизан взять шефство. Будем

беречь по возможности. От особо трудных операций свободим.

На том и порешили.

А дела партизан шли своим чередом. Разгром двух гарнизонов в крупных селах Соболя Слобода и Высокое... Подрыв моста в деревне Вудышево-Корышево, затормозивший передвижение немецких воинских частей на их Восточный фронт... Самоотверженный поступок командира взвода Василия Филатова, который, оказавшись в ходе боя в драматической ситуации, подорвал себя одной из двух гранат себя и группу навадившихся на него гитлеровцев... Большие и малые походы, диверсии, героические подвиги... Ими, как секундами часы и минуты, заняты до отката боевые будни бойцов, не ставших перед оккупантами на колени.

В середине апреля группа партизан отряда имени Виноградова под руководством Дворничикова получила задание подорвать немецкий воинский эшелон с живой силой и техникой на железной дороге Жуковка — Брянск, недалеко от станции Ржаница. Как водится, долго вели наблюдение. В результате родилась идея поставить мину в то время, когда патрульные после встречи друг с другом разойдутся. Настала ночь. Выжидали партизаны нужный момент, быстро преодолев заграждение, подползли к полотну и затаились в канаве. Снова сошлись патрульные и снова разошлись в разные стороны. Подрывники подо-брались к рельсу и начали ставить мину. Но времени не хватило: солдаты с обеих сторон приближались. Пришлось партизанам отползти и вновь затаиться. Наконец закончили установку мины, замаскировали следы и удалились за заграждение.

Утром оказался поезд. Патрульные, ничего не подозревая, подняли флажки: путь свободен. Через несколько секунд под паровозом грянул взрыв мины, раздался такой грохот, что земля заудела. Еще рушился состав, а охрана уже открыла беженую, и конечно перирциельную, стрельбу.

А дней через десять партия этого отряда Александр Измайлов повторил подвиг Анатолия Коршунова. Случилось это так. Группа Маркелова не смогла скрытно подойти к полотну железной дороги — каждый раз ее обнаруживала и обстреливала немецкая охрана. И вот показавшись из-за поворота контрольная дрезина, а за ней вышол

воинский эшелон. Пройдет ведь безнаказанно! Тогда Измайлов схватил мишу, быстро вставил взрыватель и с возгласом: «Врешь, гад, не пройдешь!» — бросился к железной дороге. Вскочил он на полотно перед самым паровозом. Мощный взрыв опрокинул локомотив, и состав пошел под откос. Произошло это на железной дороге Брянск—Москва, у разъезда № 25.

25

В конце мая 1943 года гитлеровское командование сняло со своего Восточного фронта три дивизии и бросило их в северную зону Брянского партизанского края. Продолжалась эта карательная операция до середины июня. Партизанские отряды оказались разрозненными, разорванными, лишеными своих баз. Люди в изнеможении падали с ног. Начался голод, появились больные.

Бригада Орлова вырвалась из окружения и стала отходить на север. Бежицкий отряд имени Виноградова прикрывал отход соединения и в течение двух суток принимал на себя основные удары нападающего врага. Карателям удалось отрезать отряд от бригады и окружить его. Полная гибель бежичан казалась неотвратимой. После короткого совещания командиров было решено попытаться ночью пробиться через позиции ближайшего вражеского батальона и переждать в болоте, где партизан, конечно, искать не будут. Ночью бойцы бесшумно прошли около немецких постов и затопились в заболоченном кустарнике. Утром батальон атаковал пустой участок и, не обнаружив партизан, стал прочесывать местность совсем в другом направлении. За батальоном потянулись резервы и тылы карателей. Вот по ним и ударили партизаны из пулеметов и автоматов, а затем, преодолев болото, направились по следам бригады.

После описываемых событий по решению командования бригады, утвержденному Бежицким подпольным горкомом партии, была произведена смена руководства этого отряда. Командиром был назначен Василий Павлович Дурнев, а комиссаром — Владимир Александрович Якушев. В это же время возвратился с Большой земли после длительного лечения и приступил к исполнению своих обязанностей начальник штаба Михаил Георгиевич Евтеев.

Драматично разворачивались в этот период события и в Клетнянских лесах. Фашистам удалось отрезать 3-ю Клетнянскую бригаду, в составе которой сражался отряд имени Чапаева, выбить ее из лесных массивов и прижать к реке Ипути. Двое суток бригада отбивалась от нападающего противника, трижды пыталась разорвать кольцо окружения, но силы были слишком неравные. Командование решило форсировать эту полноводную, глубокую и широкую реку и уходить в Белоруссию. Всех комсомольцев и молодых ребят, умеющих хорошо плавать, и в бою готовых стоять насмерть, вооружили автоматами и поставили в группу прикрытия. С ними находился и комсомольский вожак Василий Поляков.

Ночью началось форсирование реки Ипути. В бригаде было несколько десятков раненых и больных; им выделили все имевшиеся подручные средства переправы, закрепили в помощь партизан. Первые подразделения благополучно достигли противоположного берега. Но вот каратели обнаружили переправу и открыли бешеный огонь из орудий и минометов, а затем ринулись в атаку, намереваясь сбить партизанское прикрытие. Комсомольцы стояли как скала, скашивая автоматным огнем нападающих гитлеровцев. Бой был очень тяжелым. Дрогнули хоть один, поднимись паника — и произошла бы неминуемая гибель всей бригады. Но вот взвилась долгожданная ракета, ребята бросились в волны реки и перемахнули на другой, теперь родной, берег. Много полегло партизан... Погибли комиссар отряда имени Чапаева Федор Наумович Брук, помощник командира отряда Иван Никитович Демочкин. Но бригада сумела избежать разгрома и скрыться в белорусских лесах. Там партизаны привели себя в порядок и снова возвратились в Клетнянские леса.

В июле 1943 года возвратился с Большой земли командир Бежицкого партизанского отряда имени Чапаева Горбачев (куда его вызывали с отчетом о боевой деятельности) и привез приказ о выделении отряда из 3-й Клетнянской бригады и организации на его основе Бежицкой партизанской бригады. Ее командиром был назначен Андрей Сергеевич Горбачев, комиссаром — Алексей Андреевич Тресиков, начальником штаба — Федор Петрович Каменев.

К этому времени вновь образованная бригада, сохранившая за собой имя Чапаева, насчитывала около 2000 че-

люк и состояла из трех батальонов и двух отдельных групп разведки и подрывников.

А вскоре уже начался боевой счет новой бригады. Это было участие одного из батальонов чапаявцев под командованием Тагинцева в операции по разгрому крупного немецкого гарнизона в районном центре Жирятино. Гитлеровцы стянули сюда тыловые службы множества потрепанных под Курском военных частей. Разведчики изучили все подходы и огневые точки врага и обратили внимание на то, что в данный момент в Жирятино остался всего лишь батальон полевой жандармерии и полицейская управа. К этому времени сюда подошел второй батальон клетнянской бригады «За Родину» (комбат Ильных) и тоже усиленно вел разведку жирятинского гарнизона. Договорились операцию проводить совместно под общим руководством Ильных. Начальник штаба бригады имени Чапаева предложил для снятия немецких часовых использовать недавно полученные с Большой земли 12 бесшумных снайперских винтовок.

Ночью оба батальона скрытно подошли к Жирятину и заняли исходные позиции. На рассвете партизаны проникли к крайним домам, свили из бесшумных винтовок часовых и бросились к центру. В считанные минуты были разгромлены комендатура, управа, штаб батальона. Партизаны захватили склады, а также тюрьму и освободили всех арестованных, которых ожидала казнь.

Взирались бойцы, возбужденные горячкой боя.

— Ничего не скажешь — молодцы вы, чапаявцы! — восхищенно говорил Ильных. — С вами в бою не пропадешь, сражаешься вы действительно по-чапаявски. Был у меня задушевный дружок из ваших бежичан, Ефимом Ляховым звали. Как вспомню его гибель, так сердце кровью обливается...

— Это тот, который до войны одним из секретарей Бежичского горкома комсомола был? — спросил Тагинцев. — Мы его знали. Слыхали, что он погиб, но как именно, толком не знаем.

В пути Ильных и Тагинцев говорили о Ляхове, о его боевых делах и обстоятельствах гибели. Ляхов окончил Брянский машиностроительный институт, собирался заняться научной деятельностью, но вызвали его в горком партии и порекомендовали в состав Бежичского горкома комсомола. Так и стал комсомольским работником. А потом — вызов в обком партии и направление на политра-

боту в Красную Армию. Курсы ускоренной подготовки и он уже в полку.

В институте Ефим прошел влевойсковую подготовку по «бронетанковой квалификации» и аттестован помпотехом, а служить пришлось в кавалерии. Правда, его заверили, что скоро полк будет преобразован в танковый и получит новую технику, вот тогда его инженерная подготовка весьма пригодится. Но грянувшая война все рассудила по-своему. Почти у самой границы полк принял на себя тяжелый удар немецкой танковой дивизии и более недели стоял насмерть. Наконец враг смял передовые кавалерийские подразделения. С группой бойцов Ляхов около трех месяцев пробивался из окружения. В Клетнянских лесах встретились с партизанским отрядом Напасенко и вступили в него.

Более полутора лет сражался Ефим в составе отряда, не щадя сил и самой жизни. Стал командиром роты, а когда сформировалась 4-я Клетнянская бригада, принял батальон. Погиб Ляхов во время вражеской блокады в июне 1943 года. Выехал он с одной из рот в небольшой поселок около Мамаевки и обнаружил там группу карателей. Рота стала преследовать врага. Впереди, увлекая товарищей, шел комбат. Это был его последний бой...

...Возвратился батальон Тагинцева с богатыми трофеями. Комбриг Горбачев выслушал доклад, поблагодарил бойцов и командиров за успешные действия и распорядился собрать всех комбатов и командиров рот для разбора операции.

— Тут есть на чем поучить комсостав, — сказал он. — И скрытный выход на исходные позиции, и удары во фланг и тыл противника, и выделение штурмовых групп для разгрома штаба, казармы жандармерии и захвата тюрьмы, и использование бесшумных винтовок.

В невероятно трудных, порой драматических условиях приходилось работать медикам партизанских отрядов. В землянках, полуразбитых избах, а нередко и прямо на снегу, на земле, под деревьями обрабатывали они раны и делали сложные операции. Так, политруку одной из рот А. И. Пузачеву разрывной пулей располосовало всю спину. Казалось, при таком ранении трудно что-либо сде-

лать. Но партизанский доктор Иван Тихонович Батюнин в маленькой палатке примитивными хирургическими инструментами подштопал рану и, по сути, совершил чудо. Через два месяца политрук уже был на ногах.

Не менее тяжелое ранение получил командир роты Г. А. Мирошкин. Иван Тихонович со своими верными помощниками медсестрами вырвал и его из цепких когтей смерти.

В Карачижско-Крыловском лесу 5 ноября 1941 года с рассвета до захода солнца партизаны отражали непрерывные атаки карателей. Ночью отряды решили пробиться через боевые порядки врага и, форсировав реку Болву, направиться к Круглому озеру. Никто не знал, как быть с восемнадцатью тяжело ранеными бойцами, которых переправить через реку не представлялось возможным. Тогда Батюнин настоял, чтобы их перенесли подальше от лагеря, выбрали пяточок погуще и оставили его с ними.

На следующий день гитлеровцы, прочесывая лес, несколько раз проходили совсем рядом с разместившимися в темной балке бойцами, и те, сцепив зубы, удерживались от стонов... Более месяца Иван Тихонович с помощью группы партизан из отряда Денисова укрывал и лечил тяжелораненых, а потом всех переправил в новый лагерь.

Когда Анатолия Макаренкова каратели изрешетили так, что и осколки сосчитать в его теле было трудно, то дрогнул даже видавший виды Батюнин. Но собрал нервы в кулак и начал схватку за жизнь товарища. Более недели шла эта напряженнейшая борьба, в течение которой Макаренков находился между жизнью и смертью. И Иван Тихонович победил.

Молодой партизан Коля Меньшиков, возвращаясь с задания, наскочил на немецкую мину, и ему раздробило ногу. А до лагеря почти полсотни километров... Трое суток тащили его Федор Артамонов, Павел Корявченков и Георгий Щербakov на самодельных носилках. Наконец он оказался в медицинской палатке. Только началась операция, как раздался крик:

— Фашисты у лагеря!

Врач Батюнин приказал положить поближе к нему автомат и гранаты. Более часа длилась операция под треск стрельбы, а когда кончилась, Батюнин, вытерев со лба пот, устало произнес:

— Не горюй, Коля. Мы с тобой еще пошлагаем по русской земле!

16 сентября 1943 года оккупанты собрали жителей поселка Ивот и, отступая, погнали их впереди себя расчищать минное поле и прикрывать колонны от нападения партизан. Одна женщина с ребенком на руках наступила на мину и погибла. Ребенок был ранен осколками, его подобрала другая женщина и принесла к Батюнину. Тот сразу же приступил к операции. Более часа вынимал из тельца осколки, пока не убедился, что опасность для малыша миновала.

И так все два трудных партизанских года. И что ни бой, то раненые, что ни операция, то подвиг врача и его помощниц. Только в конце 1942 года тяжелораненых стали на самолетах отправлять на Большую землю, а оттуда получать медикаменты и хирургический инструмент.

Не менее трудным был боевой путь врача Бежицкой партизанской бригады имени Чапаева Арама Аркадьевича Туманяна. Военврач, он вместе с советской воинской частью оказался в окружении, а затем был схвачен фашистами. Воспользовавшись случаем, устроил побег группе раненых красноармейцев, а затем и сам оказался в партизанских лесах. Долго блуждал от села к селу, пока не встретил партизан отряда имени Чапаева. С этим отрядом отважно перенес все невзгоды боев с оккупантами. Сотни простых и сложных операций провел в невыразимо тяжелых условиях.

...В мае 1943 года взвод Алексея Глебова устроил засаду на опушке леса за деревней Коростовец. Как только каратели подошли вплотную, бойцы ударили по ним из пулеметов и автоматов. Гитлеровцы в замешательстве отступили, но вскоре, уже более крупными силами, атаковали партизан. Глебову разрывной пулей раздробило колено, и его успели унести в походный лазарет.

Бригада долго не выходила из боя, раненых вначале везли на подводах, потом несли на носилках, переправляли через широкую реку. У Глебова появились признаки гангрены. Вот тогда врач Туманян и решился на крайнюю меру — ампутировал ногу простой ножовкой и слесарным напильником. Глебов несколько раз терял сознание, да и сам врач был близок к обмороку. После операции командиру взвода дали снотворное, и он уснул глубоким сном. Температура медленно пошла вниз... А через полгода он поправился.

Когда отряд имени Чапаева был преобразован в партизанскую бригаду, Арам Аркадьевич взял на себя создание медсанчасти, а затем и руководство ею.

Много добрых слов можно сказать и о ветеринарном враче Иване Арсентьевиче Репникове, который в условиях партизанской борьбы переквалифицировался и стал первым помощником Тумаяна. Доморощенные остряки шутили, что у Андрея Сергеевича все, как у Чапаева. Если Василий Иванович приказывал проэкзаменовать и выдать диплом врача местному коновалу, то Горбачев, приняв в отряд ветеринара Репникова, приказал ему быть врачом отряда и лечить раненых партизан.

Большую признательность завоевал врач Сергей Михайлович Онохин. Он не действовал в составе бежицких отрядов, но, будучи главным хирургом Дятьковской больницы советского партизанского района, большую помощь оказывал врачам виноградовского отряда и лично прооперировал нескольких партизан.

Непосредственными помощниками врачей являлись наши отважные девушки медсестры. Как-то так получилось, что, включившись в партизанскую борьбу, лишь один батальон завода «Красный профинтерн» имел врача, фельдшера и нескольких медицинских сестер, остальные же четыре отряда своих медиков не имели. И не случайно на первом же организационном совещании командно-политического состава, состоявшемся уже в лесу, Александр Иванович Виноградов поставил вопрос о налаживании медико-санитарного обслуживания. А первый тяжелый бой в начале ноября 1941 года, прогремевший в Карачижско-Крыловском партизанском лагере, заставил командиров всех отрядов и подразделений принимать срочные меры к поиску медработников. Врач Батюнин стал обучать медицинским премудростям девушек, которых всего-то и было двенадцать человек...

Самой опытной из медсестер была Аня Копченкова. В Улемьском лагере она замещала врача; спасая раненых, сама попала в окружение и лишь чудом не погибла.

Во время июньской (1942 года) блокады она вновь оказалась в роли врача, теперь уже в Першинском лагере, окруженном значительными силами гитлеровцев. Раненых было много, и Аня явно не успевала. Попросила Горбачева дать в помощь имеющимся трем санитаркам

несколько парней и, когда те явились, обратилась к ним с такими словами:

— Теперь вы — в моем распоряжении. Мои и наших санитарок указания выполнять, как приказ командира. А сейчас — вещешки снять. С винтовками и гранатами не разлучаться, но закрепить их так, чтобы не мешали работать руками. Будете помогать осматривать, промывать и смазывать раны.

Не один десяток раненых партизан вспоминали и поныне вспоминают сердечным словом эту строгую, добрую и отважную «сестричку». После упомянутой блокады ее направили с отрядами Горбачева, Денисова и Демочкина в Клетнянские леса, и там она провела в их составе до полного освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков.

Боевой и мужественной партизанкой была Полина Ивановна Полякова. Она умела и делала буквально все, что требовали суровые обстоятельства партизанских будней, — была отличным парикмахером и опытной медсестрой, смелой разведчицей и умелым, хладнокровным минером... Крепкого телосложения, она, кажется, никогда не уставала. Ее работоспособность и неутомимость вызвали удивление даже самых выносливых партизан. В тяжелых боях Полина пробиралась в самые опасные места, перевязывала и вытаскивала из-под огня на своих девичьих плечах тяжело раненых бойцов. Как одна из лучших лыжниц отряда, Полякова участвовала во многих зимних походах на железную дорогу Брянск — Москва. А ведь каждый раз требовалось с грузом мин пройти километров 35—40 в зимнюю стужу и вьюгу, затем минировать полотно и, ни минуты не передохнув, идти столько же обратно... Полина была и медсестрой, и санитаркой, и няней. Как она выдерживала такую нагрузку, объяснить трудно, видимо, такой уж крепкий был у нее организм. От первого до последнего дня прошла Полякова весь трудный путь бежицких партизан и в их поредевшем строю возвратилась в родную Бежицу.

Любовь Орлова была участницей всех хирургических операций, выполненных врачом Батюниным. Окончив медицинский техникум, она возвратилась в Цементный и работала хирургической сестрой. Там с малолетним сынишкой и престарелой матерью и застала ее война. Оставшись одна за всех врачей, самоотверженно оказывала

помощь населению, попавшему в оккупацию, снабжала партизан первозачными материалами и лекарствами.

В мае 1942 года гестапо прознало о ее связях с партизанами. Патриотке грозила смерть, однако добрые люди вовремя предупредили об опасности, и она ушла к бежичкам партизанам. Гитлеровцы нагрянули в дом, где она жила, сожгли его, схватили мать и сынишку и повесили... Долго бойни скрывали от Любы эту трагедию, а когда она обо всем узнала, горе враз согнуло ее, взгляд стал таким скорбным и страдальческим, что жутко было смотреть ей в глаза... Преображалась она только у операционного стола. Тут ей равных не было.

Неразлучными подружками в отряде совхоза «Красный кооператор», а затем в отряде имени Чапаева были санитарки Женя Суцая и Паша Левая. Но главным своим партизанским делом считали вылазки во вражеские гарнизоны. Они, как никто другой, умели незаметно проникнуть в эти осиные гнезда и затеряться среди гитлеровцев и полицаяв. Несколько раз ходили в разведку в Бежицу и Брянск, а это было непростым и небезопасным делом. Паша Левая дважды пересекала линию фронта, устанавливая связь с частями Советской Армии. Перейдя с отрядом в Клетнянские леса, они и там исколесили всю округу.

Под стать им была и Галина Петровна Чернявская, тогда просто Галя. Начиная она свой партизанский путь в отряде горотдела УНКВД, а позже действовала в отряде имени Чапаева. В один из зимних дней 1943 года она вместе с Виктором Нечаевым отправилась на разведку в деревню Воробейно, в которой располагались отряд немецкой жандармерии и полицейская управа. В гарнизон Галя проскользнула удачно, а Нечаева опознали. Тот пытался убежать, но был ранен, схвачен и, как позже стало известно, расстрелян. Галя же перепочевала в доме одной из надежных семей. Целый день потом осторожно ходила по деревне и разведала все, что требовалось.

Вечером направилась в обратный путь. Отошла уже с километр и неожиданно столкнулась с группой полицаяв.

— Ба! Никак знакомая?! — закричал один из них. — А ну-ка, вверх ручки. И не трепыхаться! — Он тут же перехватил ее правую руку и велел своим приятелям: —

Достаньте запрятанную у нее на груди гранату. За такую и крест можно заслужить.

— И заслужишь крест, только осиновый, полицейская твоя морда! — зло проговорила Галя.

Привели партизанскую разведчицу в полицейскую управу, потом закрыли в какой-то бане и приставили часового. Когда конвоиры удалились, тот прищип к двери и тихо проговорил:

— Плохи твои дела, девонька. Тебя уже давно ищут. — Осторожно оглянулся и добавил: — А я тебя знаю. Как-никак — тоже бежичкий...

— Как же ты мог податься в фаннистскую полицию? — возмущенно отозвалась Галя.

— А черт его знает как. Попал вот... Прихватили меня на базаре, обвинили в воровстве и бросили в кутузку. На допросах вопрос поставили ребром: «Или иди в полицию, или повесим».

— Сколько же ты предал и казнил наших советских людей?

— Чего не было, того не было, — спокойно ответил полицейский. — Крови советских людей на мне нет.

— Так почему же не убегаешь из полиции? — допытывалась Чернявская.

— А куда побежишь? И там, и здесь — один конец. Попадись тому же Денисову ванему, он тоже не станет разбираться, пленнет, как собаку. Загнало нас гестапо в угол, как баранов, и одна нам дорога — на бойню.

— Это кто же тебе сказал, что партизаны всех полицаяв расстреливают? — возмутилась девушка. И вдруг решила: — В общем, так: выпускай меня и бежим вместе в лес. Уже за одно это тебе многое зачтется. Решай, да побыстрей!

— Эх, была не была! — выдохнул часовой. — Если и погибну, то хоть перед смертью совершу благое дело. — И быстро открыл дверь.

Добрались они уже до опушки леса, когда в гарнизоне поднялась тревога и по их следам началась погоня.

— Держи гранату! — распорядился часовой. — Обойдем немного стороной, выйдем им навстречу, затаимся и ударим. Они все равно не отстанут.

Подпустили они преследователей шагов на двадцать. Метнули в них две гранаты, новый спутник Чернявской рубанул длинной очередью из немецкого автомата.

— Вот так-то оно надежнее! — процедил он сквозь зубы. — Теперь пошли, погони до утра не будет.

В отряд возвратились благополучно.

Николай Золотухин, бывший полицейский, оправдал доверие партизан и искупил свою вину перед Родиной, сражаясь в отряде, а позже в рядах Советской Армии.

Тяжелые испытания выпали и на долю партизанки-разведчицы Ирины Николаевны Кричунович. В детстве она осталась круглой сиротой, воспитывалась в детском доме. Окончив училище школьных работников, решила посвятить себя работе по воспитанию детей. Но война поломала эти планы. Неоднократно пробивалась на прием к военкому, просила, требовала направить ее на фронт, но тот каждый раз отказывал. Наконец, выслушав ее очередную просьбу, он заявил, что дело для нее нашлось, и позвонил в горком комсомола. И вот она нацепила все свои значки и предстала перед партизанскими начальниками Горбачевым, Тресиковым и Бруком. Выслушали они ее короткую биографию, и Горбачев сказал:

— Что нормы ГТО сдала — это хорошо, сандружинница — еще лучше, ворониловский стрелок — это тоже здорово, а главное — комсомолка. Так что ты нам по всем статьям подходишь.

В отряде Ира быстро освоилась, не гнушалась никакой работы, в боевой учебе была прилежной и старательной. Основными ее обязанностями стали походы во вражеские гарнизоны. В самом начале она участвовала в разведывательном рейде в Орловские Дворики на Жиздринской дороге. Это тогда, пользуясь ее сведениями, бежицкие партизаны устроили засаду, разгромили немецкий конвой и освободили около 5000 пленных красноармейцев.

Через несколько дней Ирина и Борис Горный побывали в Бежине. Двое суток занимались сбором нужных сведений и благополучно возвратились. А следующий поход в этот город она совершила вместе с Женей Сушей и Пашейевой. Вернулись в лагерь, как и прежде, не с пустыми руками.

В один из февральских дней 1942 года Кричунович получила задание разведать железнодорожный узел Брянск-1. Нужно было идти километров тридцать. Ее сопровождали два партизана. На выходе из леса подошли к дому лесника Журавкова. Ирина направилась к жилищу одна, а ребят попросила затаиться на опушке, пока не даст сигнал.

Едва девушка вошла в сени, как тут же была схвачена полицейскими. На допросе вела себя спокойно и давала показания по заранее разработанному варианту. Лесник, знавший Иру как партизанку, не выдал ее. Полицейские, ничего не заподозрив, покинули дом, но тут же заметили не вовремя показавшихся на дороге двух партизан и открыли по ним огонь. В завязавшейся перестрелке спутники Ирины были убиты. Девушку снова схватили и на этот раз увели в комендатуру. Там допрашивали уже изощренными гестаповскими методами, но все равно ничего не добились. Комендант, потерявший надежду что-либо выведать у нее, распорядился расстрелять партизанку.

Но его помощник, самоуверенный фашист, мпивший себя искусным психологом, взялся морально сломить девушку, хитрыми ловушками заставить ее говорить. Поместили Ирину в его доме, и он собственноручно закрывал ее на замок в темной кладовой. Каждый день по несколько раз гестаповец принимался вести с ней «душещипательные» беседы, пытаясь убедить ее в том, что теперь партизаны ей не поверят, посчитают предательницей и расстреляют. Затем стал брать с собой на прогулки. Не такой уж оказался он безобидный, этот гитлеровский «психолог». Сколько душевных мук и страданий перенесла Ирина! Потом, уходя, он перестал закрывать ее на замок, полагаясь на бдительность часового.

Долго девушка изучала возможность побега, но все было накрепко перекрыто охрапой и ограждением из колючей проволоки. Однажды она приделалась, взяла в руки сумочку и продуктовую корзинку и постучала. Часовой открыл дверь. Ирина решительно шагнула за порог, весело поздоровалась с солдатом и небрежно заявила:

— Господин обер-лейтенант просил пойти на базар. Он будет там ожидать меня, чтобы вместе закупить продуктов.

Еще раз улыбнулась. Обескураженный часовой смутился, тоже расплылся в улыбке и пожелал удачных покупок. Что Ира переживала в эти мгновения? Ноги у нее дрожали и подкашивались. Стараясь унять волнение, не тропясь уходила дальше и дальше, не оглядываясь назад. Затем укутала голову и плечи прихваченной с собой скатертью и смешалась с группой женщин, проходивших мимо. Когда поднялась тревога, Ирина уже бежала через

кустарники, сторонясь дорог, и через день возвратилась в партизанский лагерь.

Через несколько дней Кричунович направили за линию фронта со всеми добытыми разведывательными данными, и в отряд она уже не возвратилась. До конца войны Ирина действовала в составе армейского разведывательного подразделения.

В числе первых бежицких партизанок была Шура Корнеева. Маленькая росточком, она обладала изумительной выносливостью и ловкостью. За умение быстро и скрытно переползать от одного раненого к другому, а попутно и подбросить пулеметчикам патроны, многие партизаны звали ее Шустренком. Над бедой других она горько плакала, а свою слово и не замечала.

Сложна и невыразимо тяжела была жизнь партизанок. Им требовалось знать и уметь очень многое — от стирки белья и перевязывания ран до минирования дорог. В ходе боев против карателей они, как и все партизаны, нападали, отбивались, скитались по лесам, сутками сидели в болотах или в глубоком снегу. Но Шуре Корнеевой все было по плечу.

— Ну и везучая ты у нас, Шустренко! — часто с восхищением говорили товарищи.

И в самом деле, в каких только переделках не побывала она за два тяжких партизанских года — и ни одного ранения не получила. Но в июле 1943 года сломала ее болезнь и совсем доконал голод. Большую, с тяжелой формой дистрофии, отправили Шуру самолетом на Большую землю. Выздоровев, Шустренко приехала в свою родную, уже освобожденную от оккупантов, Бежицу.

Многое можно рассказать и о подвигах прекрасной лыжницы, неутомимой разведчицы Валентины Ледневой. Чаще нее, пожалуй, никто из девушек не ходил в дальние походы, особенно зимой, когда требовалось использовать лыжи.

Однажды — это было в конце 1942 года, — находясь в разведке, Валентина Леднева и Владимир Дворянчиков нарвались на немецкую засаду. Отстреливаясь, стали отходить и сумели оторваться от преследователей, но в наступившей темноте потеряли друг друга. Всю ночь бушевала вьюга. Утром Дворянчиков с группой партизан ушел на поиски пропавшей разведчицы. Долго искали ее по всем тропам.

А случилось вот что. Увидела она тогда, что Володи Дворянчиков отвлекает фашистов на себя, уводит их за собой, и бросилась в другую сторону; но вдруг провалилась в какую-то яму. Лыжи хрустнули. Выбираясь из ямы, потеряла рукавицы. Слышит — стрельба близко, крики на немецком. Напрягая силы, утопая в глубоком снегу, проползла с десяток метров, притаилась. Затихли стрельба, крики. Где она? Куда идти? Жутко одной, страх сковывает душу. Послышался вой голодных волков. Или показалось?..

Опершись на винтовку, почувствовала холодок металла, и все стало возвращаться к нормальным, привычным ощущениям. Патроны еще есть, лимонка тоже — обычная спутница на тот крайний случай, если схватят живьем. Почувствовала Валя, что начинает замерзать, на сон потянуло. Не поддаваться! Собрала силы, встряхнулась и побрела... неизвестно куда. «Лишь бы не стоять, лишь бы не упасть... Идти и идти! — твердила она про себя. — Иначе — смерть».

Всю ночь шла как в бреду. Лицо, руки и ноги чувствовать перестала, как будто их и нет совсем. Перед рассветом небо вызвездило. Увидела Валя Большую Медведицу, отыскала взглядом Полярную звезду, определила, в каком направлении должен быть партизанский лагерь. Стиснула зубы и, тяжело передвигая непослушные, как налитые свинцом, ноги, опираясь на винтовку, как на посох, побрела в ту сторону. Последнее, что она помнила, это густой-густой туман, а в нем скользят люди — то ли свои, то ли враги... Вдруг отчетливо увидела знакомое лицо Володи. И упала в снег.

Пришла в сознание, когда ее, уже в землянке, растерали снегом. У Вали были обморожены лицо, руки, ноги... Врач Батюнин три долгих месяца боролся за жизнь разведчицы и победил.

Самой первой партизанкой из местных жителей стала молодая девушка, комсомолка, сандружинница и спортсменка Рита Васюкова. Еще в начале ноября 1941 года она по заданию командира роты Шпадарева побывала в нескольких вражеских гарнизонах. И все — удачно. А вот в последнем походе в деревню Чайковичи ее опознал один из полицаяев и пытался арестовать. Только счастливая случайность помогла спастись Рите. Погнавшись за нею, полицейский сломал себе ногу. Пока прибежавшие «коллеги» оказывали ему помощь и пока он втолковывал

им, что гнался за партизанской разведчицей, девушка успела скрыться. После этого посылать ее в разведку в здешних местах было рискованно, и Васюкова выполняла другие боевые задачи, действуя в партизанском отряде вплоть до полного изгнания гитлеровцев.

Второй такой партизанкой, из местных жителей, была молоденькая техник-фармацевт сельцовской аптеки Аня Пантюхова. С первых дней оккупации она активно помогала местному отряду Демочкина.

Встретились как-то партизаны Домашовского отряда с Демочкиным, и тот, услышав про их «медицинские бе-ды», сказал:

— В поселке Сельцо есть надежная девушка — медик. Ей пора уходить оттуда, так как оккупанты кое-что про нее пропюхали. Забирайте ее, да только поскорее.

В ближайшую же ночь партизаны пришли по указанному адресу. Аня быстро собралась, повела бойцов в аптеку, и те забрали все, что было нужно. Боевая и веселая девушка, она сразу же полюбилась партизанам Домашовского отряда. Однако вскоре произошла стычка с оккупантами в поселке Чернетово. Рядом с Пантюховой разорвалась немецкая мина, и девушка была ранена осколками в обе ноги. Отправили ее в медсанчасть к врачу Батюшину. Подлечившись, Аня попала, временно, как ей сказали, в Молодежный отряд, да так в нем и прижилась. Много раз ходила на минирование шоссе и железных дорог. С присущим ей задором, в душе подражая чапаевской Анке-пулеметчице, стала изучать станковый пулемет. Потом пулеметчика Михаила Маркина перевели в другой отряд, «максим» у него принял Николай Макаров, а его вторым помером стала Аня Пантюхова.

Надолго запомнился ей бой в деревне Корчминки. Фашисты наскочили на группу партизан, находившихся в засаде. Хлестнул по ним Макаров кинжальным огнем, Аня ловко направляла пулеметную ленту. Но вот кто-то из бойцов охнул, и пошло по цепочке:

— Аню, Аню срочно сюда!

— Беги, Аннушка, кого-то, видать, задело, — сказал Макаров. — А я пока один обойдусь.

Подбежала Пантюхова к раненому, быстро оказала первую помощь и распорядилась унести его в медсанчасть. И тут смолк «максим». Как ветром подхватило Аню. Не маскируясь, не таясь побежала к Макарову. А он один никак не мог выправить перекосившуюся ленту

с патронами. Упала девушка около пулемета, рванула на себя ленту, утратила перекос патрона. А на них уже навалилось около десятка врагов. Забился пулемет в руках Макарова, и разметало по сторонам карателей...

В одном из июньских боев 1943 года Аня Пантюхова и ее наставник Николай Макаров при прорыве вражеского кольца прижали противника к земле своим пулеметным огнем. Вдруг Макаров вздрогнул и замятво откинулся на спину... Аня припала к пулемету и продолжала вести огонь. К ней приполз боец Гальпер и заменил второго номера. Через несколько минут здесь оказался Дурнев с группой партизан. Они подхватили «максим», и все устремились в образовавшийся свободный коридор.

Осенью 1943 года вместе с боевыми друзьями-партизанами Аня Пантюхова торжественно вошла в освобожденную Бежицу.

Сложный путь мытарств, конспиративных ухищрений прошла Вера Никитична Мирошина. Чем больше она выполняла заданий партизанского командования, тем сильнее сужали гитлеровцы и полиция круг поиска ее.

Гестапо напало на след разведчицы в Толбине, но Вера Никитична успела укрыться в лесном кордоне Кафельном. Гитлеровцы и здесь обнаружили партизанку. Тогда она ушла в лес в отряд имени Виноградова и в его составе сражалась до полного освобождения Бежицы и Брянска.

Нельзя не сказать еще об одной отважной партизанке — Антонине Ивановне Сафроновой, которая начинала свою боевую биографию в качестве связной между бежичскими партизанами и местным населением. Хорошо законспирировавшись, она долго была вне подозрений полиции и гестапо. Однако во время блокады партизанской зоны карательными войсками над ней нависла прямая угроза ареста и зверской расправы. Но так уж удачно получилось, что перед самым налетом гитлеровцев она ушла из дома на связь с партизанами. Враги нагрянули и, не застав ее дома, устроили засаду. Но, как говорится, свет не без добрых людей. Возвращаясь из леса, Антонина Ивановна заметила на крайнем плетне борону, ранее там никогда не висевшую. Что-то подсказало ей, что нужно быть осторожной. Вместо улицы она стала крадучись пробираться огородами. Вдруг из-за плетня послышался детский голос:

— Теть Тонь, а теть Тонь, слышишь меня? У вас дома засада. Фашисты хотят тебя схватить. Скорей уходи назад!

— Слышу, родной, спасибо! — тихо отозвалась Антонина Ивановна и поспешила обратно в лес.

В составе отряда виноградовцев она и прошла весь тяжелый путь борьбы вплоть до изгнания оккупантов с брянской земли.

Анна Литина... Перед войной работала начальником Любохонской железнодорожной станции. Представительная женщина лет тридцати, с решительным, независимым взглядом строгих и в то же время добрых глаз. Глядя на таких, невольно вспоминаешь слова поэта: «Есть женщины в русских селеньях...»

С приходом оккупантов Анна ушла в один из бежичских партизанских отрядов, расположенный в Улемльском лесу. Никто никогда не видел ее праздно сидящей, сама искала себе работу.

Вызвалась она однажды на разведку в Любохну. Евгений Рудольфович Берндт предупредил:

— Будьте осторожней. Ведь там вас все знают.

— Кто меня знает и кого я знаю, те не выдадут, — ответила Литина. — А кто не знает, так, узнав, тоже не выдаст. Опаснее всего те, кого мы не знаем или знаем плохо, а знать бы обязаны...

Ушла она в Любохну и пропала. Прибегает другая разведчица и, захлебываясь слезами, докладывает, что Литину схватили полицаи.

— Ну, командир, надо выручать, пока не поздно, — проговорил политрук.

Подняли по тревоге отряд, связались с партизанами Пуклипа и вечером на подводах ворвались в Любохну. Окружили дом старосты, вышибли дверь и ворвались вовнутрь. Староста, заикаясь от испуга, сообщил, что Литину опознал и задержал старший полицейский Рясной, который перед войной работал в охране железнодорожного моста, и этот Рясной сейчас держит ее у себя. Повел он партизан к полицаям, постучал к нему и попросил открыть дверь. Рясной, почувствовав опасность, дверь не открыл, а прильнул к ней, прислушиваясь. Бойцы выстрелили по двери из автоматических винтовок, а затем высадили ее. Полицейский валялся убитый. Анну Литину нашли в кладовке связанной, да еще и прикрученной к стенному крюку.

Утром Рясной собирался лично отвезти ее в Бежицкое гестапо...

В первых числах марта 1942 года Анна Литина в тяжелом бою против карателей погибла. Смертельно раненная, истекающая кровью, слабеющей рукой метнула она последнюю гранату в гущу врагов...

И несколько слов о Шуре Скотниковой. Пришла она в партизанский отряд, когда в нем уже сражался ее отец Григорий.

— Я комсомолка, — заявила она отцу, — и не могу сидеть дома сложа руки и ждать, когда меня погонят в Германию. Я обязана сражаться за свою Родину.

В отряде Шура с первых же дней зарекомендовала себя смелой разведчицей и отличным стрелком. В начале марта 1942 года командир отряда Берндт направил ее и партизана Лаврентия Маршалко в разведку. Около поселка Пленки их задержали каратели. Во время допроса партизан опознал и выдал староста. Под руководством офицера гестапо гитлеровцы долго пытали их самыми изверскими методами. Убедившись, что от Маршалко ничего не добьешься, палачи попытались сломить сопротивление девушки. Позже захваченный партизанами староста, выдавший разведчиков, рассказал, что Шуре перебили пальцы рук, выламывали предплечья так, что она теряла сознание. Изуродовали Александру Григорьевну Скотникову и Лаврентия Никифоровича Маршалко так, что даже самому предателю было страшно смотреть на их тела...

Огромную, поистине неоценимую помощь партизанским отрядам оказывало население. Число отважных патриотов определить просто невозможно. Если еще запомнились те, кто был постоянно связан с партизанами и активно, рискуя жизнью, выполнял их задания, то имена многих из тех, кто помогал, но не числился партизанским разведчиком или связным, остались неизвестными. Жаль, конечно, но таковы были условия борьбы с оккупантами в их тылу...

Но и имена всех активных партизанских помощников и их наиболее яркие боевые свершения перечислить трудно — так много их... Тем не менее автор считает необходимым хотя бы коротко сказать о некоторых из них.

В селе Голяжье жила дружная семья Гришковых. Старший сын Василий сражался в рядах Советской Армии. Илья, средний брат, был в партизанском отряде, а младший, Виктор, с сестрой Сашей действовали как партизанские разведчики, проживающие в селе. Нашлись предатели, которые донесли на Виктора. Полицейские уже шли к нему, чтобы арестовать, но верные люди предупредили разведчика об опасности. Виктор перемахнул через забор, огородами ушел из села и добрался до партизанского отряда.

Через некоторое время, вырвавшись из окружения, буквально приполз в Голяжье тяжело раненный лейтенант Василий Гришков. Как могли, укрыли родители сына от шпыряющих полицаев и стали врачевать домашними средствами. Да разве скроешь такое... Нависла угроза ареста. И снова предупредили хорошие люди. Ночью приехал из леса на лошади Виктор и увез брата в партизанский отряд. Нагрянули полицаи, перерыли все и ушли. А раненого в это время уже лечил партизанский врач Батюнин.

Нужно было увозить и сестренку Сашу, но та заупрямилась, заявив, что она — вне подозрений и, как бы ни было опасно, будет выполнять свой комсомольский долг. Несколько месяцев девушка, искусно заматывая следы, добывала ценнейшие сведения. В какие только переплеты ни попадала, однако все заканчивалось благополучно. Но выдал предатель и ее. Несколько дней гестаповцы терзали разведчицу самыми изощренными способами, но девушка до последнего удара сердца не проронила ни слова. Озлобленные гитлеровцы окружили дом Гришковых, заперли в нем отца и мать, заколотили окна, облили бензином и подожгли.

Дошла эта страшная весть до братьев. Почернели их лица, застонал младший Виктор, но Василий, как старший, встряхнул его за плечи и хрипло процедил:

— Не раскисать! У нас слишком велик счет к фашистам...

На место погибших патриотов Гришковых стали семьи Панасовых и Кадиковых. Через них отряд получал ценные сведения не только о Бежице, но и о Брянске.

Село Липово оккупанты называли партизанской столицей, а сами бежичские партизаны — своей опорной базой. Все дороги из Бежицы и Сельца в лагерь у Круглого озера шли либо через Липово, либо через Можерь.

В первых числах ноября 1941 года рота Михаила Гудакова разгромила на любохонской дороге небольшую ко-

лонну машин с полевой жандармерией и освободила бывшего бригадира колхоза из села Липово Ивана Митрофановича Терешипа. С этого момента Иван Митрофанович стал работать на партизан. Однажды, получив предписание оккупационных властей вывезти в Сельцо колхозный хлеб, хранившийся в церкви, он связался с Гудаковым и передал хлеб партизанам. Жители, по рекомендации партизан, избрали его старостой села, и он всячески срывал выполнение директив оккупантов. Когда нависла прямая угроза его ареста, он успел уйти в лес. В партизанском отряде Терешип сражался до изгнания захватчиков с брянской земли.

Семья его — жена Галина Николаевна, дочь Валентина и сын Михаил — вынуждена была покинуть родное село и искать приют в других деревнях. Но полиция и гестапо напали на их след, схватили и всех троих расстреляли...

В доме Егора Ивановича Бораненкова была нелегальная штаб-квартира бежичских партизан. Здесь Виноградов часто проводил совещания командного состава отрядов, расположенных и у Круглого озера, и в Першинском лесу, у озера Святое, и под Любохной, в Улемльском лесу.

Егор Иванович был уже в преклонном возрасте, отличался открытой душой и радушием, трезвостью суждений. Александр Иванович Виноградов любил побеседовать с ним на разные житейские темы.

Как-то, готовясь к очередной операции, заехал к Бораненковым с группой партизан командир роты Гудаков и попросил Егора Ивановича подсказать, на кого можно положиться в соседнем селе Дорожово. Хозяин хорошо знал всех жителей этого населенного пункта и дал исчерпывающую характеристику каждому. А в заключение посоветовал не очень-то доверять тем, кто, как говорится, низко стелется, со всем соглашается, и внимательнее прислушиваться к тем, кто хотя и ершист, но откровенен, не боится возражать.

— Кто с чистой совестью, тому нечего лебезить, — сказал старик. — Он запросто резанет правду-матку в глаза, хотя начальству это часто бывает не по нутру.

Хозяйка дома Елизавета Евсеевна пригласила партизан к столу, угостила душистыми щами. Быстро поев, гости стали собираться в путь.

— А ты, Маша, чего это так укутываешься? — удивилась Елизавета Евсеевна, заметив, что ее дочка одевается основательно, как для дальней дороги.

— Надо, мама, надо,— спокойно, но твердо ответила Маша.— Я поеду с ними. Лучше меня да отца этого дела никто не знает.

— Какого такого дела? — не отступалась мать.— Вот дожидка — родная дочь и муж от меня скрытничать стали...

— Угомонись, мать, не шуми,— сказал Егор Иванович.— Никто от тебя ничего не скрывает. Но задание есть задание, и о нем говорить не положено.

Долгое время семья Бораненковых изо всех сил помогала бежицким партизанам. Но в июне 1942 года каратели неожиданно нагрянули в эти места, сожгли все прилесные деревни. Дочь Мария успела уйти в партизанский отряд. Егор Иванович и Елизавета Евсеевна скрывались в лесах, часто появлялись в деревнях, поддерживали тесную связь с родным отрядом. А через год фашисты схватили их и расстреляли за помощь партизанам...

В тесном контакте с семьей Бораненковых была семья Данченковых. Сын Александр зарекомендовал себя толковым разведчиком. Его мать Анастасия Евсеевна, преследуемая оккупантами, около года скрывалась в лесных шалашах и землянках, переходила из одного лесного лагеря в другой. Полиция и гестапо, зная о ее связях с партизанами, искали ее повсюду и отказались от этой затеи лишь после того, как она переправилась из лесов за Десну.

Работала в селе Липове учительницей Степанида Николаевна Завадская. Как только в ноябре 1941 года в этот район перебазировались бежицкие партизанские отряды, она стала активно помогать им. Скоро к ней пришла сестра Татьяна, тоже учительница, работавшая в другом населенном пункте. Они быстро нашли общий язык и стали вместе сотрудничать с партизанами.

Любили и всячески оберегали жители Липова своих учительниц, часто шли к ним за советом. А сестры, на свою беду, верили каждому человеку и открыто говорили о закономерном и неизбежном разгроме врага Советской Армии. Но нашелся предатель и донес на них. В конце декабря 1941 года каратели схватили Завадских, долго допрашивали и мучили их. Советские патриотки откровенно говорили офицеру гестапо все, что они думают и о нем как о палаче, и обо всей гитлеровской шайке. Не утратили они твердости духа и во время расстрела...

Деятельно сотрудничала с партизанами Бежицы и вся семья Митрофана Андреевича Терешина, проживавшая в

этом селе. Их дом всегда был надежной базой бежицких партизан. Жена, дочь и невестка Митрофана Андреевича шили, стирали, чинили партизанскую одежду и выполняли другую работу.

Однажды братья Терешины и их племянник случайно прослышали, что в одном из ближайших от села урочищ спрятаны рогатые минометы и мины к ним. Терешины пробрались туда. Так и есть: три миномета и ящики с боеприпасами. Буквально под носом у противника погрузили находку в сани и увезли в партизанский лес. Так, со своей собственной «малокалиберной артиллерией» они и вступили в один из бежицких партизанских отрядов.

В июне 1942 года, спасаясь от карателей, Митрофан Андреевич с женой, дочерью, невесткой и малышами внуками успели уйти в лес. Целый год кочевали с места на место, замывая за собой следы. И все-таки не убереглись... Окружили эсэсовцы обитателей лесного лагеря и принялись расстреливать из автоматов. Стариков, женщин, детей... Среди жертв этой варварской акции оказались и Митрофан Андреевич с женой и малолетними внучатами...

А вот еще одна семья — тоже Терешины. Ее глава Анисим воевал на фронте. Сын Алексей, партизанский связной и разведчик, погиб в бою с карателями в апреле 1943 года. Его мать, Полина Дмитриевна, после гибели сына тоже стала разведчицей. В какие только гарнизоны не проникала для сбора ценной информации!

Осенью 1942 года, выполнив очередное задание по разведке в любохонском гарнизоне, Полина Дмитриевна возвращалась вместе с Евдокией Маракиной, помогавшей ей добывать сведения. Неожиданно перед ними возникла группа полицейских и гестаповцев. Напустив на себя самый что ни на есть беззаботный вид, разведчицы продолжали свой путь.

— Хальт! Хенде хох! — как выстрел хлестнула команда.

Сбили их с ног и потащили к любохонскому большаку. Тут и повесили на сучу придорожного дуба...

В ноябре 1941 года с советского самолета над партизанским лагерем у Круглого озера были сброшены листовки с речью И. В. Сталина, произнесенной на военном параде в Москве. Командир роты Шпадарев, политрук Борисенко и член парткома Гавриличев с группой бойцов выехали для проведения беседы среди жителей деревни

Можерь, являвшейся главной перевалочной продовольственной базой лагеря.

Политрук зачитал речь Сталина. Чтение несколько раз прерывалось аплодисментами.

— Значит, живы наши сыночки, живы, раз на параде в Москве были! — со слезами на глазах говорила пожилая женщина. — Недаром я намеренно во сне видела, будто мой Андрюша и Степа длинными мечами рубятся с многоголовой гидрой. Отрубили ей уже несколько голов, а она все огнем пышет и пышет. Я как закричу: держитесь, мол, сыночки, крепитесь! Тут будто подлетает на лихом коне герой Чапаев да как рубанет со всего маху ту гидру острой пашкой, из нее и посыпалась какая-то труха.

— Фашистскую гидру с одного маху не срубишь, — степенно заявил один из стариков. — Вот если мы крепко объединимся с партизанами, тогда, может, и сон твой сбудется.

— А вот мы сейчас и решим это, — выступил вперед другой мужчина, помоложе. — Дело это всей нашей жизни и смертельно опасное, а потому принуждать никого не след. Для полного порядка давайте проголосуем. Кто за то, чтобы объединиться с партизанами и идти вместе с ними до гробовой доски, а еще лучше — до нашей победы, прошу поднять руки!

Взметнулись руки всех сельчан.

— Раз все так дружно проголосовали, то разрешите и нам быть с вами вполне откровенными, — обратился к собравшимся командир партизанской роты Шпадарев. — Деревушка ваша совсем рядом с лесом и с нами. Даже если бы вы и не объединились с нами, все равно оккупанты деревню сожгут и учинят расправу. Вот что мы вам предлагаем. Все женщины с малолетними детишками и немощные старики должны потихоньку уйти в деревни, расположенные подальше от леса, и там искать пристанища. Нет другого выхода, дорогие наши женщины! Никак иначе нельзя спасти вас и ваших детишек. Что же касается остальных, то для них нужно раздобыть оружие. В этом деле и мы вам поможем. Будем вместе ходить по лесам. Может, придется сотни километров исколесить, а затем снова возвращаться, и все с боями. И так — до полного освобождения нашего края.

Так и поступили жители этой деревушки, и стала она, пожалуй, самым первым в полной мере партизанским населенным пунктом.

В блокаду июня 1942 года жители ушли в лагерь и сражались в рядах бежицких партизан, а деревню оккупанты сожгли. Потом для разведки и связи с другими населенными пунктами были посланы бывшие жители Можери Иван и Татьяна Алешины, Анна Салогуб, Анна Симкина, Григорий Финогенов, Ираида Негода и Фени Голубкова. Они проходили мимо того, что осталось от их родной деревни. Здесь каратели со свирепыми овчарками окружили разведчиков. Схватили Татьяну Алешину, остальным удалось бежать. Татьяну гестаповцы долго пытали и, ничего не добившись, расстреляли...

Особое место среди прилесных населенных пунктов занимала небольшая деревня Першино. Уже в середине ноября 1941 года третья рота партизанского батальона завода «Красный профинтерп» заняла ее и установила тесную связь с населением. Активными помощниками бежицких партизан стали Иван и Семен Ланцовы, Владимир Якушев, Нефед и Василий Ратниковы, Гавриил Никишов, Антон Байдашов, его дочь Елизавета и сын Николай.

Особенно укрепилась связь партизан с жителями этой деревни с января 1942 года, когда в Першинском лесу, недалеко от Святого озера, была создана новая партизанская база, где разместились отряды Журавлева, Морозова и автора этих строк. Многие першинцы выпекали хлеб и стирали белье для партизан. Три деревенских бани топились ежедневно. Там же организовали и немудреный партизанский госпиталь. Жители приносили простыни и резали их на бинты, помогали перевязывать раненых и ухаживать за ними. Добровольными сестрами милосердия стремились стать все девушки и женщины.

В деревне организовалась из подростков группа содействия партизанам, верховодил ею Николай Антонович Байдашов (именно так, полным именем, обращались к нему и стар и млад, хотя Антоновичу этому было всего пятнадцать лет). Семен Дмитриевич Ланцов, степенный и рассудительный мужчина, стал первым начальником першинской самообороны. Его дом превратился в своеобразный штаб, куда стекались все сведения и откуда уходили связные и разведчики на выполнение заданий и передачи соответствующих указаний жителям. Неутомимым проводником партизан был «дед Нефед» — Нефед Иванович Ратников. Перевалило ему тогда уже за семьдесят лет...

С приходом сюда в апреле 1942 года Брянского сель-

ского отряда имени Щорса эта деревня перешла в его «ведение», и связи бежицких партизан с жителями прервались. А через месяц каратели предали Першино огню. Жители, вовремя предупрежденные партизанами, скрылись в лесу и около года обитали в шалашах и землянках. А потом до них добрались эсэсовцы и учинили кровавую расправу. Убивали всех без разбора. Расстреляли Нефёда Ивановича и Василия Тихоновича Ратниковых, а также малолетних сынишек последнего Ваню и Федю. В разгар этой бойни Антон Моисеевич Байдашов бросился в речушку и, забившись под корягу, просидел до ночи, а потом сумел скрыться от карателей. Убежал к партизанам его пятнадцатилетний сын Николай. Однако эсэсовцы схватили и расстреляли жену Антона Моисеевича Акулину Даниловну, их взрослую дочь Елизавету, сынишку лет двенадцати Ваню и трехлетнюю дочурку Раю. Разъярившиеся звери с обличем людей расстреляли больного Семёна Дмитриевича Ланцова, его жену Варвару Филипповну и их грудного ребенка, четырнадцатилетнего сына Анатолия, двенадцатилетнюю дочь Аллу... Уже убираясь восвояси, каратели наткнулись на следы убежавшей семьи Никишовых. Пустили по следам овчарок, догнали, затравили собаками...

Немногие уцелевшие жители Першина разбрелись по лесам и урочищам и еще долгих три месяца скитались, изнемогая от голода и болезней, пока, наконец, не были обнаружены и отправлены в госпитали бойцами одной из наступавших частей Советской Армии.

Небольшой поселок Головашки располагался в середине зоны, контролируемой бежицкими партизанами между Соколовским и Першинским лесами. Когда отряды заняли населенные пункты, то в этом поселке расположился штаб объединенных бежицких отрядов. Выражаясь сугубо военным языком, здесь был командный пункт партизанского формирования. Жители Головашек активно включились в строительство оборонительных сооружений, а двенадцати-пятнадцатилетние мальчишки стали самыми быстрыми связными.

В поселке Озерки главную явочную квартиру устроили в доме Петра Ивановича Аленичева. Сам Петр Иванович до войны работал лесником и всю округу знал прекрасно. Как проводник не имел себе равных. Его сыновья Александр и Николай считались смелыми и хитрыми разведчиками.

Но и враг был хитер и коварен. В декабре 1941 года Николая, выполнявшего разведывательную задачу в крупном гарнизоне, выследили, он погиб в завязавшейся перестрелке. Александр ушел в один из бежицких отрядов. При нападении карателей на Озерки в июне 1942 года Петр Иванович вместе с женой и малолетними дочерью и сынишкой успели уйти в лес и избежать неминуемой гибели. Около года скрывались в лесных шалашах, но однажды гитлеровцы окружили их лесное убежище, схватили и расстреляли Петра Ивановича за его связь с партизанами. Вместе с ним погибли жена, дочь и сынишка...

В маленьком поселке Селище проживал и работал охотчиком лесхоза Артем Дмитриевич Авдошенко с женой и дочерью. С первых дней пребывания бежицких партизан у Круглого озера он стал их надежным связным, проводником и разведчиком. Преклонных лет, с широченной вьющейся бородой, он казался старше своего возраста; был удивительно подвижен и, что называется, по-юношески легок на ногу. Где только не побывал «дед Артем», он же Кукушка, в разведке! В своем доме он организовал пункт наблюдения и установил сигнализацию для партизанских постов. Дочь Вера вместе с матерью выпекала для партизан хлеб и стирала белье. Активная, деятельная и энергичная, как и ее отец, она не пожелала ограничивать себя хозяйственными заботами и попросилась в разведку. Исколесила, и не один раз, всю округу, собирая ценные сведения для партизан. Затем, когда облавы оккупантов участились, пришлось всей семьей перейти в отряд имени Виноградова.

Хотя лес и назывался Соколовским, но деревня Соколово располагалась вне лесного массива, поэтому базироваться в ней партизаны не могли. Часть мужчин они переправили через линию фронта в Советскую Армию, а часть приняли к себе. Всем, чем могли, помогали жители партизанам и часто укрывали их разведчиков.

В один из дней января 1942 года А. М. Паршиков, К. Н. Прокопов и Б. Л. Горный, возвращаясь из дальней разведки, на рассвете завернули в Соколово. Зашли в один из домов попить воды, отдохнули малость и собрались уходить.

— Ну как же это? — обиженно развела руками хозяйка. — Разве ж так положено? В печи варево готово, да и хлеб есть, а вы, голодные и промерзшие, так и уйдете? Может, и наши мужья и сыновья вот так же где-то мы-

каются по ночам да бьются с проклятыми иродами... Значит, и с ними вот так же? Нет, и думать не можете!

Сдались партизаны, отдали должное свежему картофельному супу, только принялись за гречневую кашу, как ворвалась в дом соседка.

— Фашисты деревню окружили! Сюда идут! — вына-лила она.

Схватили партизаны винтовки, выскочили на крыльцо и тут же отпрыгнули назад: все отходы были отрезаны. Хозяйка дома не растерялась и принялась распоряжаться:

— Ты,— показала она на самого старшего по возрасту,— мой муж. Ты,— кивок на самого младшего,— наш сын. А ты,— кивок в сторону третьего,— муж этой вот нашей соседки. Авось пронесет... Ружья быстро спрячьте вот сюда, здесь они век их не разыщут. Ну, быстро все за стол и продолжаем завтракать!

Снова уселись за стол. Сильным толчком кто-то распахнул дверь. Ворвались немцы. Разведчики и женщины отложили ложки, недоуменно уставились на пришельцев.

— Ви кто ест такой? Встать, когда говорит офицер великой Германия! — выкрикнул один из ворвавшихся, зло глядя на ближайшего к нему партизана.

Хозяйка бросилась к офицеру, стала объяснять:

— Это мой мужик непутевый, а это наш сын. Он скоро вступит в полицию. А это зашли сосед с женой. Они малость повздорили, и муж поколотил бабу, ну а сейчас вроде помирились. Он тоже собирается вступать в полицию.

— В полицай — это карашо,— одобрил офицер.— Почитать жена надо — это тоже карашо. Но говорят, что русский мужик бьет жена до смерти. Это не карашо.

Он повернулся и с гордо вскинутой головой покинул дом. За ним последовала вся его компания. Видно, торопились оккупанты, не стали тратить время на выяснение личностей...

— Ну, кажется, пронесло беду,— облегченно вздохнула хозяйка.— Это, похоже, не гестаповцы.— Она обессиленно опустилась на лавку.— Дай-ка мне, Марьюшка, водички испить...

Распрощались партизаны со своими спасителями и двинулись в обратный путь.

— Вот вам, друзья, и бабы наши деревенские,— с восхищением говорил Парников.— Да таких на руках носить надо! Ведь они, спасая нас, жертвовали собой.

Чрезвычайно трудные сложились условия в деревне Домашово. В ней обосновались предатели Родины староста Кузнецов и его помощник Бежаков.

Бежицкие партизаны разгромили полицейскую управу в этой деревне и в январе 1942 года из ее жителей организовали Домашовский отряд, который вошел в состав Бежицкого партизанского формирования. Многие семьи, в том числе Ерохины, Гришины, Егоренковы, Цукановы и другие, неумоимо и бесстрашно помогали своим бойцам-односельчанам.

Прекрасно проявил себя как разведчик Петр Васильевич Цуканов. Никто не мог так, как он, перевоплощаться и играть роль то калеки, то лицега, а то и полицая. Во время блокады лагеря он находил хитрые лазейки и помогал партизанам ускользать от карателей. Но однажды сам попал в беду. Задержали его на дороге вражеские патрули, обыскали, проверили и отпустили. Но один из патрульных почему-то передумал и предложил на всякий случай отправить в Сельцо. И пошла напизываться одна случайность на другую. В сельцовской полицейской управе допросили Цуканова с пристрастием и снова решили отпустить. В этот момент вошел с улицы бывший домашовский староста Кузнецов. Плотноядно взорвавшись на Петра Васильевича, он объявился:

— Цуканов?! Ну, здравствуй, здравствуй. Али не узнаешь друга-приятеля? Нехорошо, брат, зазнаваться! — И, прекратив кривляться, сообщил, повернувшись к офицеру, только что допрашивавшему задержанного:— Это партизанский лазутчик.

Петр Васильевич Цуканов умер под пытками, ни словом не выдав партизанской тайны...

Домашово постигла та же трагическая участь, что и другие населенные пункты партизанской зоны. Нагрянули гитлеровцы, сожгли деревню, а жители, предупрежденные партизанами, убежали в лес и мыкали беду в ветхих землянках, кочуя таборами и переменяясь с такими же беглецами из других селений, обреченными на голод и гибель от рук фашистских палачей. Только по Дорожковскому сельсовету, в который входила и деревня Домашово, каратели расстреляли более двухсот ни в чем не повинных стариков, женщин и детей.

Описание подвигов отважных патриотов Родины, не склонивших голову перед ненавистными захватчиками, не ставших перед ними на колени, можно продолжать и про-

должать. Это были простые, скромные, влюбленные в свою мирную работу люди. Оккупационные власти считали их партизанами, потому что партизаны мерещились им на каждом шагу. Но в списках партизанских отрядов они не числились. Многие, очень многие из них испытали на себе дикий, необузданный, противоречащий элементарной человеческой логике кровавый разгул, чинимый потерянными рассудок отщепенцами рода людского — гитлеровскими вандалами. Низкий поклон им за все муки и страдания, за неисчислимые жертвы, принесенные ими на алтарь священной борьбы во имя освобождения Отечества!..

28

После разгрома немецко-фашистских войск на Курской дуге бежицкие партизаны оказались внутри боевых порядков гитлеровцев. Лавины оккупантов откатывались на запад, разрушая на своем пути все, что можно было разрушить.

В этот период партизаны совершали налеты на тылы отступавших частей противника, диверсии на путях его отхода, повели борьбу с отрядами поджигателей и подрывников.

На рассвете 17 сентября 1943 года партизаны Дяткова и Бежицы соединились с частями Советской Армии в районе Ивотки. Радость этой встречи описать трудно... Изможденные, больные, голодные, обросшие, одетые во что понало, шатающиеся от бессонных ночей, усталости и нервного перенапряжения партизаны попадали в объятия советских воинов. Никто не стыдился слез...

Два года прошло с тех пор, как ушли они из родной Бежицы навстречу лишениям и смертельным опасностям. Уходили с тоской и болью в сердце, преисполненные лютой ненависти к захватчикам. Два долгих года непрерывных боев, походов... Сколько раз фашисты пытались уничтожить, стереть их с лица земли русской, а они снова и снова поднимались и разили ненавистных захватчиков! И вот теперь они возвращались в свою Бежицу с гордо поднятыми, хотя и изрядно поседевшими, головами; возвращались, выполнив свой сыновний долг перед Родиной; возвращались, пронеся через все невзгоды беззаветную

любовь и преданность советскому народу, родной ленинской партии.

Жители пролетарской Бежицы встречали своих партизан хлебом-солью. Счастливые улыбки, безутешные слезы по тем, кто пал в жестокой борьбе с оккупантами...

На площади имени Ленина состоялся митинг трудящихся. Выступили секретарь (теперь уже не подпольного) Бежицкого горкома партии Гавриличев и комиссар отряда имени Виноградова Якушев. Затем слово взял командир отряда Дурнев. Василий Павлович коротко рассказал о тяжелых боях отряда против карательных экспедиций врага. В заключение, возвысив голос, он сообщил, и это его сообщение прозвучало как военный рапорт:

— Нами уничтожено более двух с половиной тысяч фашистских солдат и офицеров, взорвано пять складов противника и сожжено два лесопильных завода, разрушены железнодорожная станция и железнодорожный мост, пущено под откос сто двадцать три железнодорожных состава, уничтожено тринадцать самолетов, девятнадцать танков и более двухсот пятидесяти автомашин, разгромлено шестнадцать мелких гарнизонов и столько же полицейских управ, освобождено из фашистского плена около пяти тысяч человек. Эти победы достались нам ценой тяжелых испытаний, гибели двухсот наших лучших товарищей, в том числе любимого командира Александра Ивановича Виноградова...

Через несколько дней возвратилась в город Бежицкая партизанская бригада имени Чапаева, сражавшаяся в Клетнянских лесах. Снова пришли люди на митинг, и прозвучал еще один боевой рапорт, с которым выступил командир бригады Андрей Сергеевич Горбачев. Чапаевцы уничтожили свыше двух тысяч пятисот вражеских солдат и офицеров, сожгли семь складов, взорвали железнодорожную станцию, шесть железнодорожных и более двух десятков других мостов, пустили под откос около тридцати железнодорожных составов, разгромили семнадцать воинских гарнизонов, восемнадцать полицейских управ и два немецких помещичьих имения.

Собравшиеся бежичане кричали «ура», поздравляли партизан, а заодно и друг друга. И снова, как на предыдущем митинге, наступила скорбная тишина, когда комбриг докладывал о потерях бригады...

После изгнания немецко-фашистских войск с брянской земли и возвращения партизан в город останки Александра Ивановича Виноградова, многих командиров подразделений, политработников, рядовых партизанских бойцов были перевезены в родную Бежицу и перезахоронены с должными почестями. По этому случаю состоялся траурный митинг трудящихся города.

При скорбном молчании собравшихся прозвучали имена тех, кто не вернулся из боев, кому не довелось увидеть родную землю освобожденной... Оркестр заиграл похоронный марш, затем широко разлилась партизанская песня «Шумел сурово Брянский лес». Ширилась она, как бурливая, полноводная река, и не было на площади ни одного безучастного лица.

Проходят десятилетия, забываются даты и подробности партизанских схваток, блекнут в стареющей памяти имена и лица боевых товарищей. Многие из ветеранов уже ушли из жизни, и остается их все меньше и меньше... Как тяжкий сон, нет-нет да и разбередят душу седому партизану воспоминания о пережитом военном лихолетье... Но уроки истории не проходят бесследно. Кровь, пролитая отцами и матерями в священной битве за родную землю, за свободу и независимость своего народа, за его счастливое будущее, будет вечно в памяти их сыновей, дочерей, внуков и правнуков, напоминать им о святом патриотическом долге, о необходимости выполнять его так, как это делали старшие поколения.

Коренков И. С.

К66 Не ставшие на колени.— М.: ДОСААФ, 1987.— 156 с.

25 к.

В книге рассказывается о боевых действиях Бежицкого объединенного партизанского отряда имени А. И. Виноградова и Бежицкой партизанской бригады имени В. И. Чапаева, а также некоторых других партизанских формирований в тылу противника. Автор, сам активный участник массового героико-патриотического движения, убедительно и ярко повествует о подвиге народных мстителей на временно оккупированной немецко-фашистскими войсками советской территории, о их неистребимой воле к победе над ненавистным врагом.

Для массового читателя.

К 4702010200-045
072(02)-87 51-87

ББК 84Р7
Р2

Иван Сергеевич Коренков

НЕ СТАВШИЕ НА КОЛЕНИ

Заведующий редакцией *И. Д. Носков*
Редактор *Н. П. Жданов*
Художественный редактор *Н. Д. Михайлин*
Художник *А. А. Митрофанов*
Технический редактор *Л. А. Ворон*
Корректор *Л. И. Логункова*

ИБ № 1638

Сдано в набор 28.10.86. Подписано в печать 04.03.87. Г-13526. Формат 84×
Х108^{1/32}. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обычн. новая. Печать вы-
сокая. Усл. п. л. 8,4. Усл. кр.-отг. 8,71. Уч.-изд. л. 8,77. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 6—682. Цена 25 к. Изд. № 1/е-126.

Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР, 129110, Москва,
Олимпийский просп., 22.

Киевская книжная фабрика, 252054, ул. Воровского, 24.

В связи с многочисленными просьбами о высылке изданий сообщаем, что Издательство ДОСААФ СССР рассылкой книг, брошюр и плакатов не занимается, так как вся готовая продукция поступает непосредственно в книготорговые организации.

По поводу приобретения книг, брошюр и плакатов следует обращаться в книжные магазины или в магазины «Книга — почтой».

Благодарим за внимание к нашим изданиям.